

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается:
въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» за
1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за
1867 г. **6** р., за 1868 г. **5** р., за 1869—1879 г. по **6** р.
каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.
—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лав-
ренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи,
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА

Отдѣль XV

№ ~~4205~~ 3671

~~200-12759~~

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

10.06.01.

70

Коллич. предвд. выдачи _____

Зер.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05
ср 54
в III
1880г.

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

Ж 69761

— годъ девятнадцатый. —

ВЫПУСКЪ III.

1880.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. П. Исаева
и
Губернскаго Правленія.

Воронежская областная
научная библиотека
имени А. С. Пушкина

0578664-

ср. 00

СОДЕРЖАНІЕ III ВЫПУСКА.

Сравнительный синтаксисъ именит., зват. и винит. падежей въ санскритѣ, зенд., греч., лат., нѣмец., литов., латыш. и слав. нарѣчійяхъ. (Продолженіе.)

А. В. Попова.

Терминологія въ словообразованіи.

И. С. Соломоновскаго.

Значеніе и зависимость падежей и ихъ соотношеніе между собою.

А. В. Барсова.

Происхожденіе слова „вѣтязь“.

М. М. Великанова.

Древній письменный памятникъ: Среднеболгарскій служебникъ 1532 г. Опытъ палеографико-глоттологическаго изслѣдованія.

В. В. Плотникова.

Конспектъ по грамматикѣ русскаго и славянскаго языковъ (съ предисловіемъ).

А. И. Анастасіева.

Въ предъидущей книжкѣ (вып. II), какъ оказалось недавно, въ ст. «Какъ писать: свѣдѣніе или свѣденіе» въ нѣсколькихъ экз. недостаетъ одной осьмушки, именно 29 и 30 стр. Редакція проситъ тѣхъ изъ своихъ подписчиковъ, если у кого не окажется означенныхъ страницъ, заявить ей объ этомъ:—осьмушка эта будетъ выслана при слѣдующемъ IV вып.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕНИ., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДЪ, ГРЕЧ., ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

а²) *Винительные коммодальные* (accus. commodi).

Если аналогично съ только-что указанными явлениями въ винительномъ отношеніи является имя лица (или предмета, разсматриваемаго какъ лицо), то такой винительный, означая предметъ, къ которому относится дѣйствіе или состояніе, который служитъ сферою проявленія дѣйствія или состоянія, имѣетъ коммодальное значеніе, т. е. такое значеніе, какое имѣетъ *dativus commodi* и его замѣны (напр. у меня зудитъ въ ногахъ, мнѣ тошно, у меня тошнота, мнѣ идти, мнѣ больно, пріятно и т. п.).

Въ скр. при разнообразіи выраженій для коммодальности (дат., род. и отчасти твор.) этотъ вин. довольно рѣдокъ: *vaçasañ na mantave*—не изучить (не понять, не перечислить) и мудрецу (краснорѣчивому), т. е. мудрецъ не можетъ изучить, R. V. 1, 112, 2a, *so dass ein Redseliger (selbst) nicht aufzählen kann*, Benfey, Orient и Occ. III.

Въ зендѣ часто: *tém at vé vajô añhaitî*—у него будетъ къ вамъ любовь, s. v. *vajanh*; *kâ tém ahjâ mainis añhât*—какое ему наказаніе за это, s. v. *ah*; *jé is çeñhô*—кто у нихъ въ ученіи, s. v. *çeñhu*; *jô mām zāvare pōit gaidhjêhi*—ты, который не желаешь для меня силы, s. v. *gād*; *jatha ïm vîçrañām mazistem çinaçti*—когда передаютъ себя ему, величайшему изъ всѣхъ, s. v. *mazista*; *nizbajêmi.... fravaşajô vîçrâo dāmān çavanhaitis*—призываю фраваша, полезныхъ для всѣхъ твореній, vend. 19, 124; *gavaça dajaça pourumahrkô*—гибельный для скота и полей, s. v. *daja*;

aêšãm nmânão histeñti—für (in Bezug auf) ihre Häuser stehn sie s. v. gaoçûra; vohũ idha hvarstem skjaothnem verezimnem—хорошо здѣсь для дѣлающаго доброе дѣло, s. v. varez; ačistem vaènañhê gãm—самое дурное для смотрѣнія коровѣ, s. v. ačista, букв. *pessimum bovem videre*. Юсти называетъ послѣдній оборотъ *accus. cum infin*; для насъ важно то, что винительный въ этихъ оборотахъ имѣеть такое же коммодальное значеніе, какъ въ прочихъ zend. примѣрахъ и въ скр., ср. мнѣ плохо (неудобно) сидѣть, смотрѣть и т. п.

Въ др. персид. *jathâ mãm kâma âha*—какъ было у меня желаніе, *jathâ mãm kâma*—какъ у меня желаніе, *Ztschr. f. Vlk. X, 135*.

Въ греч. *μάλα δὲ χρεὼ πάντας Αχαιοὺς ἐσθλῆς καὶ πικινῆς (βουλῆς)*—всѣмъ Ахейцамъ (теперь) въ сильной степени нужда въ хорошемъ и надежномъ совѣтѣ, I 75; *οὔτι μὲ ταύτης χρεὼ τιμῆς*—нисколько нѣтъ нужды мнѣ въ этой почести, I 607. Тлкой же винительный является при *χρή* и *δεῖ*—нужно: *οὐδέ τί σε χρὴ ἀφροσύνης*—тебѣ не нужно неблагоразумія (т. е. тебѣ неприлично неблагоразуміе), *Bens. s. v. χρῆ*. Прибавленіе неперед. наклоненія не измѣняетъ коммодальнаго значенія винительнаго; что и въ этихъ оборотахъ винительный имѣеть коммодальное значеніе, очевидно изъ того, что при *δεῖ* употребляется не только винительный, но и дательный коммодальный (ср. въ лат. нѣм. слав.), *Bensel. s. v. δεῖ*. Аналогично приведенному выше скр. примѣру и параллельно съ дательнымъ коммодальнымъ является этотъ же винительный при неопред. накл. въ такихъ оборотахъ, какъ *ἄς (κῆρας) οὐκ ἔστι φugeῖν βροτόν*—смертному неизбѣжать Керъ, M. 327. Так. обр. объясняется винительный въ одномъ изъ двухъ родовъ винительнаго съ неопред. Если такое, первона-

чально отдѣльное, предложеніе, какъ οὐκ ἔστι φογεῖν βροτόν — не избѣжать смертному, входитъ въ составъ другаго предложенія, то винительный, удерживая коммодальное значеніе, при сравненіи такого оборота съ полнымъ придаточнымъ предложеніемъ имѣетъ видъ подлежащаго при неопр. наклоненіи напр. τὸ προειδέναι τὸν θεὸν τὸ μέλλον καὶ τὸ προσημαίνειν ᾧ βούλεται, καὶ τοῦτο πάντες καὶ λέγουσι καὶ νομίζουσι — что божество знаетъ будущее и возвѣщаетъ, кому хочетъ; это говорятъ и признаютъ всѣ, Курц. § 573, букв. это: божеству (свойственно) предвидѣть и возвѣщать, кому хочетъ будущее — это говорятъ и признаютъ всѣ. Когда неопред. накл. получаетъ способность соединяться съ членомъ и разсматривается какъ существительное, при немъ возможенъ тотъ же коммодальный вин., напр. ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτὸν εἰς οἶκον — когда онъ вошелъ въ домъ, при его вшествіи въ домъ. Так. обр. этотъ винительный получаетъ видъ второстепеннаго подлежащаго при infin.

Въ лат. вин. для означенія лица, которому *стыдно, жаль, досадно, нужно, прилично* и т. п. Такой винительный находимъ прежде всего при безличныхъ *puget, miseret, decet piget, poenitet, taedet* ³²⁾, Шульцъ-Х. § 255; также

³²⁾ Что при *puget* и *miseret* вин. лица есть вин. коммодальный, а не винительный зависимый, очевидно изъ того, что тотъ же винительный является и при страд. залогѣ этихъ глаголовъ, напр. *me puditum est* — мнѣ стыдно, *me miseretur* мнѣ жаль. Коммодальное значеніе винительнаго при *decet* несомнѣнно изъ того, что на мѣстѣ винительнаго можетъ употребляться и дат. коммод. § 253, прим. 1. *Piget* имѣетъ при себѣ *pigeo* досаду = лит. *рук-stu* гнѣваться, чувствовать отвращеніе; слѣдовательно *me piget* = досада происходитъ во мнѣ, мнѣ досадно; также *poenitet* собств. значить во мнѣ происходитъ раскаяніе. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ быть только относительно винитель-

veritum est: veritum est eos—имъ совѣстно, Шульцъ, Лекс. s. v, vereor. Прибавленіе въ такихъ оборотахъ неопр. накл., какъ и въ греч., не измѣняетъ коммодальнаго значенія винительнаго; такой винительный съ неопред. является и при многихъ другихъ безличныхъ глаголахъ, какъ oportet, necesse est, licet, placet, interest и т. п. § 389³³); коммодальное значеніе винительнаго очевидно изъ того, что при нѣкоторыхъ изъ этихъ глаголовъ употребляется также и дат., напр. при licet, necesse est, decet, contigit, decet, § 389 прим. 2. Какъ и въ греч., такой винительный получаетъ видъ второстепеннаго подлежащ. при inf и вмѣстѣ съ infin. можетъ входить въ составъ другаго предложенія, хотя это случается и не такъ часто, какъ въ греч., напр. deum esse certum est—бытіе бога (то, что богъ существуетъ) несомнѣнно, ib. § 386, 4. Что употребленіе винительнаго коммод. составляло нѣкогда обыкновенное явленіе, очевидно изъ того, что вин. se (слав. сѧ, лит. si) въ значеніи

наго при taedet: me taedet по этимологическому значенію можетъ первоначально значить *меня жжестъ*, $\sqrt{-ti}$, Fick 2, 105; но по аналогіи съ другими подобными оборотами въ лат. и другихъ языкахъ мы имѣемъ право предполагать и въ этомъ случаѣ первоначально коммод. значеніе *у меня жжестъ*. Фикъ 2, 153 придаетъ глаголу pudet первоначально фактивное значеніе: *pu+dha=macht schämen*, заставляетъ стыдиться (первоначально бояться; это значеніе корень *pu* имѣетъ въ *paceo* и греч. πτο $\rho\acute{\epsilon}\omega$); но соединеніе корня съ *dha* не сообщаетъ ему необходимо фактивнаго значенія, ср. и-ти, и-дж; бы-ти—бѣдж; едо, ѣмъ $\sqrt{-ad}$ и гомер. ἔσθω (=εδ-θω) не заставляю ѣсть, а ѣмъ, ср. Schleich. Comp. § 293, 769⁴.

³³) Не при всѣхъ глаголахъ, перечисленныхъ въ § 289, винительный имѣетъ коммод. значеніе; при нѣкоторыхъ онъ является зависимымъ, напр. *juvat me*, (ср. *delectat me*), а при другихъ объясняется изъ позднѣйшаго развитія оборотовъ *accus. c. inf*, см. ниже—Винительный съ неопредѣленнымъ.

для себя, себя послужилъ для образованія значительнаго количества *verba media* въ лат., лит. и слав. (ниже гл. 3).

Въ нѣм. и гот.: вин. лица при *кара*—забота, напр. *ni kara thuk manshun*—тебѣ нѣтъ заботы ни о комъ, Марк. 12, 14; *ni kar ist ina thize lambe*—нѣтъ ему заботы объ этихъ овцахъ, Иоан. 10, 13; также Марк. 4, 38, Иоан. 12, 6; *ahd. mih ist wuntar*, букв. *mich ist Wunder*—мнѣ (меня, ср. въ слав.) есть удивленіе; *mih ist furiwizzi*=*mhd. mih ist firwiz*, у меня излишнее любопытство, Grimm 4, 243, букв. *nhd. mich ist Fürwitz*. *Ahd. mih vart* и даже *mih ist*—мнѣ было, мнѣ есть, *ibid. s. 702*. При безличныхъ глаголахъ, какъ *huggreith mik*—*es hungert mich*, *thaurseith mik*—*mich dürstet*,—мнѣ хочется ѣсть, пить, *thana gaggandan du mis ni huggreith jah thana galaubjandan du mis ni thaurseith*—букв. *den gehenden zu mir nicht hungert und den glaubenden zu mir nicht dürstet*,—приходящему ко мнѣ не захочется ѣсть и вѣрующему въ меня не захочется пить, Иоан. 6, 35, *nhd. mich hungert, mich dürstet*—мнѣ хочется ѣсть³⁴⁾, у меня жажда, *mich erbarmet*—мнѣ жаль.

³⁴⁾ Что при такихъ глаголахъ, какъ *huggreith mik*=*nhd. mich hungert*—мнѣ хочется ѣсть, вин. лица не есть винительный зависящій отъ глагола и что эти глаголы не имѣютъ переходнаго значенія, а суть средніе глаголы, означающіе состояние, это очевидно изъ того, что и одинъ глаголъ *hungern* безъ возвратнаго мѣстоименія значить *голодать*, а не *причинять голодъ*; напр. *du sollst heute hungern*—ты будешь (долженъ) сегодня голодать, Pawlowsky, s. v. *hungern*. Вообще при подобныхъ безличныхъ глаголахъ винительный большею частью коммодальнаго происхожденія; но нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть и зависимыми.

Въ слав. нарѣчіяхъ (кромя русскаго) винительный коммодальный употребляется довольно часто для означенія лица при словахъ, какъ *страхъ, стыдъ, скорбь, сожалѣніе, забота, удивленіе, желаніе, жажда*; также при прилагательныхъ, какъ *стыдно, дивно (удивительно), тошно* (кому); при глаголахъ, означающихъ *досаду, скорбь, боль, жажду, зудъ, ощущеніе холода*. Изъ русскаго Миклошичъ приводитъ только одинъ мпр. примѣръ: змыя стыдно стало, т. е. змію стыдно стало 4, 368. Въ серб. што је њега воља—что ему угодно; није га скрб—нѣтъ ему (у него) скорби; срам вас било; *ibid.*, га сврби—у него свербитъ, *ib.* 353 и Данич. 405, 406. Въ хорут. *ib.* 367 и 353.—Въ польск. *wstyd mię było; mię tęga, mię teszno*—мнѣ тошно, *ib.* 368, *go boli*—у него болитъ, *ib.* 353.—Въ чеш. *to t' mě divno*—то мнѣ удивительно, *ib.* 386. *ziabe mä*—мнѣ холодно (словацк.), *ib.* 353; *pacholky už potom mrzelo*—парнямъ уже надоѣло, *Ergben Cit.* 27. См. также *Mikl.* 383, 12. ³⁵⁾ Хорут. и сербскій пред-

³⁵⁾ Въ русск. сюда, быть можетъ, относятся нѣкоторые изъ такихъ винительныхъ, какъ *меня рветъ* (ср. *я рву—vomeo*), *меня тошнитъ* (у меня тошнота, ср. польск. *mię teszno*); но большая часть подобныхъ винительныхъ несомнѣнно зависимыя по своему происхожденію (меня трясеть, меня тянетъ). Также и въ другихъ слав. нар. нѣкоторые винительные при безличныхъ глаголахъ не коммодальнаго происхожденія, а винительные зависимыя, напр. хорут. *po vsěh udih me je trgalo*—меня дергало во всѣхъ членахъ, *mika me*—меня влечетъ, *Mikl.* 353, 3 (онъ не различаетъ тѣхъ и другихъ винительныхъ). Русскій языкъ, кажется, можетъ служить хорошимъ критеріемъ для различенія тѣхъ и другихъ винительныхъ: если винительный при безличномъ глаголѣ при переводѣ на русскій языкъ остается винительнымъ, то онъ зависитъ отъ глагола (напр. *mika me*—меня влечетъ, *delectat me*—меня услаждаетъ); если же вмѣсто винительнаго является дательный или родительный съ

ставляютъ наиболѣе широкое употребленіе этого винительнаго: въ хорут. встрѣчается винительный коммод. даже въ такихъ оборотахъ, какъ „будетъ вамъ конецъ—*konec vas bō, Mikl.* 367; въ серб. сюда относятся винительные: нега мора скупѣ стати него грке—ему должно стоять дороже, чѣмъ Грекамъ; што га иѣ—что ему стоитъ, будетъ стоять; стале су ме пушке десеть *hesax*—миѣ обошлись (стали) ружья въ 10 кесъ, Данич. 405.

Приведенныя данныя показываютъ, что винительный коммодальный нѣкогда пользовался большимъ распространеніемъ ³⁶⁾. Въ наибольшей широтѣ употребленія онъ сохранился въ зендѣ; въ греч. и лат.—преимущественно при неопред. накл. ³⁷⁾; въ германо-славянскомъ—преимущественно при безличныхъ глаголахъ. Появленіе и сохраненіе винительныхъ коммодальныхъ въ безличныхъ предложеніяхъ

предлогомъ *у*, то онъ коммодальный (напр. га сврби—у него свербитъ, *go boli*—у него болитъ, *em pudet*—ему стыдно).

³⁶⁾ Въ дательномъ пад. аріевр. языковъ является два главныхъ значенія: значеніе цѣли движенія и коммодальное значеніе. Такъ какъ оба эти значенія несомнѣнно входили также въ составъ значеній винительнаго и такъ какъ винительный несомнѣнно болѣе древній падежъ, чѣмъ дательный, то отсюда слѣдуетъ, что винительный нѣкогда имѣлъ функцію болѣе поздняго дательнаго, ср. вын. 29.

³⁷⁾ Причина этого, какъ увидимъ ниже, заключалась въ томъ, что эти языки, развивши въ наибольшей степени сравнительно съ другими аріевр. языками обороты *accus. c. inf.* впоследствии смѣшали два главныхъ рода этихъ оборотовъ (съ винительными зависимыми и винительными независимыми; послѣдніе именно и были коммодальнаго происхожденія). Это смѣшеніе и совмѣстное сохраненіе тѣхъ и другихъ винительныхъ при неопред. воспрепятствовало вытѣсненію этихъ винительныхъ дательными коммодальными, какое произошло въ остальныхъ языкахъ, не развившихъ въ такой степени оборотовъ *acc. c. inf.* и не смѣшавшихъ ихъ родовъ. Ср. ниже вин. съ неопр.

вполнѣ ясно: если предметъ, который долженъ бы быть подлежащимъ, является не столько производителемъ дѣйствія или состоянія, сколько предметомъ, въ которомъ проявляется дѣйствіе или состояніе, то болѣе умѣстнымъ было поставить на мѣстѣ подлежащаго не именительный, а падежъ коммодальный (т. е. первоначально винительный, а позже дательный и другіе) ³⁸⁾. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ выше, винительный проникаетъ на мѣсто подлежащаго, вслѣдствіе чего является новый видъ безличныхъ предложеній. Такимъ образомъ объясняется еще одинъ видъ безличныхъ оборотовъ.

В. Винительные опредѣленнаго отношенія.

Ва. Винительный повода и причины. Въ первой гл. было указано два источника для развитія винительныхъ повода или причины: 1) полусамостоятельныя предложенія (преимущественно *nomina actionis*, СЗ Ва);

³⁸⁾ Въ нѣкоторыхъ языкахъ развитіе такихъ безличныхъ оборотовъ относится къ позднѣйшему времени: такъ напр. въ др. греч. *πεινάω*—алчу, *διψάω*—жажду употребляются какъ личные глаголы; а въ новогреко-италійскомъ отъ этихъ глаголовъ являются безличные *me pinái* (*με πεινά*)—*mich hungert*, *me difsái* (*με διψά*)—*mich dürstet*, Mikl. 4, 353, 3. Но подобные факты недостаточны для опроверженія древности и первоначальности подобныхъ безличныхъ оборотовъ и винительныхъ коммодальныхъ, являющихся при нѣкоторыхъ изъ нихъ. Если въ др. греч. и нѣтъ оборотовъ *πεινά με*, *διψά με*, за то есть *δεῖ με*, *χρή με*, *χρεώ με*—мнѣ нужно; слѣдоват., прототипы новогрекоит. оборотовъ существовали и въ др. греч.; знаніе же о томъ, что нѣкоторые обороты по ихъ значенію умѣстиѣ выражать въ видѣ безличныхъ, въ разныхъ языкахъ въ разное время можетъ проявляться въ различной степени; но именно тотъ фактъ, что на мѣстѣ подлежащаго употреблялся преимущественно винительный, доказываетъ, что такой винительный съ значеніемъ, близкимъ къ дательному коммодальному, долженъ былъ существовать въ языкѣ раньше.

2) винительные, явившіеся по аналогіи употребленія ср. рода вопросительнаго и указательнаго мѣстоименія (СЗ В²). Эти винительные не достигли широкаго употребленія, такъ какъ съ развитіемъ падежей второй формаци обозначеніе повода и причины стало одною изъ главныхъ функцій аблятива и отчасти творительнаго.

Въ скр. *kim, kiñ nimitam, kim artham*—почему, по какой причинѣ; *tad nimitam, tad artham*—поэтому, по этой причинѣ. Этотъ же винительный, какъ независимый, встрѣчается при нѣкоторыхъ глаголахъ, означающихъ преимущественно аффекты, напр. опасаться, находиться въ колебаніи по поводу кого или чего—*ṣaṅk* (этимологически = *conjunctor*), Böhtlingk und Roth 7, 26; что такіе винительные могутъ быть вполне независимыми, очевидно изъ того, что при нихъ можетъ являться предлогъ съ значеніемъ *по поводу, относительно*, напр. *gāutamañ prati ṣankitaḥ*—находящійся въ сомнѣніи относительно Гаутамы, *ibid.*

Въ зендѣ: *paṣuṣraēm āctārajaōntē zemaṣṣa*—погребеніемъ мертвыхъ они оскверняютъ землю, *s. v. paṣuṣraja*, (т. е. первоначально это значить: „погребеніе мертвыхъ (происходить): оскверняютъ землю“); *vīṣāṣtaṣ ēa imāo nāménis parstaṣ ēa pairivāraṣ ēa vīṣeñtē*—черезъ изученіе (т. е. происходитъ изученіе:) имена эти дѣлаются защитою и оплотомъ, *s. v. vīṣāṣtañh* (Юсти называетъ этотъ вин. *accus. instrumenti*); *raṣnaos ēa paitiṣañhem*—пренебреженіемъ справедливости, *s. v. paitiṣañha*, (по Юсти *acc. instrum.*); ср. также *s. v. dvaṣṣañh* и *paṣ 2 (vāñim)*. Изрѣдеа являются такими винительными и не *nomina actionis*: *aḥūm mereñgedjâi maṣīm*—ради челоуѣка погубить міръ, *s. v. maṣja* (Юсти *maṣīm* называетъ винительнымъ отношенія).

Въ греч. такими винительными являются преимущественно мѣстоименія ср. р: τί—почему, отчего? αὐτά ταῦτα ἦκω—поэтому самому я пришелъ, Курц. § 404, прим.; χῶσατο δ' αἰνῶς ἀμφοτέρων, νίκης τε καὶ ἔγχεος—страшно гнѣвался по причинѣ того и другаго: побѣды и копья, N, 166; τοῦτο χαίρω—этому я радуюсь, ταῦτά λυποῦμαι καὶ ταῦτά χαίρω—по одному и тому же я радуюсь и печалюсь, Курц. § 401. Изрѣдка въ винительномъ независимомъ являются и имена: τίν' αἰεὶ τάχεις ᾧδ' ἀκρόρεστον οἰμωγάν... Αγαμέμνονα—какое ненасытимое рыданіе ты источаешь всегда объ Агамемнонѣ, Electra 125; ἔκλαιον δὲ πάντες, καὶ ἐκόπτοντο αὐτήν—они плакали и терзались (били себя) изъ-за нея. Лука 8, 52. λίην ἄχθομαι ἔλκος—сильно страдаю отъ раны, E, 361; θαρρῶεω τί или τινά—держатъ, быть мужественнымъ по причинѣ чего или кого (in Bezug auf Etwas, wegen Etwas, Bensel. s. v. θαρσέω).

Въ лат. quid—почему? illud laetor, gaudeo—тому я радуюсь, aliquid tibi succenseo—кое-за-что я сержусь на тебя, hoc non dubito—въ этомъ я не сомнѣваюсь (ср. въ скр.), utrumque laetor—радуюсь тому и другому, Шульцъ-X. § 257.

Въ нѣм. Was—почему, dass—потому, поэтому, потому что; напр. was freuest du dich? ich freue mich, dass mein Freund gekommen ist—букв. что ты радуешься? я радуюсь это: мой другъ пришелъ³⁹⁾.

Въ лит. ka (латыш. kũ, kõ) почему, tai—потому; szandys mano koju žingsnelius, szan-

³⁹⁾ Нѣм. das и dass первоначально тождественны; оба они соответствуютъ гот. thata, англ. that, mhd daz; различіе правописанія—позднѣйшаго происхожденія.

dys mano ranku darbelius—болятъ мои ноги отъ шаговъ (ходженія), болятъ мои руки отъ работъ, Lit. Leseb. 23.

Въ слав. что—почему, цел. чьто, Mikl. 394. Замѣчательный по архаичности винительный причины является въ серб. оборотѣ које јаде дангубите—какія печали (что) вы теряете время? Данич. 407, Mikl. 374. Болѣе обыкновенное явленіе представляютъ винительные причины въ безличныхъ оборотахъ, какъ жаль, шкода, и т. п.: въ млр. жаль ми тя, жалко ему сына (дочку, хотя говорятъ и дочери), Mikl. 369, въ серб. жао (жаль) ми бјеше витезе јунаке, мени га (его) је мило; ib. 368; въ польск. *żal mi pieniędzy*—жаль ему денегъ, *szkoda wąsow*—жаль усовъ, ib. 369; въ чеш. *běda mně tebe*, ib. 369; (гораздо чаще на мѣстѣ этого винительнаго является родительный, вѣроятно, аблативнаго происхожденія). Сюда винительный при глаг. *страдать*, *болѣть отъ чего*: въ серб. волим једну боловати рану, него двије—хотимъ лучше страдать отъ одной раны, чѣмъ отъ двухъ, Mikl. 374.

Относящіяся сюда винительные представляютъ рядъ явленій, съ одной стороны, примыкающихъ къ именительнымъ, составляющимъ отдѣльныя предложенія (что, какая причина), а съ другой стороны—къ винительнымъ зависимымъ, отъ которыхъ часто трудно бываетъ отдѣлить ихъ (при глаголахъ аффектовъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе повода, причины такъ близко къ значенію простаго отношенія, что трудно отдѣлимо отъ послѣдняго, напр. сомнѣваться, колебаться по поводу чего или относительно чего.

Вв) Винительные образа (b^1) и результата (b^2) (слѣдствія- α) и цѣли- β). Значенія эти, какъ указано выше, близки между собою, такъ что напр. „поражать (на) смерть“ можетъ значить: b^1) поражать смертельно; $b^2\alpha$)

поражать такъ, что вслѣдствіе этого является смерть; b²β) поражать такъ, чтобы послѣдовала смерть.

b¹) *Винительные образа (поясненія):*

Въ скр. обыкновенно съ союзомъ jathâ, указывающимъ на значеніе этихъ винительныхъ, близкое къ значенію отдѣльныхъ предложений: gâja girâ mahâ viçetasam indrañ vaço jathâ— великою пѣснью воспѣвай Индру сообразно съ словомъ (букв. какъ слово, der Wahrheit nach, im wahren Sinne des Worts, Benf., Sâma-V. s. 225 и 163) S. V. 1, 3, 2, 3, 3. devajanto jathâ matim... girah̄ anuṣata—пѣвцы поютъ по своему разумѣнію, R. V. 1, 6, 6.

Въ зендѣ: māthrem vereṣēntī—они будутъ дѣйствовать сообразно съ словомъ s. v. māthra; maçō—въ величину, до такой степени, такъ, tafçān maçō hāmurvīçjāonhō çadajēiti—они разогрѣлись до такой степени (букв. величину) что погибли (что нѣтъ въ текстѣ), s. v. maçāñh, zafare; vaçō kereñtu—пусть онъ рѣжетъ сообразно съ желаніемъ, s v karet.

Въ греч. τὴν φύσιν—по природѣ, δίχην—по обычаю, πρόφασιν—подъ предлогомъ, Курц. § 404, прим. στενάχοντο γυναῖκες Πάτροκλον πρόφασιν σφῶν δ' αὐτῶν κήδε' ἑκάστη—женщины плакали будто о П. (что составляло предлогъ), на самомъ же дѣлѣ каждая о своихъ печаляхъ, Т. 302. τρόπον сообразно съ характеромъ, образомъ (nach Art von), τοῦτον τὸν τρόπον—такимъ образомъ, такъ, Bens. s. v. τρόπος и Курц. ib., ψεῦδος—ложно (ср. сообразно съ истиною=справедливо), οὐτι ψεῦδος ἐμὰς ἄτας κατέλεξας—неложно (вѣрно) ты перечислилъ мои вины, I. 115; οὐχ' ὄγ' ἄνευθε θεοῦ τάδε μαίνεται—не безъ бога этотъ мужъ такъ неис-

товствуетъ, E 185; ὡς τάχος-- поспѣшно (ср. въ скр. вин. съ jathâ).

Въ лат. сюда относятся винительные падежи нѣкоторыхъ отвлеченныхъ существительныхъ, сохранившихся только въ винительномъ падежѣ ед. числа и потому сдѣлавшихся нарѣчіями: *dominativim*—именно, по-именно, *sensim* мало-помалу (ср. чуть-чуть), *catervatim*—толпами, *furtim*—воровски и т. п. Шульцъ-X. § 233.

Въ слав. рѣдко: въ цсл. злобу възненавидѣ—*in odio habuit*, Mikl. 374, (злобно); въ русск. горячится онъ теперь да такову бѣду, Барс. Прич. 284, 47 (ср. бѣдово).

Гораздо чаще винительные этого вида являются съ предлогами (напр. въ скр. и зендѣ *apu*, въ греч. *κατά* въ *phd. auf.* въ слав. на), позже на ихъ мѣстѣ являются другіе косвенные падежи, напр. *ablat.* и особенно творительный.

а) *Винительные (результативные) слѣдствія.*

Въ скртѣ: *devâsurâir amrtam ambunidhir mamante*—богами и асурами море взбивалось для полученія амброзіи, Kirâtârg. 5, 30, b (Bf s. 182). Въ зендѣ: *mašjâka daēvô aošô jâizaitê*—человѣкъ почитаетъ девоу на гибель s. v. *aošaiñ*; также s v *apaōša*.

Въ греч. *τροπὰς κατὰρρηγνύουσαι*—прорывать (ряды) такъ, что происходитъ бѣгство, Bensel. s. v. *τροπή*, также Курциусъ § 400 d; *ἐλκος οὐτάσαι*—поразить такъ, что является рана, Курц. § 400 d; *ἀπαντα πέντε μέρη ἔνεμαν*—они раздѣлили все на пять частей, т. е. такъ что получилось 5 частей, Курц. § 402; другіе прим. стр. 90.

Въ лат. *foedus ferire*—убить (жертвенное животное) для заключенія союза. *Uti Cyclops saltaret*—чтобы онъ пантомимой изображалъ Ц.,

букв. скакаль Ц. Hor. Sat. 1, 5, 63; что такой вин. независимъ, очевидно изъ того, что онъ можетъ стоять при страд. глаг. moveri, Cyclopa moveri—движеніемъ изображать Ц. Kirchner, Horat. Satiren, Commentar s. 201.

Въ нѣм. лит. и слав. остатками такого винительнаго являются такія слова, какъ ein mal syki, věna syki, разъ, одинъ разъ, ср. стр. 89, 90.

Если винительный результативный имѣетъ одинаковый корень или сходное значеніе съ глаголомъ того предложенія, къ которому онъ относится, то такой винительный приближается къ тому, что принято называть *винительнымъ внутренняго объекта, или винительнымъ одного корня или значенія*: если такіе винительные, какъ λυγρόν, ἔλεθρον, θάνατον, разъ (ударъ, syki, πληγήν) могутъ стоять при разнообразныхъ глаголахъ для означенія результата, то они могутъ стоять также и при глаголахъ одного съ ними корня или значенія, напр. ἄλλοιαι λυγρόν ἔλεθρον—„онъ погибаетъ: печальная гибель,“ θνήσκω θάνατον—„умираю на смерть (смертью умираю), ударити едино удареніе—πλήττειν μίαν πληγήν, также πλήττομαι βαροτάτην πληγήν—букв. „поражаюсь: тяжелѣйшій ударъ,“ ср. гл. 2, 3 b².

β) *Винительный цѣли* можетъ представлять видъ результативнаго винительнаго, такъ какъ самое понятіе цѣли есть понятіе результата, который еще не достигнутъ, но имѣетъ быть достигнутымъ. Отдѣлить въ настоящее время этотъ винительный цѣли (результативный по происхожденію) отъ винительныхъ цѣли, развившихся чрезъ посредство комитативнаго значенія (ср. 2 b α) и чрезъ посредство мѣстнаго значенія (вин. цѣли движенія), едвали возможно; да и притомъ отдѣленіе это едвали могло бы имѣть какіе-нибудь важные результаты: несомнѣнно только то, что винительные цѣли *могли* развиваться и чрезъ посредство результативнаго винительнаго ⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ Пространственный винительный не могъ быть единственнымъ источникомъ для развитія винительныхъ цѣли вообще

В²b) Винительные образа и результата на мѣстѣ сказуемаго (второго именительнаго). Именное сказуемое является обыкновенно въ именительномъ падежѣ (второй именительный). Аріевропейскіе языки въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи устраняютъ вторые падежи, подвергая ихъ различнымъ замѣнамъ. Славяно-литов. языки создаютъ даже особую грамматическую категорію *творительнаго предикативнаго*, который является на мѣстѣ болѣе древнихъ вторыхъ именительныхъ или винительныхъ. Исслѣдованіе проф. Потемни (Изъ зап. 2, 477—538) показало, что творительные предикативные явились на мѣстѣ вторыхъ именительныхъ и винительныхъ чрезъ посредство творительныхъ образа: вслѣдствіе сходства въ нѣкоторыхъ случаяхъ между значеніемъ вторыхъ именительныхъ и винительныхъ и значеніемъ творительныхъ образа (при стремленіи къ устраненію вторыхъ согласуемыхъ падежей) творительные образа проникли на мѣсто вторыхъ именительныхъ ⁴¹⁾. Подобное же явленіе замѣчается и въ только-что рассмотрѣнныхъ винительныхъ: когда сказуемое въ своемъ значеніи по отношенію къ подлежащему означаетъ образъ (поясненіе, сравненіе), результатъ (результатъ превращенія или бытія, цѣль измѣненія или бытія), т. е. приближается къ значенію винительныхъ В b¹ b², въ такихъ случаяхъ на мѣстѣ вторыхъ именительныхъ могутъ являться указанные винительные. Явленіе это въ первоначальномъ видѣ особенно распространено въ зендѣ; въ европейскихъ языкахъ такіе винительные обыкновенно уже нуждаются въ помощи предлога.

Въ зендѣ такой предикативный винительный часто является послѣ *bavâhi*—будь: *ughrem*

уже по одному тому, что самое значеніе цѣли въ немъ дѣлается опредѣленнымъ лишь въ болѣе позднее время подъ вліяніемъ глаголовъ, означающихъ движеніе, ср. выше 1, независ. вин. времени и мѣста.

⁴¹⁾ Съ теченіемъ времени въ языкѣ потерялось сознаніе о первоначальной связи творительнаго предикативнаго съ творительнымъ образа и творительный предикативный образовалъ отдѣльную грамматическую категорію; связь эта открывается лишь путемъ научнаго сравненія.

bavâhi—будь сильнымъ, s. v. ughra; aurvaṭaṣrem bavâhi jatha hvare—будь богатъ сильными лошадьми, какъ солнце, s. v. aurvaṭaṣra; çrîrem kehrpem bavâhi—будь прекраснымъ тѣломъ, s. v. kehrp; также s. v. âtar, zaênôñhvañt, zaganumañt, tižinavañt, dusmainjûgajañt, pourvaṣra, 2 hudhâo. Также послѣ глагола ah=скр. as—*ес-мь, быть*, причемъ самый глаголъ можетъ опускаться: jaêšâm añhat dužârem çinvaṭperetûm—для которыхъ мость Чинвать былъ (бываетъ) недоступнымъ, s. v. dužara ⁴²⁾; jathrâ vé afšmânî çênhânî nôit anafšmâm—wo euch in den metrischen Worten nicht Unmetrisches (sein wird), s. v. anafšma. Винительный цѣли на мѣстѣ сказуемаго: mazdâ vîdvaêšâm ahî—Мазда, ты еси къ удаленію страданій, s. v. vîdvaêša; jada zevîm añhen—когда они суть къ призыванію, Јасна 31, 4, а; обороты съ винительнымъ цѣли на мѣстѣ сказуемаго неотдѣлимы отъ perfecta periphrast, и входятъ въ составъ послѣднихъ.

Въ скртѣ сюда относятся многіе изъ тѣхъ винительныхъ, которые вмѣстѣ съ âsâ—былъ составляютъ обороты, извѣстные подъ именемъ perfecta periphrast., напр. tañ sa bhimañ pragakâmas tošajâm âsa—желающій потомства Бхима удовлетворилъ его, бувъ. былъ въ удовлетвореніе, утѣшеніе его, ср. въ слав.

⁴²⁾ Сюда относятся многіе изъ тѣхъ винительныхъ, о которыхъ Юсти въ своемъ словарѣ замѣчаетъ: винительный вм. именительнаго послѣ (hinter) глагола, напр. см. s. v. aiwighžâra, Iaka, aži, aša, urvara, urvarôbaêšaza, kainin, karetôbaêšaza и т. п. Вопросъ о томъ, объясняются ли отсюда всѣ случаи винительныхъ на мѣстѣ вторыхъ именительныхъ (hinter dem Verbum, по Юсти), или были и другіе источники развитія такихъ винительныхъ, требуетъ болѣе спеціальнаго изслѣдованія.

Въ греч. такіе винительные являются уже съ предлогами, преимущественно съ *εις*: *καὶ ἠῤῥῆσε, καὶ ἐγένετο εἰς δένδρον μέγα*—и выросло (горчишное зерно) и сдѣлалось большимъ деревомъ, Лук. 13, 19; *ἡ λύπη ἱμῶν εἰς χαρὰν γενήσεται*—печаль ваша будетъ въ радость (превратится въ р.), Иоан. 16, 20; также Матѳ. 19, 5; 2 Кор. 6, 18.

Въ лат. *factus es mihi in salutem*—былъ мнѣ во спасеніе; *verti* или *se vertere in aliquid*—превращаться во что; *anguis in lapidem mutatus*. Ovid.

Въ нѣм. Мистели указываетъ подобныя обороты въ швейцар. нар. *wenn i (ich) ihn wär*, Ztsch. f. Vlkr. 10, 133.

Въ лит. при глаг. *pasiversti* встрѣчается еще вин. безъ предл: *pasiversiu marga lydekele*—я превращусь въ пеструю шучечку, Neselm. 130, *pasiversiu raiba gegužele,.... balta dobileli*—оборочусь въ рябую кукушку, зеленый трилистникъ, *ibid.* 130, 131. Чаще при такомъ вин. является предлогъ *i*—въ: *justu smutnybė turrės i džiaugsmą pavirsti*—печаль ваша обратится въ радость, Иоан. 16, 20.

Въ слав. часто. Цсл.: *быхъ въсѣмъ въ ржгъ*—*omnibus ludibrio fui*, Дамаскъ будетъ въ паденіе, Mikl. s. 399, f; въ русск. быть, оставаться въ утѣшеніе; намъ и радость не въ радость; въ польск. *jes uczynił sę mnie we zbawienie*—*factus es mihi in salutem*, Mikl. ib; въ серб. Данич. 546.

Изъ этихъ данныхъ видно, что винительные образа и результата въ аrio-европейскихъ языкахъ спорадически служили нѣкогда такою же замѣною вторыхъ, именительныхъ, какою позже въ славяно-литовской отрасли является творительные образа.

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

0518 664

65731 ж

Предшествующая часть изслѣдованія исчерпываетъ всѣ главные виды винительнаго независимаго ⁴³⁾. Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ, винительный независимый представляетъ необыкновенное разнообразіе въ употребленіи; это служитъ подтвержденіемъ того положенія, что винительный есть наиболѣе древній косвенный падежъ и что онъ нѣкогда былъ *общимъ косвеннымъ падежомъ* (Курціусъ); съ другой стороны, такъ какъ наибольшее разнообразіе употребленія представляетъ винительный независимый, а не винительный зависимый, то это служитъ указаніемъ на то, что винительный независимый первоначально винительнаго зависимаго.

ВИНИТЕЛЬНЫЕ ЗАВИСИМЫЕ.

Разсмотрѣніе разнообразныхъ случаевъ винительныхъ зависимыхъ съ исторической точки зрѣнія привело меня къ убѣжденію, что эти вин. первоначально тождественны съ винительными независимыми, т. е. сводятся на разсмотрѣнные выше три рода винительныхъ независимыхъ. Основанія для такого отождествленія заключаются въ данныхъ, которыя можно формулировать въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

1) Съ исторической точки зрѣнія винительные зависимые не представляютъ опредѣленной грамматической категоріи; понятіе винительнаго завис. очень растяжимо: чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ труднѣе отдѣлить винительные завис. отъ вин. независимыхъ; во многихъ случаяхъ мы застаемъ даже самый процессъ перехода отъ независимости къ зависимости.

2) Винительные зависимые не могли первоначально зависѣть ни отъ залога, ни отъ глагола вообще; слѣдовательно первоначально были независимы.

⁴³⁾ При дальнѣйшемъ развитіи ко многимъ изъ винительныхъ независимыхъ для большей опредѣленности значенія присоединились предлоги. Я нахожу болѣе удобнымъ разсмотрѣть всѣ падежи съ предлогами вмѣстѣ, а не по частямъ, послѣ разсмотрѣнія значенія падежей безъ предлоговъ.

Приступая къ доказательству и уясненію этихъ положеній я нахожу нужнымъ прежде всего остановиться на анализѣ понятія *зависимость* и разсмотрѣніи опредѣленія вин. зависимаго.

Понятіе грамматической зависимости значительно уяснено сравнительнымъ языкознаніемъ чрезъ разсмотрѣніе отношенія косвенныхъ падежей къ предлогамъ, управляющимъ ими, и наклоненій къ союзамъ, требующимъ извѣстныхъ наклоненій. Разсмотрѣніе это показало, что въ болѣе древнихъ формаціяхъ аrioевр. языковъ извѣстные падежи и наклоненія, являющіеся съ точки зрѣнія болѣе позднихъ формацій зависимыми, стояли вполнѣ самостоятельно, независимо; что предлоги и союзы кажутся требующими извѣстныхъ падежей и наклоненій лишь потому, что ограничилась прежняя свобода употребленія послѣднихъ, т. е. извѣстные падежи и наклоненія въ извѣстныхъ значеніяхъ по закону дифференцированія стали употребляться только вмѣстѣ съ извѣстными предлогами или союзами. Так. обр. грамматическія понятія *зависимости*, *требованія* съ научной точки зрѣнія—фикція: *грамматическая зависимость есть возможность употребленія слова извѣстной грамматической категоріи, обусловленная присутствіемъ другаго слова.*

Въ примѣненіи къ винительнымъ зависимымъ это значитъ: винительные не требуются глаголами, а представляютъ винительные незав., употребленіе которыхъ въ болѣе позднее время обуславливается присутствіемъ извѣстныхъ глаголовъ. Таковъ апіорный выводъ относительно вин-ыхъ завис., вытекающій изъ анализа понятія *зависимость*; какъ увидимъ ниже, выводъ этотъ вполнѣ согласенъ съ фактами языка.

Грамматики до послѣдняго времени понятію *зависимость* придавали какое-то метафизическое значеніе и не могли дать удовлетворительнаго опредѣленія винительнаго зависимаго.

Опредѣленіе винительнаго зависимаго формулируется приблизительно такъ: вин. зав. означаетъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе другаго главнаго предмета (под-

лежащаго). Къ этому прибавляютъ еще, что при перемѣнѣ дѣйствительнаго оборота на страдательный вин. зависим. превращается въ имен. и становится подлежащимъ страдательнаго оборота (ср. Бусл. §§ 245 и 175, 2).

Остановимся на этомъ опредѣленіи. Прежде всего, оно представляетъ кругъ: на вопросъ, при какихъ глаголахъ употребляется вин. зависим., отвѣчаютъ: „при дѣйствительныхъ“ и опредѣляютъ дѣйствительный глаголь такъ: „дѣйствительный глаголь означаетъ дѣйствіе предмета, переходящее на другой предметъ, котораго названіе ставится въ вин. падежѣ“ Бусл. § 175, 1. Так. обр. дѣйствит. залогъ опредѣляется чрезъ опредѣленіе вин. завис., а вин. завис. опредѣляется чрезъ опредѣленіе залога. За тѣмъ: что такое „перехожденіе дѣйствія одного предмета на другой“? Терминъ этотъ неясенъ: онъ не опредѣляетъ, какіе именно глаголы переходные и какіе непереходные.

Такъ мы не знаемъ, слѣдуетъ ли относить къ переходнымъ глаголы движенія, напр. находить, найти, invenire и т. п. По видимому, оборотъ „онъ найдетъ въ мірѣ славу“ не представляетъ никакихъ препятствій для того, чтобы отнести его къ дѣйствительнымъ оборотамъ (ср. имъ будетъ найдена слава); но, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на то, что оборотъ *найти что*, такъже какъ и *найти на что*, *набрести что* и *на что*, предполагаетъ болѣе древній оборотъ *ити что* (=идти къ чему, какъ въ скр, зендѣ, отчасти греч. и лат.), и дѣйствительно находимъ такой оборотъ въ скр. *khjâtin loke gamiṣjati*—букв. славу въ мірѣ онъ будетъ идти, *Sāv 5, 56*—греч. κλέος ἕεται—онъ достигнетъ славы, то мы колеблемся—признать ли въ подобныхъ случаяхъ первоначальный вин. завис., или вин. независимый мѣста, и вообще, слѣдуетъ ли подобные глаголы движенія въ аrioевроп. отрасли отнести къ переходнымъ или неперех. глаголамъ. Въ этомъ случаѣ не помогаетъ намъ даже и приведенное выше добавленіе къ опредѣленію дѣйствительнаго оборота (что при превращеніи дѣйствит. оборота въ страд. вин. завис. превращается въ имен.): въ скр. глаголы, какъ *gam*—идти и т. п. употребляются въ страд. залогѣ, при чемъ подлежащимъ является предметъ, къ ко-

торому идти или по которому идти, напр. *agamjo 'ri gamjate*—даже недостойный ухаживанья служить предметомъ, къ которому ходятъ, за которымъ ухаживаютъ, (букв. *ходится*), *Pāṇ.* 5, 7; при дѣйствительномъ оборотѣ *grāmañ gaśchati*—онъ идетъ въ деревню—находимъ страд. оборотъ *grāmo gato*⁴⁴⁾ что значить: деревня составляетъ цѣль шествія или предметъ шествія (т. е. по деревнѣ ходятъ, *grāmo gato devadattena*, букв. деревня ходится Девадатой, *das Dorf ist von D. betreten, besucht, Böhtl. Roth. Wörtb 2, 670*). Точно такъ-же современные обороты *переходить рѣку* и *прожить годъ*, при которыхъ возможны страдат. обор. *перейдена рѣка*, *прожить годъ*, несомнѣнно предполагаютъ болѣе древнѣе переходные обороты, въ которыхъ глаголы *идти*, *ходить*, *жить* могутъ являться въ страдат. оборотахъ и безъ сложенія съ предлогами; въ скртѣ дѣйствительно очень обыкновенны такіе обороты, какъ *padī tīrṇā*—рѣка перейдена, *varṣam uśitam*—годъ прожить (букв. рѣка идена, годъ жить, ср. ниже 1 Aa² и Ba²). Так. обр. мы видимъ, что независимые вин. времени и мѣста очень тѣсно примыкаютъ къ одной части винительныхъ зависимыхъ и въ древнихъ формаціяхъ неотдѣлимы отъ нихъ, такъ что въ скртѣ и зендѣ невозможно отдѣлить вин. объекта при глаголахъ движенія отъ независимыхъ винительныхъ времени и мѣста. Какъ увидимъ ниже, огромная масса винительныхъ объекта сводится на независимые винительные мѣста и отчасти времени.

Такъ-же мало удовлетворителенъ терминъ „перехожденія дѣйствія одного предмета на другой“ для разграниченія многочисленныхъ винительныхъ зависимыхъ отъ независ. винительныхъ комитативныхъ и нѣкоторыхъ видовъ

⁴⁴⁾ Индійскіе грамматикѣ, съ точки зрѣнія своего языка, совершенно основательно винительные мѣста считаютъ за вин. объекта: такъ Панини ставитъ рядомъ какъ примѣры дѣйствительныхъ оборотовъ *katañ karoti*—онъ дѣлаетъ рогожу и *grāmañ gaśchati*—онъ идетъ въ деревню; для него вин. и при глаг. дѣлать и при глаг. идти есть *karman*—объектъ дѣйствія, *Pāṇini 2, 3, 2 (Aśṭakañ paṇin. Böhtlink)*.

вин. отношенія. Подробное перечисленіе такихъ винительныхъ представлено ниже при систематическомъ изложеніи значеній винительныхъ зависимыхъ; здѣсь пока ограничусь немногимъ. Относительно винительныхъ комитативныхъ замѣчу: если винительный имѣлъ несомнѣнно комитативное значеніе независимо отъ глагола и могъ являться при такихъ глаголахъ, какъ *идти*, *двигаться* съ чѣмъ, *бросать*, *пускать* что—чѣмъ, *течь*, *дышать*, *плевать* чѣмъ (въ древнихъ язык. что, т. е. съ вин.), то спрашивается, какъ въ этихъ случаяхъ отдѣлить вин. объекта отъ независимыхъ вин. комитативныхъ? Въ частности, въ оборотахъ *kṣarati guhīran*—онъ течетъ кровью=греч. ῥεφεῖ αἷμα=лат. *sanguinem manat*=цсл. кровь каплетъ—винительные *кровь* зависимы или независимы? Что касается винительныхъ отношенія, то въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются при глаголахъ, въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой возможности отдѣлить независимые винительные отъ зависимыхъ. Такіе винительные являются преимущественно при глаголахъ, означающихъ аффекты, какъ *сомнѣваться*, *бояться*, *радоваться*, *печалиться*, *страдать*, *плакать*, *смѣяться* по поводу кого или чего. Видѣть въ этихъ случаяхъ какой-то „переходъ дѣйствія отъ одного предмета на другой“ рѣшительно невозможно ⁴⁵⁾. Между тѣмъ многіе изъ такихъ вин-ыхъ имѣютъ всѣ признаки винительныхъ объекта, напр. при дѣйств. оборотѣ *mān śaṅkase*—ты боишься меня (сомнѣваешься, недоувѣряешь) возможенъ страд. *aḥaṅ śaṅkitaḥ*—я подозреваюсь (меня бояться, недоувѣряютъ) ⁴⁶⁾. Еще одинъ при-

⁴⁵⁾ Въ этихъ случаяхъ вѣрише назвать подлежащее «предметомъ, подвергающимся дѣйствію другаго предмета», т. е. въ данныхъ случаяхъ объекта; ср. напр. *mān śaṅkase*—ты боишься меня, ἄρχτος ἔτρεσευ—онъ испугался медвѣдя.

⁴⁶⁾ Ср. Böhtlingk-Roth., W. 7, 26 *śaṅkita*—in Zweifel gezogen, verdächtig. Но тотъ-же самый вин. при глаг. *śaṅk* можетъ разсматриваться какъ вин. отношенія, такъ какъ при такомъ вин. можетъ стоять предлогъ *prati*—относительно, напр. *gāutamaṅ prati śaṅkitaḥ*—онъ сомнѣвается относительно Т. *ibid.*

мѣръ: вин. τὴν κεφαλὴν въ оборотѣ χάμνω τὴν κεφαλὴν справедливо считается за винительный отношенія; χάμνω этимологически и въ значительной степени по значенію тождественно съ скр. и зенд. *ṣam*—трудиться, уставать; изъ значенія *страдать, трудиться надъ чѣмъ, относительно чего* развивается значеніе съ *трудоу дѣлать что* (mit Mühe arbeiten, Bensl.), а затѣмъ и просто *дѣлать что*; въ скр. глаголѣ *ṣam* произошелъ такой же переходъ значенія, напр. *idañ devebhjo haviṅ ṣamīśva*—приготовь богамъ эту жертву, Böht—Roth 7, 71 (ср. подобный переходъ значенія въ лат. *laboro*, нѣм. *arbeiten* и слав. работать). Спрашивается: вин. при *ṣam* = *χάμνω* = *laboro* = *arbeiten* *дѣлать что*—есть вин. объекта или независимый вин. отношенія?

Подобные примѣры, количество которыхъ дѣлается тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы подвигаемся въ древность съ одной стороны, показываютъ, что опредѣленіе грамматиками винительнаго объекта со стороны значенія, какъ неподвижной грамматической категоріи, неудовлетворительно и даже вовсе невѣрно; съ другой стороны, они вызываютъ на попытку систематизировать разнообразныя случаи употребленія вин. зависим. съ точки зрѣнія родовъ и видовъ винительнаго независимаго и так. обр. опредѣлить вин. зависимый исторически.

Прежде чѣмъ перейти къ такой попыткѣ систематизированія, для устраненія нѣкоторыхъ возраженій и упрощенія задачи слѣдуетъ остановиться на вопросѣ, въ какомъ отношеніи къ залогу (и глаголу вообще) стоялъ винительный объектъ въ древнѣйшее доступное для изслѣдованія время? Разсмотрѣніе этого вопроса обнимаетъ также и критику того дополненія къ опредѣленію винительнаго объекта, на которое указано выше.

Что въ новое время между извѣстною частью глаголовъ, которые называются дѣйствительными переходными и между винительными объекта устанавливается такое отношеніе, что винительные объекта за немногими исключеніями являются только при дѣйствительныхъ перех. глаголахъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но, если мы взглянемъ на

это съ исторической точки зрѣнія, то увидимъ, что такое отношеніе есть явленіе болѣе позднее. Въ литовско-латыш., латинск., греческомъ, не говоря уже о скртѣ и зендѣ, винительные объекта часто являются не только при *verba activa*, но и при *v. media* ⁴⁷⁾ (тогда какъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ присоединеніе къ глаголу возвр. мѣст. *ся* за незначительными исключениями лишаетъ его возможности сочиняться съ вин. объекта), такъ что уже на основаніи одного этого можно утверждать, что вин. объекта вовсе не есть только „спутникъ дѣйствительнаго глагола“. Кромѣ того по направленію къ древности замѣчается усиленіе употребленія вин. объекта и при страдат. глаголахъ; явленіе это настолько важно, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Языкознаніе въ послѣднее время начинаетъ отрѣшаться отъ того традиціоннаго взгляда на страд. залогъ, по которому онъ означаетъ лишь страданіе, пассивность, и приходитъ къ тому, что и грамматическую страдательность слѣдуетъ понимать какъ дѣйствительность, активность ⁴⁸⁾. Къ такому воззрѣнію на страдательность приводятъ нерѣдкіе случаи употребленія винительныхъ объекта при страд. глаг. Случаи эти распадаются главнымъ образомъ на двѣ группы: а) винительные объекта въ страдательныхъ личныхъ оборотахъ; б) вин. объекта въ страд. безличныхъ оборотахъ.

а) *Вин. объекта въ страд. личныхъ оборотахъ.*

Въ скр. *astrânâm paramam balam grâhitas tvam mahendrena*—великимъ Индрой ты заставленъ взять великую силу оружіемъ, т. е. И. далъ тебѣ великую силу оружіемъ, Arg. 9, 34; *tad vâkjam uktâ Sîtâ śakampe*—Сита, къ которой сказано эту рѣчь, задрожала, Sîtâ 53, 61 (Bf. 86); *itj uktaḥ paruṣan vâkjam Sîtajâ*—онъ, къ которому сказано такъ грубую рѣчь Си-

⁴⁷⁾ О вин. при *verba media* см. III гл. 3 А и В.

⁴⁸⁾ dass auch dass passivum als ἐνέργεια zu fassen ist, Mikl. 364.

тою, Sità 51, 53 (75); vartma tirnah—тотъ, которымъ пройдено дорогу, iter traductus, Will. 201.

Въ зендѣ: zaganja aothra paitismukhta—букв. опущенный (въ) золотые башмаки, т. е. одѣтый, s. v. mus+paits; an—aiwjácto съ вин.—тотъ, на котораго не надѣто что-либо, s. v.

Въ греч. при глаголахъ быть одѣту въ что или раздѣту изъ чего, лишаться чего (οἰκεία στερείσθαι—быть лишеннымъ имущества, ἀμελγόμεναι γάλα—тѣ, изъ которыхъ доятъ молоко).

Въ лат. сравнительно рѣдко: suspensi loculos tabulamque—тѣ, которымъ привѣшены ящички и доски, Horat. Sat. 1, 6, 74; indutus vestem—одѣтый (въ) одежду; Behgae Rhenum traducti, Шульцъ-X. § 257; rogatus est sententiam, Grimm, 4, 644; legiones militiam edoctae, Liv. Шульцъ-Ход. § 255, пр. 1 и нѣкоторые изъ § 262 (гдѣ они безъ всякаго основанія свалены подъ рублику accus. graecus).

Въ нѣм. mhd. den List bin ich gelêret (gelehrt), Grimm 4, 634; ibid. и другіе прим.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ винит. въ страд. личныхъ оборотахъ является преимущественно при глаголахъ, при которыхъ въ дѣйствительныхъ оборотахъ возможны два винительныхъ объекта. Такіе обороты показываютъ, что страдательность не исключаетъ присутствія объекта. Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ

б) *Употребленіе вин. объекта въ страдательныхъ безличныхъ оборотахъ:*

Въ скр. bhrântaî deçam—букв. erratum est regionem, Vopp. Gloss. s. v. bhram; sâraî tato grâhjam—поэтому нужно брать сокъ, эссенцію, Panč. 1, 20; majâ grâmaî gantavjam—мнѣ нужно идти въ деревню, Will. 203;

upādhjājam anvitam—найдено учителя, Kathâsr.

Въ зендѣ: jaoždâta bun ârem—очищено воду, s. v. ap 2; jaoždata bun atarem—очищено огонь ⁴⁹⁾, s. v. bu; içaite mê jaoždâitîm мнѣ хочется очищенія (вин.), s. v. iç.

Въ греч. при причастіяхъ на τέον, напр. εἰρήνην ἀχτέον ἐστίν—букв. pacem agendum est, Курц. § 596, 2.

Въ лат. habendum est compedes, pere-riendum est consilia, Mikl. s. 365 (обыкновенно вмѣсто безличныхъ въ подобныхъ случаяхъ являются личные обороты); agrum colendo, Sall. Cat. 4, 1.

Въ нѣм. hingelegt den Ernst—отложивши серьезное, и т. п. Grimm. 910.

Въ слав. нар. очень распространенъ вин. объекта при прош. прич. страд. залога: цсл. гласъ трубы услышано будетъ; русск. построено тамъ три терема; млр. его убито=польск. go zabito, и др. Mikl. 364, 365.

Древность и первоначальность этихъ оборотовъ (b) не можетъ подлежать сомнѣнію. Во всѣхъ аріоевроп. языкахъ болѣе древней формациі винительные объекта являются нерѣдко при отглагольныхъ существительныхъ, преимущественно при nomina actionis; большая часть такихъ именъ по происхожденію своему тождественна съ страдат. причастіями ⁵⁰⁾ или произведена отъ нихъ посредствомъ вторичныхъ

⁴⁹⁾ Оригинальность этихъ зендскихъ оборотовъ заключается въ томъ, что страд. прич. стоитъ въ средн. р. не единств. ч., а множ.

⁵⁰⁾ Что существительныя и прилагательныя въ древнѣйшее доступное для изслѣдованія время представляли собою собственно причастія, это представляетъ общепризнанное положеніе, ср. напр. датель, dator и daturus, δώτης и скр. dâtar; скр. hantavjam значить необходимо убить, необходимость убить и то,

суффиксовъ (напр. tam nivāraṇah удержаніе его, препятствованіе ему; зенд. puthrem uzememen—любовь къ сыну, что также можетъ значить и *любимо, люблено сына*; лат. оборотъ hanc rem curatio—забота объ этой вещи—необходимо предполагаетъ болѣе древній оборотъ hanc rem curatum est, ср. peccatum est—есть грѣхъ и согрѣшено есть; точно такжежѣ цсл. „даніе урокъ“ необходимо предполагаетъ оборотъ дано урокъ; ср. гл. III Ограниченіе употребленія вин. чрезъ устраненіе вин. при именахъ сущ. и прил.). Такъ какъ по направленію къ древности употребленіе винительныхъ объекта при именахъ сущ. и прилагат. замѣтно усиливается, при чемъ многіе изъ такихъ именъ оказываются тождественными съ страдательными причастіями, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что обороты типа *b* были очень употребительны въ аріоевроп. праязыкъ; съ другой стороны, это показываетъ, что винительные объекта, употребляясь первоначально не только при дѣйствительныхъ глаголахъ, но и при страдательныхъ, и даже при словахъ, неимѣющихъ съ нашей точки зрѣнія вовсе залога (при существ. и прилаг.), не могли первоначально зависѣть ни отъ залога, ни отъ глагола вообще⁵¹).

Въ чемъ же заключается отличіе страдательныхъ оборотовъ отъ дѣйствительныхъ и каково отношеніе ихъ къ винительному объекту съ исторической точки зрѣнія?

что необходимо убить. (Отсюда, между прочимъ, объясняется въ лат. колебаніе и близость между герундіемъ и герундивомъ).

⁵¹) Ренъ справедливо видитъ въ этомъ «факты, которые характеризуютъ первоначальное состояніе языка (âge primitive)», когда «основныя элементы рѣчи не принадлежатъ еще строго къ той или другой категоріи, слова не представляютъ еще тѣхъ строго замкнутыхъ недоступныхъ частей, какими они дѣлаются позже» (Etude sur l'idiome des Védas, p. 137). Но онъ ошибается, думая, что употребленіе вин. объекта при именахъ сущ. и прил. «зависитъ не отъ качества глагола, а отъ качества корня» (ibid). Первое вѣрно, второе нѣтъ: глагольный корень не можетъ самъ по себѣ требовать винительнаго пад. уже по одному тому, что при различныхъ словахъ, происходящихъ отъ одного и того же корня, возможно употребленіе различныхъ падежей.

„Страдательный залогъ, говоритъ Штейнталь, является вообще тамъ, гдѣ дѣйствіе должно быть представлено какъ происшедшее (ausgeführt), безъ обращенія вниманія на производителя дѣйствія, который является предметомъ неважнымъ или неизвѣстнымъ или понятенъ самъ собою; или дѣйствіе представляется отрѣшеннымъ (abgelöst) отъ производителя дѣйствія, для того чтобы тѣмъ сильнѣе выступалъ фактъ самъ по себѣ. Безличное употребленіе страдательнаго относится также сюда: es wurde getanzt (букв. было танцовано) все равно кѣмъ бы то ни было; сущность заключается въ совершеніи дѣйствія“. Zeitschr. f. Volksp. und Spr. 2, 249. Такимъ образомъ сущность страдательнаго заключается не въ „претерпѣваніи дѣйствія одного предмета другимъ“, а въ томъ, что въ страдательномъ оборотѣ дѣйствіе представляется какъ фактъ, какъ такое проявленіе дѣйствія, при которомъ производитель дѣйствія исполнѣ или въ значительной степени игнорируется, т. е. не является грамматическимъ подлежащимъ. Что же является подлежащимъ въ страдательныхъ оборотахъ?

Факты показываютъ, что въ страд. оборотахъ подлежащимъ является или 1) самый фактъ, проявленіе дѣйствія, или 2) второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, который имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣйствію, которое проявляется на немъ.

1) Сравненіе показываетъ, что аріевропейскіе языки обнаруживаютъ наиболѣе единства въ причастіяхъ страдательныхъ (ср. причастія съ суфф. *ta, na, ma*), а не въ *verba finita* ⁵²⁾, изъ чего слѣдуетъ заключать, что выра-

⁵²⁾ *Verba fin. pass.* пользуются почти исключительно формами *verba media* въ двухъ его главныхъ видахъ. Лишь въ арійской отрасли было достигнуто въ значительной степени формальное различіе *v. fin. pass.* отъ *v. med.* чрезъ введеніе въ страд. глаголахъ суфф. *ja* предъ личными окончаніями; но явленіе это сравнительно позднее; въ Ведахъ многіе страд. глаголы не имѣютъ этого суфф. *i*, какъ въ греч., не различаются формально отъ *v. media*, Benf. V. Gr. § 875. Такъ какъ значеніе *v. fin. passiva* основывается на значеніи *v. media*, а значеніе *v. med.*

женіе страдательныхъ оборотовъ чрезъ страдательныя причастія представляетъ наиболѣе первоначальный типъ. Обращаясь къ вопросу о значеніи этихъ причастій, мы замѣчаемъ слѣдующее: 1) чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ замѣтнѣе, что причастія страд. одинаково употребительны какъ въ глаголахъ, означающихъ дѣйствіе (v. transit.), такъ и въ глаголахъ, означающихъ состояніе (v. intrans), такъ что въ болѣе древнее время переходность не противопоставляется страдательности; 2) въ причастіяхъ этихъ замѣчается усиливающееся по направленію къ древности колебаніе между дѣйствительнымъ и страдат. значеніемъ напр. gata—идушій, шедшій и тотъ, по которому, къ которому идутъ, âpta—достигшій и достигнутый, pita—выпившій и выпитый (ср. лит. girtas—выпитый и выпившій, пьяный, asz girta buvai—я была пьяна, Nesselm. 274), зенд. dâta—творяшій и творимый, сотворенный, çañkita опасаяшійся и тотъ, котораго опасаются, lubdha (=lubh-ta собств. любимый) любяшій, жадный и многочисленные другіе примѣры. Такъ какъ явленія эти по направленію къ древности замѣтно усиливаются, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, что страдательныя причастія имѣли первоначально опредѣленно-страдательное значеніе: страдательныя съ современной точки зрѣнія причастія въ болѣе древнее время не могли имѣть большей опредѣленности заложнаго значенія, чѣмъ та, какую до послѣдняго времени обнаруживаютъ слова, имѣющія одинаковыя съ прич. страд. суффиксы, какъ nasutus=носить (=перв. nasa-ta-s или nâsa-ta-s), лит. ragatas=рогать, βροτός=mrta смертный, умершій, çakta—могущественный, т. е. тотъ, къ кому относится или принадлежитъ носъ, рогъ, смерть, сила⁵³). Такимъ обр. страдательныя

на присутствіи при глаголѣ возвратнаго объекта, то и разсмотрѣніе v. finita pass. должно быть поставлено послѣ разсмотрѣнія главныхъ видовъ вин. объекта. (см. гл. III).

⁵³) Это признаетъ даже Шлейхеръ, котораго справедливо упрекаютъ въ томъ, что онъ придавалъ формамъ праязыка слишкомъ опредѣленное первоначальное значеніе: «суфф. ta образуетъ прилагательныя, которыя первоначально, конечно, имѣли болѣе

причастія первоначально могли только указывать, что дѣйствіе, обозначенное глагольнымъ корнемъ, принадлежитъ, относится къ тому, о чемъ идетъ рѣчь, не обозначая того, производитель ли это дѣйствія, или только ближайшій объектъ, на которомъ проявляется дѣйствіе, или лишь одно только обозначеніе проявленія дѣйствія, напр. скр. *gatam* можетъ значить 1) то, что идетъ, 2) то, къ чему или по чему идутъ, 3) самый фактъ, т. е. шествіе, хожденіе, „хожено“.

Въ послѣднемъ изъ этихъ значеній въ скр. и зендѣ различеніе имени и глагола большею частью оказывается еще невозможнымъ, такъ что въ этихъ языкахъ *δρόμος* *ἑυέμετο* *τοῖς* *στασίοναίς* (Anab. 1, 2, 17) и *a militibus cursum est* оказываются тождественными оборотами⁵⁴⁾. Первоначально такіе обороты представляютъ такъже мало страннаго, какъ употребленіе въ одночленномъ предложеніи всякаго отглагольнаго имени (ср. выше стр. 32). Но, когда стало развиваться употребленіе *v. finita pass.*, указанное употребленіе причастій вслѣдствіе аналогіи должно было повести за собою употребленіе въ такомъ же значеніи и *v. fin. pass.*: если *ruditam* значило, *было плакано*, *былъ плачь*, то для означенія того же дѣйствія происходящимъ въ настоящее время необходимо употребить *rudjate*. Подобные обороты довольно распространены въ аріо-европ. языкахъ.

Въ скр. *satân sakrt saṅgatam îpsitam paṅam*—букв. разъ произошло схождение (*conventum est*), съ добрыми желательно (и) въ другой разъ, Sâv. 5, 29; на *ċa Ramena mar-*

общее значеніе и только въ позднѣйшій періодъ индогерманскаго праязыка утвердились какъ обыкновенное обозначеніе *part. perf. pass.* > Comp. § 224.

⁵⁴⁾ Поэтому, еслибы кто сталъ отрицать первоначальность такихъ безличныхъ оборотовъ, какъ *gatam*, *itum est*, хожено, тотъ тѣмъ бы самымъ отрицалъ первоначальность такихъ оборотовъ, какъ *δρόμος* *ἑυέμετο*.

tavjanî kadâ ċit—букв. neque (a) Rama moriendum aliquando, Amb. 13, 18 (Bf. 39); kim eva rudjate bhavatâ—отчего плачется тобою, Panċ. Bf. 133, 24; kim adja api sthġjate—зачѣмъ же теперь остановка, букв. стоитя, Ćak. 23, 11.

Въ зендѣ: uzvarstem hē—es ist von ihm gesühnt, s. v. varez+uċ; paititem hē—es ist von ihm bereut, s. v. paitita; iċaite—хочется, s. v. iċ.

Въ греч. безличное употребленіе глагольныхъ прилаг. на τέον, Курц. § 596; βεβίωται ἐμοί—мнѣ жилось, Bensl. s. v. βίωω; πέπαισταί μετρίως ἡμῖν—мы умѣренно играли, Mikl. s. 364.

Въ лат. Ventum erat ad Vestae—дойдено было до храма В., Horat. Sat. 1, 9, 35; bellatur comminus armis, Aen. 7, 533; concurritur Hor. Sat. 1, 1, 7; сюда же относится герундій.

Въ нѣм. es wurde getanzt, getrunken, geschwätzt—танцовали, пили, болтали; es fährt gut in meiner Kalesche—въ моей коляскѣ приятно ѣздитя, Павловскій s. v. fahren.

Въ лит. cze buta здѣсь были, ср. rado cze svetimo buta—нашелъ, что здѣсь былъ чужой, букв. было чужимъ, Les. 140; вообще причастія на ta, ma, tina, представляющія остатки ср. р. ср. Lit. Gr. s. 316, 318, 320 и Потебня, Къ исторіи звук. 27.

Въ латыш. nau guléts—не спано, tur nau viss búts—тамъ вовсе не было, т. е. не были, Biel, § 693; здѣсь муж. р. на мѣстѣ болѣе первоначальнаго средняго составляетъ явленіе позднѣйшее, Потебня, Къ истор. 28.

Въ слав: въ чеш. váleno deň—сражались день; i by bojovano dlúho—долго сражались, Крал. 23 и 27; въ рус. бѣгано, хожено; въ дѣв.

кахъ сижено, горе мыкано, Mikl. 364; въ другихъ слав. нар. *ibid.*; пьется, спится и т. п.

Страдательные этого рода обороты по заложному значенію довольно близки къ дѣйствительнымъ и въ нихъ нерѣдко встрѣчаются вин-ые объекта. Само собою понятно, что то положеніе, что при превращеніи дѣйствительныхъ оборотовъ въ страд. винительный объекта дѣлается подлежащимъ, къ этому роду страд. оборотовъ вовсе непримѣнимо.

2) Какъ указано выше (1), значеніе страд. причастій не могло быть опредѣленнымъ: они могли лишь указывать, что то дѣйствіе или состояніе, которое обозначается глагольнымъ корнемъ, заключеннымъ въ нихъ, приписывается тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь. При этомъ возможно было два главныхъ случая: такимъ предметомъ, т. е. подлежащимъ, могъ быть или производитель дѣйствія, или второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, на которомъ проявляется извѣстное дѣйствіе или состояніе. Въ первомъ случаѣ оборотъ оказывается съ нашей точки зрѣнія дѣйствительнымъ, напр. *sa gatah*—онъ идущій или шедшій, *sa sañkitaḥ*—онъ боящійся или боявшійся—и причастіе можетъ быть замѣнено чрезъ соотвѣтствующій *verbum finit. act.* напр. *sa gaśchati, agaśchat*—онъ идетъ, шелъ; во второмъ случаѣ оборотъ является страдательнымъ, напр. *grāmo gatah*—деревня есть то, къ чему идутъ или по чему идутъ; *sañkitaḥ*—онъ есть тотъ, котораго боятся⁵⁵).

⁵⁵) Так. обр. первоначально не могло быть формальнаго различія между дѣйствительными и страдательными глаголами, такъ что различіе между дѣйствительнымъ и страдательнымъ значеніемъ узнавалось лишь по смыслу, подобно тому какъ оно узнается до позднѣйшаго времени напр. въ отглагольныхъ существительныхъ; это значитъ, что первоначально въ аріевроп. отрасли не было различія категорій дѣйствительнаго и страдат. залоговъ. На такой ступени развитія стоятъ многіе изъ менѣ развитыхъ языковъ; такъ напр. въ коптскомъ, по Штейнталу, «дѣйствительный и страдательный залогі еще не различаются»

Итакъ главное различіе дѣйствительныхъ оборотовъ отъ страдательныхъ заключается въ слѣдующемъ: въ дѣйствительныхъ оборотахъ главный съ логической точки зрѣнія предметъ, т. е. производитель дѣйствія или состоянія, является вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ предметомъ рѣчи, т. е. подлежащимъ; въ страдательныхъ же оборотахъ главнымъ предметомъ рѣчи является или самое дѣйствіе, фактъ (безличные страд. обороты), или второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, на которомъ проявляется извѣстное дѣйствіе или состояніе (личные страд. обор.), при чемъ производитель дѣйствія исполнъ или въ значительной степени игнорируется⁵⁶).

Обращаемся ко второй половинѣ поставленнаго выше вопроса: каково отношеніе страдательныхъ оборотовъ къ вин. объекта съ исторической точки зрѣнія?

Какъ видно изъ предъидущаго, въ личныхъ страдательныхъ оборотахъ подлежащими являются тѣ предметы, которые въ дѣйствительныхъ оборотахъ были бы объектами въ широкомъ смыслѣ. А такъ какъ винительный былъ нѣкогда „общимъ косвеннымъ падежомъ“ (стр. 28) для выраженія различнаго рода объектовъ и вполнѣ въ слѣдствіи вытѣснялся другими косвенными падежами, то отсюда слѣдуетъ: 1) что употребленіе въ болѣе древнее время личныхъ страдательн. оборотовъ рядомъ съ соотвѣтствующими дѣйствительными было гораздо распространеннѣе, чѣмъ въ болѣе позднее время (что дѣйствительно и находимъ въ языкахъ болѣе древней формаци, особенно въ скртѣ); 2) что подлежащими древнихъ страдательныхъ оборотовъ должны были

(Charakteristik s. 236); въ даяскомъ языкѣ нѣтъ возможности различить наур. въ оборотѣ *gia—e*, «знали это онъ оттапливаетъ», или «его оттапливаютъ» (ibid. 164).

⁵⁶) Почему въ языкѣ необходимы эти различныя обороты вполнѣ понятно: предметомъ рѣчи можетъ быть не только производитель дѣйствія, но и самое дѣйствіе или предметъ имѣющій извѣстное отношеніе къ дѣйствію. Ср. Zikmund 93.

являться не только тѣ объекты соответственныхъ дѣйствительныхъ оборотовъ, которые соответствуютъ позднѣйшимъ винительнымъ объектамъ, но и тѣ, которые соответствуютъ другимъ косвеннымъ падежамъ. Отсюда объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что страдательными оборотами могутъ быть выражены многіе изъ такихъ дѣйствительныхъ оборотовъ, въ которыхъ объектъ является не въ винительномъ, а въ другихъ косвенныхъ падежахъ. Напр. въ скр. страдательному обороту *hastah sprstah*—трону́та рука—соотвѣтствуетъ не только дѣйствительный оборотъ *hastan sprcati*—онъ трогаетъ руку, но и *haste sprcati* (въ скр. loc.); глаголь *ud-vig'*—бояться обыкновенно имѣетъ при себѣ объектъ въ ablat. (ср. Вopp, Gloss. s. v.), однако прич. *udveganija*—timendus, котораго нужно бояться—имѣетъ такое значеніе, какъ еслибы этотъ глаголь сочинялся въ винительномъ. Въ греч. ἄρχω τινός—управляю кѣмъ, но ἄρχομαι управляюсь, Elect. 264, ἀνάσσω τινός, τινί, но ἀνάσσονται, δ 177. Въ лат. *utor* и *fungor* продолжали употребляться въ страдательномъ значеніи въ part. fut. pass. еще и въ то время, когда уже потеряли свое древнее сочиненіе съ вин. и сочинялись съ твор. Шульцъ-Х. § 413. Въ слав. ⁵⁷⁾: цсл. *поклоняемый* при *поклоняти сѧ кому, помогаемъ* при *помогати кому* и т. п. въ русск. *желанный, ожидаемый, достижимый* при *желать, ожидать, достигать кого, чего; сопутствуемый*, но *сопутствовать кому; государство управляемо, управляется*, но *управлять государствомъ; съдѣлочно несиживаное, земля обитаемая*, но *сиживать на съдѣлечкѣ, обитать на землѣ* и т. п. Итакъ не одинъ только винительный объектъ въ позднѣйшемъ значеніи могъ быть подлежащимъ страд. оборотовъ, а и винительный, какъ „общій косвенный падежъ“. Это первая оговорка, которую

⁵⁷⁾ Ср. Буслевъ Истр. Гр. § 179 прим. 1 и Miklosich s. 266, с. Миклошичъ (непонятно по чему) ограничиваетъ это явленіе однимъ только дательнымъ, чему противорѣчатъ факты употребленія въ страд. залогѣ глаголовъ съ род. и твор. пад.

нужно сдѣлать, принимая то дополненіе въ опредѣленію вин. объекта, на которое указано выше.

Хотя и несомнѣнно, что въ страд. оборотахъ подлежащими являются объекты соответственныхъ дѣйствительныхъ оборотовъ, но это вовсе не значить, что страдательность представляетъ нѣчто противоположное возможности присутствія объекта: объекта не бываетъ большею частью въ страдательныхъ оборотахъ лишь потому, что онъ по требованію рѣчи долженъ быть подлежащимъ; но, если подлежащимъ (и вмѣстѣ сказуемымъ) является само дѣйствіе, или если для полного выраженія мысли необходимо два объекта, то въ такомъ случаѣ вин. объекта возможенъ и въ страд. оборотѣ (при томъ во^о второмъ изъ этихъ случаевъ каждый изъ двухъ объектовъ можетъ являться подлежащимъ соответственнаго страд. оборота, смотря по тому, какой изъ нихъ является главнымъ предметомъ рѣчи, напр. дѣйствительному обороту *senâi nadîi tarati* (или *târajati*)—*exercitum amnem traducit*—въ страдательномъ оборотѣ соответствуетъ какъ *senâ nadîi tirnâ*—*exercitus amnem traductus*, такъ и *senâi nadîi tirnâ*—*amnis exercitum traductus*, (ср. выше b и a).

Только за этими оговорками справедливо то положеніе, что при перемѣнѣ дѣйствительнаго оборота въ страдательный винительный объекта дѣлается подлежащимъ страд. оборота; при томъ это примѣнимо только къ личнымъ страд. оборотамъ. Положеніе это важно въ томъ отношеніи, что оно служитъ единственнымъ критеріемъ для разграниченія переходныхъ и непереходныхъ оборотовъ: только тѣ обороты несомнѣнно переходные, которые имѣютъ при себѣ соответственные страд. обороты; и только тѣ винительные—винительные объекта, которые въ соответственныхъ страд. оборотахъ дѣлаются подлежащими.

Итакъ *винительные объекта первоначально не могли быть зависимыми*; такъ какъ факты показываютъ, что во многихъ случаяхъ подлежащими страдательныхъ оборотовъ являются тѣ самые имена, которые въ соответственныхъ дѣйствительныхъ оборотахъ являются винительными незави-

симыми, то необходимо попытаться систематизировать винительные объекта сообразно съ системой винительныхъ независимыхъ, имѣя при этомъ въ виду указанный выше критерій ⁵⁸⁾.

А. Поповъ.

⁵⁸⁾ До сихъ поръ, на-сколько мнѣ извѣстно, не было удовлетворительной попытки систематизировать винительные объекта, потому что не было научнаго основанія для раздѣленія ихъ. Грамматики обыкновенно только даютъ голое опредѣленіе винительныхъ объекта, указывая тѣ винительные объекта, которымъ въ отечественномъ языкѣ соответствуютъ другіе косвенные падежи.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ синтаксисовъ лишь синтаксисъ чешск. языка Зигмунда (Skladba 52—59) дѣлаетъ попытку раздѣлить винительные объекта на рубрики; но дѣленіе его чисто внѣшнее и страдаетъ двумя существенными недостатками: онъ не разграничиваетъ коренныхъ и производныхъ глаголовъ, при которыхъ являются винительные объекта, и не обращаетъ вниманія на первоначальное ихъ значеніе. Дѣленіе индійскихъ грамматиковъ страдаетъ тѣмиже недостатками. Они различаютъ четыре рода *karman*, т. е. вин. объекта: а) *nirvartja*—то, что производится, творится вновь (напр. *ghaṭañ karoti*—онъ дѣлаетъ горшокъ, *putram prasute*—раждаетъ сына); б) *vikarja*—что производится чрезъ измѣненіе, при чемъ матеріалъ или вовсе уничтожается (напр. *kāṣṭam bhasma karoti*—онъ дѣлаетъ дрова пепломъ), или только принимаетъ другую форму (напр. *ṣuvarṇañ kundalañ karoti*—букв. золото дѣлаетъ кольцомъ); в) *grāra*—что достигается какъ цѣль (напр. *grāmañ gaṣṭhati*—идетъ въ деревню, *śandram paśjati*—смотритъ на луну); д) *anīpsita*—предметъ, который отвергается (напр. *pārañ tjaḡati*—онъ оставляетъ злого или зло). Böhtling-Roth, Wörtb. 2, 138 s. v. *karman*. Сознвая недостатки также и своего изложенія винительныхъ объекта, особенно со стороны полноты, я въ будущемъ намѣренъ дополнить и исправить его.

ТЕРМИНОЛОГІЯ ВЪ СЛОВООБРАЗОВАНІИ.

Съ тѣхъ поръ какъ ученіе о составѣ словъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ введено въ кругъ обязательныхъ упражненій по языку, установленіе и объединеніе этимологич. терминовъ составляетъ настоятельную потребность преподаванія. Къ сожалѣнію термины эти не только не подвергались обработкѣ съ дидактической точки зрѣнія, не только не соображены съ условіями преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ наукѣ не установлены окончательно: многіе термины понимаются каждымъ ученымъ по-своему, и нерѣдко въ одной и той-же грамматикѣ можно встрѣтить сбивчивость и даже противорѣчіе между опредѣленіемъ термина и примѣненіемъ его къ частнымъ случаямъ словопроизводства. Такъ въ Историч. Грамматикѣ Пр. Буслаева глагольныя окончанія временъ, лицъ и чиселъ называются то флексіями, то суффиксами (§ 41, 58, 84 П, Ш и V); тема опредѣляется такъ: „серединная группа звуковъ, будетъ ли то корень, напр. *бы*, или корень съ приставками и окончаніями, напр. *бытъ*, *избытокъ*, именуется темою или туловищемъ слова, въ отличіе отъ облекающихъ его оконечностей, то есть приставокъ и окончаній, напр. въ формахъ: *пре-из-бытокъ*, *пре-избыточ-е-ство*“ (нѣтъ ли здѣсь опечатки?) § 42. Изъ употребленія же этого термина самимъ авторомъ въ другихъ мѣстахъ его грамматики видно, что онъ далеко не такъ механически понимаетъ тему.

Главнѣйшіе этимологическіе термины слѣдующіе: *корень*, *основа*, *тема*, *окончаніе*, *флексія*, *суффиксъ*, *приставка*, слова *первообразныя*, *производныя* и *сложныя*. О значеніи и употребленіи cadaго изъ этихъ терминовъ

мы намѣрены поговорить здѣсь, имѣя въ виду не столько научную точность, сколько практическое удобство преподаванія.

1. Корень слова.

Вотъ два опредѣленія корня, приводимыя Пр. Потемной въ его книгѣ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“: а) корень въ индоевропейскихъ языкахъ есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣленіи всего формальнаго и случайнаго (Курціусъ) и б) корни—это такія звуковыя группы, которыя остаются, какъ носители общихъ понятій, послѣ полного анализа какъ нашихъ собственныхъ нарѣчій, такъ и всѣхъ тѣхъ, которыя вмѣстѣ образуютъ большую группу арійскихъ говоровъ (М. Мюллеръ). Опредѣленія эти съ научной точки зрѣнія разобраны и оцѣнены Пр. Потемной на стр. 19—33; для насъ, конечно, важна примѣнимость ихъ въ школьномъ преподаваніи, и съ этой стороны мы постараемся разсмотрѣть ихъ.

Въ опредѣленія эти входитъ описаніе самаго способа отыскиванія въ словахъ корней. Добровскій и Буслаевъ, не прибѣгая къ дефиниціямъ, совѣтуютъ поступать точно такъ-же: „для того, чтобы открыть корень слова, надобно освободить оный отъ приставокъ и окончаній“ (Ист. гр. § 42). Эти методическія указанія чрезвычайно важны для преподавателя и даютъ слѣдующіе выводы: а) понятіе о корнѣ слова сообщается ученикамъ послѣ того, какъ они знакомы уже съ приставками и окончаніями и б) самое опредѣленіе корня должно являться какъ результатъ умѣнья отыскивать его въ каждомъ данномъ словѣ, т. е. учитель долженъ прежде научить учениковъ отыскивать корень словъ, а словесную формулу, на вопросъ: что такое корень слова? могутъ составить потомъ и сами ученики. Далѣе, приведенныя выше опредѣленія, заключаая въ себѣ указаніе на способъ, какъ находить корень слова, а не на то, что такое этотъ корень, очевидно, не претендуютъ на какую либо

абсолютность; они не ручаются, что то, что нынѣ не считается формальнымъ и случайнымъ въ словѣ, не будетъ считаться такимъ навсегда. И дѣйствительно, что слѣдуетъ въ каждомъ данномъ словѣ признавать формальнымъ и случайнымъ, и чего такимъ не признавать? Если вывести анализъ слова за предѣлы ближайшихъ родственныхъ нарѣчій, то многое, казавшееся не случайнымъ въ тѣсной сферѣ роднаго языка, окажется такимъ на широкомъ просторѣ арійскихъ говоровъ.

Прот. Павскій приводитъ слово, кажется, *вынуть*, которое послѣ анализа даже въ предѣлахъ роднаго языка не даетъ послѣ себя ничего въ остаткѣ: *вы-*приставка, *ну-*примѣта глагола, *ть* окончаніе неопр. наклон., а на долю корня такъ ничего и не остается. Съ другой стороны что въ данномъ словѣ въ одно время относится къ корню, то въ другое время можетъ быть отнесено къ формальнымъ или случайнымъ наращеніямъ; что одинъ ученый признаетъ за несомнѣнную часть корня, то другой ученый, съ инымъ направлениемъ своихъ филологическихъ познаній или съ болѣе глубокою проникаемостью, можетъ въ томъ же самомъ словѣ признать за случайное осложненіе корня. Выводъ изъ всего этого для преподавателя ясенъ. Онъ долженъ проходить съ учениками тотъ самый путь, какимъ шла и идетъ наука, т. е. *на каждой ступени обученія принимать за корень слова то, что въ состояніи понять и признать за таковой сами ученики* (разумѣется при помощи учителя). Нужды нѣтъ, что при такомъ приемѣ учитель будетъ иногда принужденъ указывать ученикамъ пока хоть приблизительный корень слова, напр. *трава*—корень *трав*,—впослѣдствіи же, когда учащіеся освоятся съ измѣненіемъ гласныхъ, ими можетъ быть открытъ настоящій корень этого слова—*тру* (какъ слава отъ *слу*; ср. поль. *truć*). Только соблюдая указанную постепенность, преподаватель не погрѣшитъ противъ историческаго метода.

На первыхъ ступеняхъ обученія нужно выбирать для упражненія въ словопроизводствѣ лишь такія слова, корни которыхъ сохраняютъ опредѣленное значеніе, напр. *ста-*

рикъ, старуха, старость, стартъся и проч. корень *стар*. Ученики на первыхъ порахъ не могутъ понять безсмысленнаго сочетанія часто неудобопроизносимыхъ звуковъ, остающихся послѣ анализа многихъ словъ. Но съ приобретіемъ учениками достаточнаго навыка въ словопроизводствѣ сама собою явится необходимость принимать за корни такія сочетанія звуковъ, какія получатся въ остаткѣ послѣ анализа словъ, хотя бы эти сочетанія были не только не знаменательны, но и вовсе неизносимы. Здѣсь преподавателю поневолѣ придется стать въ противорѣчіе съ приведенными въ началѣ опредѣленіями, авторы коихъ повидимому желаютъ, чтобъ корень былъ „носителемъ общаго понятія“ и заключалъ въ себѣ непременно *знаменательное* сочетаніе звуковъ. Корень несомнѣнно есть одна изъ составныхъ частей слова, а часть, какъ такая, можетъ быть вполнѣ или отчасти понятна только въ связи съ цѣлымъ; отдѣльно же взятая можетъ иногда не имѣть никакого значенія.

Слабая сторона опредѣленій Курціуса и М. Мюллера въ томъ и состоитъ, что ими требуется, чтобъ корень въ одно и тоже время былъ *словомъ* (заключалъ въ себѣ опредѣленное значеніе или намекъ на него) и не обладалъ ни одною изъ примѣтъ слова (не заключалъ въ себѣ ничего формальнаго и случайнаго). Тутъ очевидно происходитъ смѣшеніе двухъ различныхъ началъ: логическаго или субъективнаго и филологическаго или объективнаго. Если напр. корень *ш* для насъ заключаетъ въ себѣ понятіе *горнія* или *испусканія теплоты*, то это только потому, что вмѣстѣ съ этимъ корнемъ въ нашемъ умѣ возникаетъ значеніе тѣхъ словъ, изъ которыхъ онъ извлеченъ; человеку же, не анализовавшему этихъ словъ, звуки *ш* покажутся такими, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, т. е. совершенно бессмысленными. Иначе и быть не можетъ. Корень есть чистая фикція, результатъ анализа словъ, а не нѣчто такое, изъ чего выросли слова. Былъ ли онъ самъ когда либо словомъ, или никогда имъ не былъ—это къ упражненіямъ въ словопроизводствѣ не имѣетъ никакого отношенія.

2. О с н о в а.

Относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ *основой* словъ, разногласій почти не существуетъ. Это терминъ не этимологическій, а морфологическій. Основа отыскивается въ словѣ аналогично съ тѣмъ, какъ и корень, т. е. что корень для цѣлаго семейства словъ, то основа для одного и того же слова. Если измѣнить данное слово по всѣмъ свойственнымъ ему грамматическимъ формамъ такъ, чтобъ оно всегда оставалось тѣмъ же самымъ словомъ, въ томъ же же самомъ грамматическомъ разрядѣ, то часть сего, неизмѣнно повторяющаяся во всѣхъ этихъ формахъ, и будетъ основой слова. Затрудненіе на практикѣ происходитъ главнымъ образомъ отъ недостаточно строгаго разграниченія между словоизмѣненіемъ и словообразованіемъ (о чемъ будетъ сказано ниже) и отъ существованія множества такъ называемыхъ исключеній изъ общихъ грамматическихъ правилъ. Поэтому для нѣкоторыхъ словъ приходится принимать столько основъ, сколько родовъ измѣненій они претерпѣваютъ напр. для ед. числа—одну, для множ. другую (чуд—чудес): для склоненія прилагат. одну, для степеней сравненія другую (широк—шир) и т. п.

При упражненіяхъ въ словопроизводствѣ не встрѣчается надобности въ этомъ терминѣ; онъ имѣетъ значеніе, какъ переходная ступень или какъ методическій приѣмъ для сообщенія ученикамъ понятія о корнѣ слова.

3. Т е м а.

Вмѣсто *основа* многіе предпочитаютъ употреблять слово *тема*, придавая ему значеніе то какъ морфологическаго, то какъ этимологическаго термина. И въ томъ и въ другомъ значеніи терминъ этотъ является почти что лишнимъ, крайней мѣрѣ не вызывается настоятельною необходимостію: въ первомъ значеніи онъ можетъ быть вполне замѣненъ словомъ *основа*, во второмъ же, обозначая оттънокъ понятія—*корень*, онъ становится пригоднымъ только на высшихъ степеняхъ этимологическихъ упражненій. Подъ темой въ смыс-

лѣ этимологическаго термина обыкновенно разумѣютъ тѣ первыя осложненія или измѣненія корня, въ связи съ которыми онъ даетъ тотъ или иной рядъ производныхъ, напр. корень *слу*, видоизмѣненный по законамъ фонетики, образуетъ темы *слы-слов*, *слав*, дающія начало особымъ семействамъ словъ, корень *гр-*(ѣтъ) при смягченіи коренной гортанной даетъ темы *жар*, *зор*, (слич. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ стр. 25—26). На низшихъ ступеняхъ обученія такія темы безъ всякаго отступленія отъ истины могутъ быть называемы корнями словъ, на высшихъ же ступеняхъ нѣтъ цѣли останавливаться на темахъ и не доходить до корней.

4. Окончаніе, флексія, суффиксъ.

„Между окончаніями должно отличать окончанія *образующія*, или *суффиксы*, отъ *измѣненій* или *флексій*. *Флексіями* называются измѣненія, которыя претерпѣваетъ слово въ синтаксическомъ его употребленіи въ рѣчи, именно измѣненія по *склоненіямъ* и *спряженіямъ*. *Суффиксами* же называются тѣ окончанія, помощію которыхъ развивается корень слова въ *образованіи* отъ этого корня различныхъ частей рѣчи и ихъ принадлежностей (за исключеніемъ склоненій и спряженій)“ Ист. Гр. Буслаева Эт. § 41. Отсюда ясно, что терминъ *окончаніе* долженъ служить общимъ родовымъ названіемъ для флексіи и суффикса; но самыя опредѣленія флексіи и суффикса далеко не такъ ясны. Флексіи авторъ почему-то называетъ не окончаніями, а измѣненіями, что не одно и то же; выходитъ, будто флексіи суть не что иное, какъ склоненія и спряженія. Опредѣленіе суффикса также не вполне понятно. Какъ это „корень слова *развивается* помощію суффиксовъ?“ Опредѣленія эти составлены въ то время, когда корнесловіе еще не было предметомъ школьнаго преподаванія и потому не вполне приспособлено къ потребностямъ этого преподаванія. Надѣмся, что мы только точнѣе и подробнѣе выразимъ мысль почтеннаго автора Историч. Грам., предложивъ вмѣсто составленныхъ имъ опредѣленій слѣдующія: флексіями

называются окончанія, обозначающія собою тѣ принадлеж-ности измѣняемыхъ частей рѣчи, которыя составляютъ сфе-ру склоненія и спряженія; суффиксы же суть окончанія, служащія для производства прочихъ принадлежностей (кро-мѣ склоненія и спряженія), а равно для образования словъ вообще. Если въ словѣ есть суффиксъ, то онъ стоитъ между корнемъ и окончаніемъ и при измѣненіи слова по всѣмъ категоріямъ склоненія или спряженія остается неизмѣннымъ, всецѣло относясь къ основѣ слова; флексія же всегда нахо-дится на самомъ концѣ слова и служитъ указателемъ одной какой либо принадлежности склоненія или спряженія, из-мѣняясь вмѣстѣ съ нею. Принимая флексіи, т. е. измѣняясь по свойственнымъ ему категоріямъ склоненія или спряженія, слово всегда остается тѣмъ же самымъ словомъ, въ томъ же самомъ грамматическомъ разрядѣ; принявши же суффиксъ, оно или переходитъ въ другой разрядъ, или, оставаясь въ томъ же самомъ разрядѣ, является либо другимъ словомъ, либо осо-бой грамматической формой, не входящей въ область скло-ненія или спряженія.

Повидимому такое пониманіе суффикса и флексіи наи-болѣе удобно для цѣлей преподаванія, но на практикѣ пре-подавателю придется встрѣтить множество затрудненій. Нѣ-которыя изъ этихъ затрудненій предусмотрѣны въ Историч. Грамматикѣ, а нѣкоторыя ею же и созданы.

I. Если флексія не переводитъ слова въ другой грам-матическій разрядъ, то какъ называть окончанія, помощію которыхъ образовались нарѣчія? Авторъ Историч. Грамма-тики не разрѣшаетъ прямо этого затрудненія, но обходитъ его посредствомъ такого приѣма, которымъ преподаватель не можетъ воспользоваться. „Нарѣчія“, говоритъ онъ, „въ от-ношеніи этимологическомъ не составляютъ особаго разряда словъ, потому что произошли отъ прочихъ частей рѣчи по-мощію флексій“. Такъ рассуждать преподаватель не можетъ: ученики уже знаютъ, что по любой грамматикѣ нарѣчіе есть *часть рѣчи* неизмѣняемая. Знаютъ они тоже и то, что по-мощію флексіи происходятъ только падежи, лица и числа, но никакъ не нарѣчія. Вопросъ о происхожденіи извѣстна-

го окончанія—совсѣмъ особый вопросъ. *ой* въ „домой“ и *мя* въ „ливья“ вѣроятно произошли изъ флексій дат. и твор. падежей; но прежде чѣмъ ученики узнаютъ о происхожденіи подобныхъ окончаній (нерѣдко неясномъ и спорномъ), они должны умѣть отнести ихъ къ тому или другому виду,—къ суффиксамъ или флексіямъ. Происхожденіе будетъ только сбивать учениковъ, такъ *ов* въ „верх-ов-ный“ они, судя по происхожденію, станутъ пожалуй называть флексіей род, под. мн. числа.

Выраженіе „флексіи въ нарѣчіяхъ заступаютъ мѣсто суффиксовъ“ (Этим. § 71) ясно показываетъ, что окончанія нарѣчій—ни то, ни другое. Нарѣчія, какъ слова *не-флексивныя*, очевидно, не ладятъ съ категоріями, составляющими отличательную принадлежность флексивныхъ языковъ, т. е. съ суффиксами и флексіями. Для окончаній такихъ словъ необходимо особое названіе.

II. Какъ называть окончаніе, обозначающее грамматическій родъ существительныхъ напр. лом—ъ, вод—а, кум—а и т. п? Въ § 41 Истор. Грамм. сказано, что здѣсь „суффиксъ совпадаетъ съ флексіей“, такъ какъ родъ существительныхъ относится къ словообразованію; но § 59 совѣтуетъ „отличать признакъ грамматическаго рода отъ суффикса“. Проф. Потебня называетъ окончаніе именит. пад. существительнаго женъ. р, *теч*—ъ суффиксомъ (Изъ записокъ по р. Гр. II стр. 277). Возьмемъ еще примѣры: свѣт—ъ, свѣч—а, двуглав—ый, ворон—ой, пят—ый,—какъ назвать окончанія этихъ словъ? Если сказать, что здѣсь суффиксы совпадаютъ съ флексіями, то что же это за суффиксы, которые не сохраняютъ важнѣйшаго признака своего—не удерживаются въ косвенныхъ падежахъ? Въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія и въ остальныхъ падежахъ этихъ словъ не признавать совпаденія суффикса съ флексіей, а это повело бы къ окончательному смѣшенію понятій, которыя необходимо раздѣлять.

Есть основаніе думать, что затрудненіе здѣсь только кажущееся. Раздѣляемое многими мнѣніе, будто языкъ первоначально состоялъ изъ однихъ голыхъ корней, которые въ свое время были дѣйствительными словами, подало поводъ

смотримъ на каждое слово нынѣшняго языка, какъ на форму производную; корень развивался въ слова, слова давали отъ себя производныя въ извѣстномъ, опредѣленномъ порядкѣ напр. прежде было въ языкахъ слово *ломать*, а впоследствии отъ него уже образовалось сущ. *ломъ*; слово *кум-а* не могло возникнуть ни прежде слова *кум-ъ*, ни одновременно съ нимъ, а очевидно произведено отъ этого послѣдняго, и т. п., а такъ какъ слова образуются помощію суффиксовъ, то въ современномъ языкѣ не можетъ быть ни одного слова безъ суффикса. Отсюда и затрудненіе: *а* въ „кума“ нельзя назвать флексіей пменит. пад. сущ. ж. р. по сравненію съ словомъ *кумъ*, *ой* въ „вороной“ по причинѣ происхожденія отъ „воронъ“ и т. п. Но если мы будемъ производить такія слова не одно отъ другаго, а отъ общихъ корней и основъ, которые не суть слова, то въ умахъ учениковъ не возникнетъ даже вопроса, суффиксы ли это, или флексіи. На практикѣ давно уже господствуетъ обычай—окончанія такихъ формъ, которыя принято считать грамматическимъ началомъ слова, называть не видовыми именами (суффиксъ и флексія), а родовымъ (окончаніе), такъ какъ слово въ начальной формѣ еще не измѣнено, такъ сказать, *не флектировано*.

III. Какія именно принадлежности глагола входятъ съ составъ спряженія? „Въ спряженіи измѣняется глаголь по наклоненіямъ, временамъ, числамъ, лицамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ по родамъ“. (Ист. Гр. I. § 84). Собразно съ этимъ наши ученики, спрягая глаголь устно или письменно, обыкновенно ставятъ въ началѣ неопред. наклоненіе, затѣмъ изъяснительное съ тремя или по крайней мѣрѣ съ двумя временами и наконецъ повелительное наклоненіе. Такимъ образомъ ученики въ правѣ называть окончанія всѣхъ этихъ формъ флексіями. Но неопредѣленное наклон. въ Истор. Грамматикѣ отнесено не къ словоизмѣненію, а къ словообразованію и слѣдовательно его нужно выдѣлить изъ сферы спряженія (I, § 56). Не соглашаясь съ г. Буслаевымъ во взглядѣ на значеніе неопредѣл. наклоненія, проф. Потѣбня утверждаетъ, что „неопред. наклоненіе, какъ и личныя формы, по правилу входятъ во всякую совокупность формъ,

называемую *однимъ* спряженіемъ, или *однимъ* глаголомъ“ (Изъ зап. по рус. гр. II 288). Но и самъ онъ называетъ окончаніе этого наклоненія *суффиксомъ* (ibid 277). Очевидно, вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ а priori, да въ этомъ и бѣды большой нѣтъ, потому что на практикѣ онъ не подаетъ никакого повода къ недоразумѣніямъ. Грамматическое начало слова есть тотъ именно пунктъ, на которомъ съ одной стороны кончается область словообразованія, а съ другой—начинается область словоизмѣненія. Если вы говорите ученику: проспрягай глаголь *читать*, то этимъ вы еще не начали самаго спряженія, это сознаетъ и ученикъ. Здѣсь окончаніе *тъ* онъ могъ бы назвать флексіей только въ совокупности съ *еишь*, *етъ* и проч., чего на дѣлѣ не можетъ случиться, ибо во время упражненій въ словоизмѣненіи терминъ этотъ не употребляется. Ни одинъ учитель не скажетъ ученикамъ, изучающимъ грамматическія измѣненія словъ: составьте таблицу *флексій* такого-то склоненія, или спряженія. Флексія—терминъ не морфологическій, а этимологическій, и понятіе о немъ сообщается ученикамъ во время упражненій въ словоразложеніи, которымъ, разумѣется, должно предшествовать твердое знаніе склоненій и спряженій. Упражняя же учениковъ въ словопроизводствѣ, учитель по привычкѣ и по обычаю станетъ называть окончаніе неопр. наклоненія, какъ начальной формы глагола,—просто окончаніемъ. Не правильнѣе ли было бы называть его суффиксомъ?—Не надо забывать, что преподавателю приходится иногда дѣлить слово не на такія составныя части, на какія оно должно быть разложено при этимологическомъ *) разборѣ: такъ для цѣлей орфографическихъ многіе относятъ къ окончанію неопред. накл. и гласную передъ *тъ* напр. въ правилѣ объ употребленіи въ глаголахъ буквы *ь*. Такое окончаніе уже ни въ какомъ случаѣ не суффиксъ. Да и безъ предшествующей гласной *ти* (*тъ*), нельзя назвать суффиксомъ. За исключеніемъ немногихъ случаевъ, гдѣ неопред. наклоненіе цѣликомъ перешло въ разрядъ существительныхъ (напасть, стать

*) «Этимологическій» употреблено здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ словообразованія.

и проч.), отличаеваемыхъ отъ глагола большею частію только по смыслу, да формъ, въ родъ *житіе, нитъе*, производимыхъ впрочемъ отъ причастій (*ibid.* 279), окончаніе *тъ*, не играетъ никакой роли въ словообразованіи. Взятое безъ *и* (*ь*), оно конечно будетъ суффиксъ, (*би-т-ый* *кля-т-ва*, *жи-то*), но тогда оно перестаетъ быть окончаніемъ неопред. наклоненія (*и* здѣсь остатокъ архаической флексіи косвеннаго падежа, въ формъ котораго застыло неопр. наклоненіе въ до-письменный періодъ *ibid.* 277).

Изъ вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее: видовыя понятія—суффиксъ и флексія не исчерпываютъ всего объема родоваго понятія—окончаніе. Поэтому необходимо принять три вида окончаній, какъ это сдѣлалъ Говоровъ въ своей грамматикѣ: *производное, относительное* и *отличительное*, или короче: суффиксъ, флексія и просто *окончаніе*. Окончаніемъ въ полномъ смыслѣ будетъ все то, что не есть ни флексія, ни суффиксъ, именно окончаніе начальныхъ формъ (имен. падежъ и неопред. наклоненіе.), рода, степеней сравненія, причастій, дѣепричастій и нарѣчій.

IV. Какъ считать возвратное мѣстоименіе *ся*, слившееся съ глаголомъ?—Оно стоитъ на концѣ слова, но къ окончаніямъ не принадлежитъ. Оставить за нимъ названіе возвратнаго мѣстоименія—неудобно, ибо въ современномъ языкѣ отдѣльной формы *ся* нѣтъ; между *ся* и *себя* есть даже значительная разница, которую легко могутъ замѣтить ученики: *бить-ся* вовсе не то, что *бить себя*. Въ глазахъ учениковъ права его на названіе мѣстоименія ничѣмъ не больше правъ глагольныхъ и именныхъ флексій (*м, т, его, ему, ихъ* и проч.) и мѣстоименныхъ суффиксовъ (*к, и, т, ин*). Суффиксомъ также нельзя его называть, хотя глаголь, принявши *ся*, дѣлается другимъ глаголомъ. Не лучше-ли отнести его къ примѣтамъ залога, каковы *и, ѣ, ну*, съ которыми онъ имѣетъ значительное сходство? Въ Ис. Гр. *ся* хотя помѣщено непосредственно послѣ перечисленія примѣтъ залога, но называется то мѣстоименіемъ, то частицею. (Эт. § 53, 5).

V. Приставка.

По-видимому нѣтъ ничего легче, какъ составить себѣ понятіе о приставкѣ. Однако опредѣленія, что такое приставка, въ грамматикахъ обыкновенно не бываетъ. У г. Буслаева о приставкахъ сказано вотъ что: „служебныя части рѣчи, каковы: нѣкоторыя мѣстоименія, отрицательныя частицы: *не, ни*, и предлоги называются *приставками*“ (Эт. § 40). Хотя здѣсь поименованы тѣ служебныя части рѣчи, которыя могутъ быть приставками, однако самому автору показалось этого недостаточно, и онъ далѣе счелъ нужнымъ перечислить прочія частицы, принадлежащія къ приставкамъ, но не вполне подходящія подъ поименованные имъ разряды словъ. Сюда вошли и такія частицы, которыя въ своемъ мѣстѣ отнесены къ нарѣчіямъ (*наи-нѣ* § 71 и *еже* § 75). Остается не выясненнымъ, какія именно мѣстоименія бываютъ приставками; если *всѣ*, способныя сливаться съ другими словами, то это не вѣрно: слова „самолюбіе, всемогущій“ не приставочныя, а сложныя. Если же только тѣ, которыя вошли въ составъ нарѣчій *г-дѣ, з-дѣсь, сю-да, всю-ду* и проч. (§ 57), то въ такихъ приставкахъ ученики не скоро будутъ въ состоеніи узнать мѣстоименія. Для дидактическихъ цѣлей необходимо составить такое опредѣленіе приставки, которое бы одинаково пригодно было какъ на низшихъ, такъ на высшихъ степеняхъ обученія. По нашему мнѣнію, слѣдующее опредѣленіе наиболѣе уместно въ школахъ: *Приставкой будетъ все то, что стоитъ передъ корнемъ, принадлежитъ къ неизмѣняемымъ словамъ и, взятое отдѣльно, не отвѣчаетъ ни на какой вопросъ* (нельзя подобрать вопроса, на который бы отвѣчали, напр., слова: *не, вы, пра, су, на* и т. п. Затѣмъ уже отнесеніе приставокъ къ той или иной части рѣчи составляетъ особый вопросъ.

VI. Слова первообразныя, производныя и сложныя.

Терминъ „первообразное слово“ употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ: а) въ противоположность термину

„производное слово“, для обозначенія такихъ словъ, которыхъ нельзя произвести отъ другихъ словъ (Истор. Гр. I § 40) и б) для обозначенія отношенія предыдущихъ словъ къ своимъ послѣдующимъ—производнымъ, хотя бы первыя сами по себѣ не были первообразными, напр. слово *свидѣтельство* называютъ первообразнымъ по отношенію къ производному *свидѣтельствовать* (слич. „Изъ записокъ по р. гр. I стр. 22). Въ первомъ значеніи терминъ этотъ давно вошелъ въ всеобщее употребленіе, и на практикѣ первообразность нерѣдко служитъ однимъ изъ признаковъ, облегчающихъ отнесеніе слова къ тѣмъ или другимъ грамматическимъ подраздѣленіямъ (Истр. Гр. I. § 85). Во второмъ же значеніи онъ употребляется по необходимости, такъ какъ въ грамматикахъ нѣтъ особаго термина для названія слова по отношенію къ его непосредственнымъ производнымъ. Между тѣмъ различіе этихъ значеній граничить съ противоположною: если одно и тоже слово „свидѣтельство“ можетъ быть названо и первообразнымъ (по отношенію къ „свидѣтельствовать“), и производнымъ (по отношенію къ „свидѣтель“), то понятіе первообразности не можетъ быть противоположно понятію производности, какъ это обыкновенно принято. Да и самое названіе „*первообразное слово*“ въ первомъ значеніи слишкомъ смѣло: можно подумать, что это и есть именно тотъ *первый* словесный образъ, въ который облечено представленіе, соединяемое со словомъ нынѣ. Гораздо удобнѣе было бы понятію „производное“ противопоставить „не производное“, а терминъ „первообразное слово“ употреблять исключительно во второмъ значеніи.

Сложными словами одинаково называются какъ слова съ приставками, такъ и „настоящія“ сложные слова, напр. *не-из-реченный, едино-сущный, путе-шествіе*; (ibid § 40). Самъ авторъ Истор. Гр. находитъ нужнымъ различать ихъ, а различать только и возможно особыми техническими названіями. Къ приставочнымъ словамъ нейдетъ названіе сложныхъ, (которыя, по опредѣленію г. Буслаева, „состоятъ изъ двухъ или изъ нѣсколькихъ словъ“.), потому что приставки суть слова, такъ сказать, грамматическія, а не дѣй-

ствительныя, нѣкоторыя же изъ нихъ давно уже потеряли свое отдѣльное существованіе даже въ грамматическомъ смыслѣ и входятъ въ составъ другихъ словъ подобно суффиксамъ, отличаясь отъ послѣднихъ только мѣстомъ, напр. па-сын-окъ, су-глин-окъ и т. п. На взглядъ учениковъ, въ „су-рѣп-ица“ *су* такое же слово, какъ и *ица*. Для устраненія сбивчивости многіе называютъ приставочныя слова *предложными*, но приставками бываютъ кромѣ предлоговъ и другія частицы, напр. не, нѣ, ни и проч.

И. Соломоновскій.

ЗНАЧЕНИЕ И ЗАВИСИМОСТЬ ПАДЕЖЕЙ И ИХЪ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СОВОЮ.

Согласно моему взгляду, выраженному въ ст. „О частяхъ предложенія“..., то, что называется въ грамматикахъ управленіемъ словъ, нужно назвать согласованіемъ дополненій и обстоятельствъ съ элементами сказуемаго (элементами сказуемаго я называю его суффиксы и флексіи): они, т. е. дополненія и обст., согласуются какъ приложенія. Пояснимъ это примѣрами. Пастухъ гон-и-тъ стадо. Окончаніе — ть = тотъ = онъ, пастухъ — приложеніе къ мѣстоименію существ. = ть, согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ; стадо — приложеніе къ мѣстоименію — и = его (отъ и, я, е, = онъ, она, оно), согласовано въ числѣ и падежѣ, а въ родѣ не согласовано; если поставить „пасеть“ вм. „гонить“, то будетъ согласовано и въ родѣ, такъ какъ е (суфф.) сред. р: и стадо средняго. „Бдешь лѣсомъ“. Лѣсомъ — обст. мѣста — приложеніе къ лжеуказателю твор. падежа — шь (объ этомъ ниже, гдѣ говорится о твор. пад.). „Изъѣздишь лѣсъ.“ Лѣсъ — обст. мѣста, приложеніе къ суффиксу и (какъ прямое дополненіе). — „Толкнулъ одинъ разъ“. „Толкаетъ много разъ, часто“. Одинъ разъ, много разъ, часто — обстоятельство образа, если и не согласуются съ суффиксами (это съ приложеніями бываетъ), то все-таки служатъ какъ приложенія къ выясненію суффиксовъ — ну, а, которые, какъ признаки видовъ, указываютъ на образъ дѣйствія. — „Вчера спогребохся Тебѣ“ (пасхальная пѣснь); x (суфф.) указываетъ на прошед. время; словомъ „вчера“ точнѣе опредѣляется это время, слѣдовательно, „вчера“ относится къ „x“ какъ приложеніе. С о г л а с о в а н і е

всѣхъ этихъ словъ точнѣе выяснено въ дальнѣшемъ разборѣ падежей.—Обстоятельство дѣли, если оно выражено неопредѣленнымъ наклоненіемъ, относится къ глаголу, какъ дат. падежъ (ниже). Обстоятельство причины выражается, обыкновенно, съ предлогомъ, слѣд. о немъ говорить здѣсь не мѣсто.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ заняться, такъ называемыми, косвенными падежами,—но дѣлаю оговорку: косвенные падежи (не говорю о неточности термина) ничѣмъ не отличаются отъ прямаго,—такое различіе установилось вслѣдствіе ложнаго взгляда на именительный падежъ: онъ, будто-бы, постоянно указываетъ на главный предметъ въ предложеніи; но именительный, какъ и другіе падежи, можетъ быть второстепенною частію предложенія, напр. приложеніемъ (Волхъ оборачивался туромъ — золотые рога), и наоборотъ (какъ увидимъ далѣе)—тѣ которые косвенные падежи могутъ означать главный предметъ въ предложеніи, тѣ, что можно бы назвать подлежащимъ, если уже непременно нужно удержать этотъ терминъ. Въ объясненіи значенія падежей я отчасти схожусь съ общепринятымъ взглядомъ—исключеніе составляетъ родительный падежъ.

Для удобства обзора косвенные падежи можно раздѣлить на двѣ группы: 1) винительный и дательный; они указываютъ на предметъ, къ которому прямо направляется дѣйствіе; 2) родительный, творительный и предложный—означаютъ предметы, которые стоятъ близко, въ какомъ-нибудь отношеніи, къ другимъ предметамъ (о предложномъ здѣсь мы не будемъ говорить).

Винительный и дательный хотя принадлежать къ одной группѣ, но различаются существенно другъ отъ друга. Винительный означаетъ пассивный предметъ, стоящій

подъ самымъ дѣйствиемъ, предметъ, претерпѣвающій дѣйствіе: „кошку бьютъ — невѣсткѣ намѣтку даютъ“. Кошка волею — неволею претерпѣваетъ дѣйствіе; кошка находится близко отъ дѣйствующаго предмета. Предметъ, означенный дательнымъ падежомъ, можетъ отстоять отъ дѣйствующаго предмета очень далеко, онъ — цѣль, къ которой дѣйствіе направлено; но дѣйствіе можетъ и не достигнуть этой цѣли: поиде Новугороду. Если цѣлью дѣйствія служить предметъ одушевленный, онъ лицо, которое можетъ употребить въ свою пользу направленное на него дѣйствіе, или уклониться отъ него. Очевидно, что лицо, означенное дательнымъ падежомъ, сравнительно, въ выгодномъ положеніи: „Дастъ казачка мнѣ денегъ, пригоршни.“ — „Сила уму уступить.“ — „Зернышку (олицетвореніе) сготовимъ (мы) колыбель святую“. Въ послѣднемъ напр. предложеніи зернышко представлено первостепеннымъ предметомъ, а подлежащее — мы — предметъ служебный.

Родительнымъ и творительнымъ означаются предметы, только соприкасающіеся съ другими предметами. Родительный показываетъ предметъ, къ которому близко стоитъ другой предметъ: Эта книга брата. Братъ логически важнѣе книги, брату принадлежитъ книга, онъ можетъ ею пользоваться, какъ вещью. Творительнымъ, наоборотъ, выражается предметъ второстепенный, служащій орудіемъ другому: пишу перомъ.

Такимъ образомъ мы можемъ представить падежи въ такой таблицѣ:

1-я группа. а) Винительный пад. (второстепенный предметъ).	} Падежи, означающіе предметы, къ которымъ направлено дѣйствіе.
б) дательный пад. (первостепенный предметъ).	

- 2-я группа. а) Творительный пад. (второстеп. предм.),
 б) родительный пад. (первостеп. предметъ).
 Предметы, близкіе къ предмету, означенному другимъ падежомъ.

Дательный и родит. означаютъ если не важнѣйшіе предметы, то, по крайней мѣрѣ, самостоятельныя (оба пад. — родит. въ греческомъ яз., дательный въ славянскомъ, поэтому и могутъ употребляться самостоятельными). Винительный и творительный показываютъ предметы, которыми кто-нибудь распоряжается, какъ вещь. Творительный самостоятельный въ лат. языкѣ получаетъ значеніе просто творительнаго, указывающаго на второстепенный предметъ: онъ большею частью означаетъ время, какъ орудіе для исполненія дѣйствія.

Изъ общей характеристики падежей и изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какіе падежи я считаю основными: 1) винительный — прямое дополненіе, 2) дательный дѣли, 3) творительный орудія и 4) родительный принадлежности или вообще отношенія. Винит. дат. твор. и родит. въ другихъ значеніяхъ — видоизмѣненія основныхъ т. е. винит. мѣста и времени, родит. количества и проч. — не основные, а производные.

Винительный падежъ.

По второстепенности предметовъ, означаемыхъ винительнымъ падежомъ, онъ сближается съ творительнымъ. Эту же близость мы можемъ видѣть и изъ сходства окончаній этихъ падежей: въ славянскомъ яз. винит. пад. женскаго р. оканчивается на ж, ѣ (греч. всѣхъ родовъ: ου, ου, ηυ; лат. am, um, em); творит. пад. муж. р. ѣмь, ѣмь; множеств. ч. винит. пад. ы, а (носовья), творит. ы (носовое), ами. Близость винительнаго къ творительному видна и изъ того, что винит. легко пере-

ходить въ творительный: бросилъ камень, — камнемъ. „За ворота башмачокъ... бросали,“ — башмачкомъ. — „Не криви душою (душу) — кривобокъ на тотъ свѣтъ пойдешь.“

Разсмотримъ отношенія этого падежа.

1) Мѣсто винительнаго — при дѣйствительномъ залогѣ. Суффиксы дѣйствительнаго залога — *и, е*. То и другое — винительные падежи мѣстоименія — *и, я, е* (онъ, она, оно). *е* слѣдуетъ считать суффиксомъ (ст. Бочарникова. Филол. Зап. 1880 г. № 1), а не соединительною гласною. Этотъ суфф. въ неопредѣленномъ накл. или поглощается другою, предыдущею гласною, усиливая ее: пить *вм.* пѣть, или измѣняется: бороть *вм.* бореть, брать *вм.* бреть. Чаше всего измѣняется *е* въ *а*, такъ какъ въ винительномъ существительныхъ *а* очень часто является какъ окончаніе: оно также указываетъ на винительный падежъ. Суфф. *и, е, а, о* значать: его. Толк-а-е-тъ: въ этомъ словѣ четыре части: толк — самое сказуемое, ть — подлежащее (тъ = онъ, она, оно), *а* — обстоятельство образа (= продолжительно), такъ какъ *а* — указатель вида (Истор. Грам. Буслаева § 59); *е* — прямое дополненіе (= его). Толкаетъ медвѣдя: медвѣдя относится, какъ приложеніе, къ суффиксу — *е* ¹⁾.

2) „Жизнь пережить — не поле перейти.“ Жизнь и поле — первоначально обстоятельственные слова: они управляются (употребляю терминъ общепринятый, на самомъ же дѣлѣ „черезъ поле“ согласуется съ элементомъ глагола „пере“) посредственно — предлогомъ „пере“, и при нихъ долженъ бы стоять соответственный предлогъ „черезъ“ (тавтологія къ „пере“); перейти черезъ поле. Потерявъ предлогъ „черезъ“, жизнь и поле сдѣлались подобными прямому дополненію, и глаголы — пережить и перейти — получили значеніе дѣйствительныхъ. Послѣ этого, по аналогіи (важность аналогіи признана), такой-же винитель-

¹⁾ Такъ слѣдовало бы разбирать всѣ предложенія: въ такомъ родѣ предполагается синтаксисъ.

ный сталъ употребляться и при глаголахъ непредложныхъ „вѣкъ живи — вѣкъ учишь“. — „Бѣду всю дорогу.“ Глаголы, не имѣющіе значенія дѣйствительныхъ, въ этомъ случаѣ, получаютъ такое значеніе. Получивъ значеніе переходныхъ глаголовъ, они должны были выработать и соответственную этимологическую форму: они породили суффиксъ *e*: живешь, ѣдешь, несешь, везешь; обратились изъ глаголовъ первообразныхъ, архаическихъ въ производные (назвать строго первообразными можно только архаическіе глаголы). Въ такомъ только смыслѣ *e* можно назвать вставочною или соединительною гласною²⁾. Нарожденіемъ суффикса всѣ глаголы могутъ дѣлаться переходящими (только архаическіе по формѣ остались непереходящими); вслѣдствіе этого возможно страдательное причастіе и отъ среднихъ глаголовъ: „Ихожено, и вожено, а легче пѣтъ“. — „Не дорого — что пито, а дорого — что быто“.

3) „Ты лети, лети, соколы, высоко и далеко“. — „Рано, пташечка, запѣла — чтобы кошечка не съѣла!“ Высоко, далеко, рано — это винительные мѣста и времени: они точно такъ же служатъ опредѣленіемъ суффиксовъ глагольныхъ, какъ и прямыя дополненія. Образовавъ нарѣчія времени и мѣста, аналогично съ винительными времени и мѣста, а также съ прямыми дополненіями, языкъ сталъ выражать и образъ дѣйствія нарѣчіями въ формѣ винительнаго падежа: „Хорошо пастухъ играетъ“ = пастухъ играетъ что-то хорошее. Такимъ образомъ окажется, что всѣ обстоятельственные слова стоятъ къ сказуемому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и дополненія (посредственное управление пока оставляется въ сторонѣ).

²⁾ По моему мнѣнію невозможно допустить появленіе новаго звука въ словѣ изъ ничего: въ самыхъ словахъ нужно искать возможности появленія суфф. *e*. Несъти, везъти — ѣ является отъ проникновенія силы *и*, онъ и обращается въ суфф. *e*. (Эта мысль будетъ развита.)

Примѣч. Латинскій оборотъ: „*Neu me infelicem!*“ и русскій (въ новгор. нар): ой меня бѣднаго! вм. ой я бѣдный! подобны выраженіямъ: пожаръ! караулъ! и проч., въ которыхъ сказуемыя: 1) пожаръ—въ именит., 2) караулъ въ звательномъ (по смыслу). Винительный является при восклицаніяхъ, означающихъ скорбь, удивленіе, т. е. когда говорящій подавленъ скорбію, удивленіемъ, —онъ предметъ пассивный: здѣсь естественно явиться винительному вм. именительнаго.

Дательный падежъ.

Мѣсто дательнаго—при среднемъ и общемъ залогахъ. Суффиксъ средняго залога *ь*, послѣ шипящихъ переходящій въ *а*. Этотъ суффиксъ, т. е. *ь*, служа окончаніемъ дательнаго пад. (въ женскомъ р.), указываетъ, что дѣйствіе обращено къ предмету, который можно выразить дательнымъ падежомъ. Но *ь* образовался изъ *и*, которое и есть нормальное окончаніе дательнаго (сынови, сѣти, сѣмени, домой=домъ+и дома=дому). Такимъ образомъ суффиксъ средняго залога иногда не отличается отъ суффикса дѣйствительнаго зал.—ходить; это повело къ смѣшенію суффиксовъ, а также къ тому, что одинъ и тотъ же суффиксъ несетъ двойную службу: указываетъ и на винительный, и на дательный пад. Такимъ образомъ при дѣйствительномъ залогѣ является два падежа, выясняющіе одинъ суффиксъ—*и*: учишь ученика арифметикѣ.

Смѣшенію суффиксовъ помогло и то, что оба суфф. (дѣйствительнаго и средняго залоговъ) указываютъ на предметъ, къ которому дѣйствіе устремлено. *ь* болѣе свойственно среднему залогу, вслѣдствіе потребности дифференцированія суффиксовъ. Суффиксъ средняго залога имѣетъ такое же значеніе, какое мѣстоименіе „себѣ“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Жилъ—себѣ старикъ со своею старухою. А онъ себѣ—идеть и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ. Мѣстоименіе „себѣ“ и суффиксъ „ѣ“ указываютъ на

цѣль дѣйствія, на предметъ, для котораго дѣйствіе совершается или къ которому дѣйствіе устремлено. Частицу *са* общаго глагола можно приравнять къ мѣстоименію „себѣ“.. *Са* не имѣетъ флексіи: *са* = *сем* = *себ*, здѣсь только корень, — и „ся“ можетъ принимать значеніе дательнаго падежа по такому же праву, по какому принимаетъ значеніе винительнаго пад. Въ областныхъ говорахъ *вм.* *ся* — *си*: *боитси.* и, безъ сомнѣнія, дательный падежъ. Это виднѣе будетъ изъ слѣдующаго:

1) *ь* (изъ *и*), *си*, *ся*, *себь* — имѣютъ назначеніе указывать на цѣль дѣйствія. Въ глаголахъ субъективныхъ дѣйствующій предметъ самъ служитъ цѣлью, иногда же цѣль стоитъ *внѣ*; тогда нужно особенное слово, точнѣе указывающее на цѣль — это слово должно согласоваться съ суффиксомъ: „Горѣ *ь* имѣемъ сердца.“ — „Молимся Богу. Горѣ — дательный цѣли, Богу — дательный лица. Горѣ = Небо = Богъ: такимъ образомъ оба предложенія почти однозначущи, рѣзкаго различія между дательнымъ цѣли и дательнымъ лица нѣтъ; только въ дательномъ лица самостоятельность; независимость предмета рѣзче выступаетъ.

2) „Чудится путнику страшный сонъ“. Путнику — дат. пад.; этотъ предметъ невольно претерпѣваетъ дѣйствіе — такой дательный можно назвать пассивнымъ (этотъ терминъ употребленъ и въ Русскомъ Фил. Вѣстн. 1880 г. № 1, ст. Апеля). Этотъ дательный, повидимому, близокъ къ винительному; но если мы отбросимъ излишній наростъ „страшный сонъ“ (тавтологія къ сказуемому), то получится такой смыслъ: *чуди-тъ-ся*: *тъ* = *путникъ*, *ся* = *себѣ* (путнику) Самъ путникъ, обращаетъ дѣйствіе на себя: характеръ дательнаго падежа остается. Въ предложеніи: „болно ногѣ“ — дательный *вм.* винительнаго, поэтому говорятъ также — „болно ногу“. (окончаніе „болно“ выяснено выше, гдѣ говорено о *вин.* падежѣ).

3) „Солдату умереть въ полѣ, матросу — на морѣ“ — дат. необходимости, при неопредѣленномъ. Неопредѣлен-

ное склоненіе своимъ суффиксомъ указываетъ на цѣль. Въ лат. для этого употребляется *supinum* на *tum*, а въ слав. достигательная форма на *тъ*; оба окончанія отъ страдательнаго причастія съ флексією винит. падежа. Здѣсь смѣшеніе: винительный вм. дательнаго (въ лат. это не единственный случай: *Curius primus elephantos quatuor Romam duxit*). Русскій языкъ цѣль выражаетъ дательнымъ — явилась форма на *ти* (*ть*), т. е. въ неопредѣленномъ накл. *и* (= *б*) — флексія дательнаго падежа³⁾. Само дѣйствіе можетъ служить цѣлью, тогда неопредѣленное склон. не нуждается въ пояснительномъ словѣ: я иду гулять. Въ выраженіи: „умереть солдату“ — солдатъ цѣль дѣйствія; дѣйствующая причина — подлежащее неизвѣстно. Умереть == смерть: умереть солдату == смерть солдату, т. е. смерть представляется идущею на солдата, солдатъ — цѣль. Мы можемъ дѣйствіе представить линіею, идущею отъ одной точки до другой: ^{имен.} >. дат. пад. Точка начала линіи — подлежащее, имен. пад.; конецъ линіи — цѣль, дат. пад. Есть случаи, въ которыхъ причина (подл.) и цѣль одинаково важны: „Сила уму уступить“. Въ другихъ случаяхъ до производителя дѣйствія намъ нѣтъ никакого дѣла, тогда и глаголь не имѣетъ флексіи, не указываетъ на подлежащее, а указываетъ только на предметъ, къ которому дѣйствіе направляется: „Солдату умереть въ полѣ.“ Иначе: указывается побудительная причина (цѣль): эта побудительная причина, выраженная дательнымъ падежомъ, и есть подлежащее. Если не указывается ни на производящую причину (имен. пад.), ни на побудительную, то является предложеніе безличное въ полномъ смыслѣ: Ой! Пожаръ! — Караулъ! и проч.

³⁾ Въ ст. «О частяхъ предложенія»... (Фил. Зап. вып. II) я допускалъ неопред. накл. изъ достигат. ф.; но болѣе основанія признать самостоятельность этой формы; неопред. накл. въ греч. тоже изъ дат. пад. — *εναί*, аор. *αι*, общ. наст. *εσθαι*, стр. аор. *ηυαι*; только наст. дѣйств. *ειν* — изъ вин.

4) „Иисусу рождѣшуся въ Виодеемѣ Іудействѣмъ, се влѣси придоша поклониться ему.“ Къ глаголу „поклониться“ дополненіе — „ему“; это дополненіе еще выясняется придаточнымъ предложениемъ — „Иисусу рождѣшуся“.

„Вѣтру велію дыхающую“, воздвизашеся море“. Здѣсь дательный явился по аналогіи съ предыдущимъ, — слѣдовало-бы: „вѣтромъ велимъ воздвизашеся море“, т. е. съ творительнымъ орудіемъ, при страдат. залогѣ „воздвизашеся.“ Творительный при страдат. представляется намъ дѣйствующимъ, слѣдовательно, независимымъ, — это помогло его аналогіи съ дательнымъ. Такъ сказать, борьбу, а слѣдовательно, и смѣшеніе творительнаго съ дат. представляетъ случай: быть любиму (дат. при неопр. накл.), быть любимымъ (твор. признака). Въ первомъ случаѣ дательный, какъ древнѣйшій способъ выраженія, явился совершенно правильно. „Быть любиму“ — оборотъ одного рода съ выраженіемъ — „солдату умереть въ полѣ“. „Быть любимымъ“ — творительный — по той же причинѣ, по которой является творительный признака при глаголахъ: быть, стать, слыть. сдѣлаться и проч. (объ этомъ ниже).

Творительный падежъ.

Основной творительный, какъ уже указано, могъ бы, по видимому, развиваться изъ винительнаго: бросить камень, — камень. Но нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ явился творит. по аналогіи съ другими творительными.

Мѣсто творительнаго — при страдательномъ причастіи. Въ ст. „О частяхъ предложенія“... мною указано, что суффиксами страд. причастія служатъ флексіи творительнаго пад. Творит. при страдательномъ служитъ приложеніемъ къ суффиксу: „Сѣрый рыцарь мой обласканъ по уши кумой“... Кумой — приложеніе къ суфф. *нъ*, который перезвукъ окончанія творит. падежа: *мъ*, *жъ*. Здѣсь творительный не изъ винит., а изъ именительнаго: „Кума

обласкала "... Въ этомъ причина того, что творит. при страдательномъ представляется намъ дѣйствующимъ. Такъ ли на самомъ дѣлѣ?

Сравнимъ: Домъ строится плотникомъ и плотникъ строить домъ. При дѣйствительномъ оборотѣ: плотникъ строить... является мысль, что плотникъ строить по своей инициативѣ, для себя домъ. При страдательномъ оборотѣ плотникъ орудіе хозяина строящагося дома: мой домъ строится плотникомъ. „Гекторъ убить Ахиллесомъ“: Ахиллесъ—орудіе Зевса или судьбы. Судьба въ вѣрованіяхъ народа играетъ такую роль, что всякій, по нашему, дѣйствующій предметъ—у народа орудіе судьбы, или вообще, высшаго существа, невѣдомаго бога. Когда народъ, съ своей точки зрѣнія, выражается вполне точно, тогда употребляетъ творительный надежъ вмѣсто именительнаго: является страдательный оборотъ (смысл именительнаго при страдательномъ объясненъ раньше, въ ст. „О частяхъ предл...).

Такъ какъ суффиксы и дѣйствительныхъ причастій одного происхожденія съ страдательными—тоже флексіи творительнаго надежа ⁴⁾, то творительный появился и при дѣйствительныхъ причастіяхъ, а потомъ по аналогіи это распространилось и на всѣ формы дѣйствительнаго глагола:

4) Савскритскій творительный на an, русскій на мъ (омъ, емъ); древнѣйшая форма савскр. творительнаго на as или at. Твор. на an далъ причастіе страд. прош. на вный (ный), русское мъ дало наст. страдат. причастіе; форма на at дала прош. страд. причастіе на тый. Изъ соединенія as и an или at произошла латин. форма ans или ant. Изъ ant чрезъ перемѣну an на юсь и чрезъ смягченіе t въ щ явились славянскіе причастные суффиксы: жщ и лщ; ans, измѣнивъ an въ љ (носовое) и смягчивъ s въ ш, дало љш—суфф. прошед. причастія; въ окончаніи прошедшаго причастія—в(ъ)шій љ считается придыханіемъ. Но, по моему мнѣнію, областная форма дѣепричастія: ходимши (ходимъши) указываетъ на то, что в явилось изъ м—причастнаго суффикса, или что тоже изъ флексіи творительнаго. (Не слѣдуетъ придавать большое значеніе выраженію «причастіе отъ савскр.»—формы на an, мъ, as, jat—я считаю общими для индоевропейскихъ языковъ).

путь снѣжкомъ порошить“. Этому помогло сходство флексій настоящего и будущаго времени съ причастными суффиксами (прош. вр. изъяв. накл. на лѣ — причастная форма). Для наглядности представимъ сравненіе въ таблицѣ:

1. Флексіи наст. и буд.	2. Соотвѣтствующіе прич. суфф.
1 лицо у (ж=мъ)	мъ — наст. страд. причастіе.
2 — шь	шій — прош. дѣств.
3 — ть	ть — прош. страд. прич.
1 — мь	мъ — наст. прич. страд.
2 — те	ть — прош. страд. прич.
3 — (ж, л) + ть	въ, ть — прош. страд. прич.

Вслѣдствіе смѣшенія флексій съ суффиксами причастій творительный получилъ очень широкое приложеніе, но всѣ творительные означаютъ орудіе, способъ, средство. Это ясно, и потому перечисляю кратко.

1) Образа. Онъ ѣдетъ верхомъ.. Будущій пользуется верхомъ коня для ѣзды.

2) Уподобленіе. „Томной вдалькѣ свирѣлю отдавался.“ Свирѣлю означаетъ способъ, заимствованный.

3) Усиленія. „Изъ гостей пришла свинья — свиньей“ (какъ?). Означается тоже образъ дѣйствія.

4) Признака. „Я была въ курятникѣ судьею.“ Я была, существовала профессіей судьи: профессія — средство и образъ существованія.

5) Отношенія. „Не красна изба углами, а красна пирогами.“ Углы и пироги служатъ или не служатъ орудіемъ украшенія избы.

6) Временемъ и мѣстомъ мы пользуемся, какъ орудіемъ, средствомъ совершенія дѣйствія.

Родительный падежъ.

Родительный, собственно, не служитъ къ выясненію

суффиксовъ въ глаголахъ — онъ независимый падежъ. Его мѣсто — при имени существит. и при другихъ склоняемыхъ частяхъ.

Пояснимъ это примѣрами.

1) „Меня раздражаетъ и солнца осенняго блескъ... и позднихъ кузнечиковъ трескъ“. Блескъ и трескъ — именительные падежи; но предметы, означенные родительными падежами важнѣе: солнце производитъ блескъ, а блескъ раздражаетъ. Солнце первая причина, вторая — блескъ, результатъ — раздраженіе. „Жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери.“ Поселянинъ важнѣе свѣчи, свѣча ему принадлежитъ; Божія Матерь важнѣе иконы. Изъ двухъ предметовъ важнѣйшій означаетъ родительнымъ, менѣе важный именительнымъ. Можно сказать, что родительный при именительномъ развитіе той же флексіи глагола, къ которой относится именительный, т. е. на родительный вмѣстѣ съ именительнымъ указываетъ личное окончаніе глагола. Родительный — основной — тотъ же именительный, только усиленный, съ усиленною основою (это справедливо, по крайней мѣрѣ, относительно муж. и средняго р.). Санскритское — Bhagas — Богъ (съ ослабленнымъ а), sūnus — сынъ (съ ослабленнымъ у); русскій родитъ Бога: основа ⁵⁾ не ослаблена, — сравнительно съ именит. усилена; сына вм. сыну — съ сильною основою. Важнѣйшій предметъ и означаетъ словомъ съ сильною основою; но мы не дѣлаемъ этого различія въ словахъ: сердцебіеніе, водовозъ и подобныхъ.

⁵⁾ Обыкновенно, окончаніе род. пад. а — считаютъ флексією; дѣло представляется такъ: именительный «Богъ» — онъ и основа (ослабленная, а не ослабленная «Бога» санск. Bhagas); къ этой основѣ прибавляется флексія — а: Богъ + а. Но я думаю — можно взглянуть на образованіе родительнаго иначе: род. санскр. образуется удвоеніемъ основной гласной Bhagasja; а въ словѣ sūnus род. образуется гуною: sūnos. Въ рус. языкѣ гуны соответствуетъ усиленіе: изъ двухъ способовъ образованія родительнаго рус. языкъ избралъ второй — усиленіе (или гуноу). Такимъ образомъ «Бога» — род. пад. — будетъ усиленная основа.

2) „Не снявъ коры, дерева не узнаешь.“ Отрицаніе при глаголахъ показываетъ, что предметы — кора и дерево — не подтверждаются дѣйствию, независимы. „Я не билъ сабаки:“ если я не билъ, то собака и не чувствовала боли, потому что дѣйствіе ея не коснулось, не переходило на нее. Въ латинскомъ винит. по аналогіи съ винит. при глаголахъ дѣйствительныхъ безъ отрицанія. „Не было печали“; „не слышно капитана“ — въ обоихъ родительный независимый, вм. именительнаго (ср. съ другими языками).

3) „У вороны былъ кусочекъ сыру“. Родит.—количества. Сыръ—единица, поэтому говоримъ „одинъ сыръ“, т. е. два именительныхъ, два равносильныхъ падежа при равенствѣ понятій. „Половина сыру, кусочекъ сыру:“ половина и кусочекъ принадлежатъ сыру, какъ части цѣлому; часть меньше цѣлаго, и цѣлое важнѣе части—оно и означаетъ родительнымъ. Въмѣсто „кусочекъ“ можемъ поставить „мало“—отношеніе будетъ то-же, оно не измѣнится и при болѣе точномъ выраженіи количества: фунтъ сыру, пять сыровъ. Пять будетъ часть по отношенію ко всѣмъ сырамъ. Нѣмецкій языкъ при числительныхъ употребляетъ именительный, какъ равняющійся родительному. „У вороны былъ кусочекъ сыру“. Смыслъ фразы такой: „у вороны былъ сыръ — кусочекъ“. Кусочекъ служитъ опредѣленіемъ—приложеніемъ.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ родительный независимый, род. въ собственномъ смыслѣ; употребленіе родительнаго вмѣсто другихъ падежей служитъ причиною, что собственно родительный, т. е. независимый намъ кажется зависимымъ, косвеннымъ. Встрѣчая часто родительный вм. твор. и винит., мы привыкли смотрѣть на этотъ падежъ, какъ на косвенный. Родит. вм. другихъ падежей въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) „Доставили ноть, баса, альта, двѣ скрышки“. Ноть, баса, альта—родительные количества, а рядомъ

„двѣ скрипки“ —винительный. Это доказываетъ, что языкъ не дѣлаетъ большаго различія, въ этомъ случаѣ, между родительнымъ и винит. пад.: здѣсь родительный только по формѣ, а по смыслу —винительный, —точно такъ, какъ винительный одушевленныхъ предметовъ сходенъ съ родительнымъ. Можно сказать: ноть, баса, альта—винит. пад. не съ обычнымъ, для неодушевленныхъ предметовъ, окончаніемъ. Такой винит. пад. (т. е. съ окончаніемъ родительнаго —а) является, по преимуществу, при подобныхъ глаголахъ: давать, брать, вливать, доставать, таскать, искать и проч., т. е. преимущественно при глаголахъ, въ которыхъ суффиксъ —а: этотъ суффиксъ повліялъ на окончанія существительныхъ; кромѣ того, такъ какъ здѣсь (ноть, баса, альта) есть указаніе на количество, то и аналогія имѣла большое вліаніе.

2) Последнее обстоятельство повліяло на появленіе родительнаго и въ подобныхъ случаяхъ: „Напилась земля воды досыта“. Воды вм. водою—творительнаго орудія. Это не единственный случай употребленія родительнаго вм. творительнаго; такая замѣна бываетъ часто, потому что оба —род. и творит. принадлежатъ къ одной группѣ падежей, показывающихъ близость одного предмета къ другому.

3) „Петръ I былъ высокаго роста:“ роста—второстепенный предметъ. Этотъ оборотъ замѣняется равносильнымъ: Петръ I былъ высокъ ростомъ. То-же можно сказать о род. времени.

4) „Синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ“. Говорится о достоинствѣ синицы (въ рукахъ); достоинство ея измѣряется другимъ предметомъ — журавлемъ (въ небѣ); —журавль —орудіе измѣренія. Родительный сравненія близокъ къ творительному уподобленія. Въ выраженіи: синица лучше, чѣмъ журавль (=синица лучше журавля). Частица „чѣмъ“ въ творительномъ пад. появилась подъ вліаніемъ сравнительной степени. При сравнительной

степ. судя и по суффиксу, долженъ стоять творительный падежъ. Сравнит. степень: худій—худѣша; причастіе прошедшее: рождій—рождѣша; суфф. сравнительной степени—*ми* тождественъ съ суффиксомъ причастія, который не что иное, какъ флексія творительнаго падежа. Въ латинскомъ, какъ и слѣдуетъ, при сравнительной степени творительный падежъ: *Patria mihi vita mea multo est carior. Quam*—при сравнительной степени—нѣтъ возможности считать за винительный падежъ,—это творительный въ древнѣйшей формѣ, близкой къ русскому творительному на *омъ*.

5) При глаголахъ среднихъ и общихъ, выражающихъ стремленіе къ предмету или отъ предмета, ставится родительный вм. дательнаго: и смыслъ, и суффиксы этихъ глаголовъ требуютъ дательнаго, а не родительнаго. „Гости на печь глядятъ: видно, каши хотятъ“. Хотѣть—съ суффиксомъ *ль* (дат. пад.).

1880 г. 8 Мая.

Темиръ-Ханъ-Шура.

А. Барсовъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА „ВИТЯЗЬ“.

Въ этой небольшой статьѣ мы попытаемся объяснить происхождение слова „витязь“, встрѣчающееся какъ у насъ, такъ и вообще въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ свое время происхождение этого слова занимало многихъ ученыхъ; стоитъ только припомнить такія уважаемыя имена, какъ Шафарикъ, Ѡ. И. Буслаевъ и др., чтобы убѣдиться въ важности вопроса о происхожденіи слова витязь. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ это слово имѣетъ значеніе богатыря, побѣдителя. Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ значеніи извѣстны были витязи Адаму Бременскому подъ формою *Withingi*: „*ipsi enim piratae, quos illi Withingos appellant, nostri Ascomannos, regi Danico tributum solvunt, ut liceat eis praedam exercere a barbaris, qui circa hoc mare plurimi abundant*“ (О влияніи христіанства на славянскій языкъ. Ѡ. И. Буслаева, стр. 172).

Нѣкоторые ученые разбираемое нами реченіе производятъ непосредственно отъ корня *vit* (заключающаго въ себѣ понятіе знанія, мудрости, вѣщей силы) и при этомъ считаютъ его по происхожденію чисто-славянскимъ реченіемъ. Что въ европейскихъ языкахъ существуетъ довольно много словъ, происшедшихъ отъ корня *vit*, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя слова: ски. *vitkr*, означающее тоже самое, что латинское *vates*, нынѣшній нѣмец. глаголъ *vissen* чрезъ древнюю форму *vitten* (подобно тому, какъ сущест. *vasser* — чрезъ древнюю форму *vatter*) и пр. Слав. корень *вѣт*, очевидно, стоитъ въ связи съ корнемъ *vit*, и служитъ какъ бы видоизмѣненіемъ послѣдняго. Разумѣется, мы должны признать оба корня *vit* и *вѣт* двумя ступенями подъема одного и того же индоевропейскаго корня: корень *вѣт* должны счи-

тать чисто-славянскимъ, *vit* — германскимъ. Коль скоро мы признаемъ такое разграниченіе корней, мы уже никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ общезвѣстнымъ мнѣніемъ, что реченіе „вѣтиазь“ происхожденія славянскаго.

Причины, по которымъ мы считаемъ разбираемое реченіе *не*-славянскимъ, а заимствованнымъ изъ одного изъ германскихъ языковъ, слѣдующія. Во-первыхъ, если бы реченіе „вѣтиазь“ было чисто-славян. происхожденія, тогда должна была бы существовать форма „вѣтиазь“ на ряду съ словами, происходящими отъ чисто-славян. корня *vit*, какъ-то: вѣтиа (такъ назывались у насъ въ XII вѣкѣ поэты), вѣщій, вѣщать отвѣтъ, привѣтъ, завѣтъ и пр. и пр. Усиленія въ данномъ случаѣ одного звука въ другой мы признать отнюдь не можемъ (подобно тому, какъ мы признаемъ таковое усиленіе звуковъ хотя бы въ слѣд. примѣрахъ: висѣть — вѣсить — вѣсь, видѣть — вѣдать — вѣдѣти (церк. слав. глаголь), лишнуть — лѣпнить, — сидѣть — сѣсть и пр.), потому что слав. корень *vit* во всѣхъ производныхъ отъ него реченіяхъ постоянно удерживаетъ звукъ *ь*, нигдѣ не измѣняя его на звукъ *и*; помимо приведенныхъ примѣровъ изъ русскаго языка укажемъ на неизмѣняемость звука *ѣ* (въ слав. корнѣ вѣт) еще хоть въ серб. языкѣ, такъ напр. отъ слова вѣшт (вѣщій) происходятъ реченія: вѣштина (знаніе), вѣштица (колдунья) и пр. Какъ эти, такъ и другіе подобные имъ примѣры показываютъ намъ, что корень вѣт въ слав. языкахъ во всѣхъ производныхъ отъ него реченіяхъ неизмѣнно сохраняетъ звукъ *ѣ*. Поэтому-то и въ реченіи „вѣтиазь“ никакъ нельзя видѣть чисто-слав. корня *vit* (тѣ, которые видятъ въ словѣ „вѣтиазь“ славянскій корень волей — неволей должны признать довольно странное явленіе въ языкѣ, тѣмъ болѣе странное, что тогда пришлось бы признать реченіе „вѣтиазь“ единственнымъ словомъ въ языкѣ, гдѣ въ корнѣ *vit* звукъ *и* стоитъ вм. звука *ь*.

Вотъ первая причина, почему реченія „вѣтязь“ мы не можемъ считать по происхожденію чисто-слав. словомъ. Во-вторыхъ, нельзя считать реченія „вѣтязь“ чисто-слав. и потому, что я незнаю словъ, которыя бы образовались на почвѣ чисто-русской съ суффиксомъ яг(ъ) = яз(ъ) = аз(ъ). Этотъ суффиксъ мы видимъ, во первыхъ, въ тѣхъ словахъ, которыя возникли на почвѣ общеарійской, какъ на примѣръ, въ словѣ кѣназь. Это послѣднее слово соотвѣтствуетъ древнесак. *kuñing*, ски. *konūng*, нынѣш. нѣмецкому *könig* черезъ форму *kōning*; (корень этихъ словъ заключается въ санскритскомъ глаголѣ джан — рождать, греч. *γίγνομαι*, лат. *gigno*; во-вторыхъ, въ тѣхъ словахъ, которыя, образовавшись на почвѣ германской, перешли затѣмъ и къ намъ съ звуковымъ измѣненіемъ суффикса *ing* на *яг* и затѣмъ *яз*, напр.: на германской почвѣ возникло слово *schilling*, которое перешло потомъ въ русскій языкъ подъ формою: шлягъ (шлягъ = шиллингъ).

Слѣдовательно, весь вопросъ заключается въ томъ, что бы въ одномъ изъ германскихъ языковъ отыскать такое слово, которое дало бы намъ возможность объяснить наше слово вѣтязь (вѣтязь). Замѣтимъ слѣдующее. Въ эпоху какъ современную принятію христіанства на Руси, такъ и въ эпоху послѣдующую, на восточныхъ Славянъ было довольно значительное вліяніе всего скандинавскаго, отразившагося въ понятіяхъ, правахъ, обычаяхъ и языкѣ. Вопросъ о вліяніи всего скандинавскаго на восточныхъ Славянъ прекрасно разсмотрѣнъ въ книгѣ компетентнаго французскаго писателя *Paul Riant* „О путешествіяхъ и паломничествѣ Скандинавовъ въ Святую Землю во время крестовыхъ походовъ“. Это вліяніе, какъ уже мы имѣли случай замѣтить, отразилось, между прочимъ, и на языкѣ. Мы можемъ указать здѣсь на нѣсколько словъ въ примѣръ этого вліянія: Бояринь, по мнѣнію протоіерея Сабинина, происходитъ отъ исландскаго слова *Ваеармен*, которое встрѣчается въ исландскихъ сагахъ и означаетъ знатнаго челоѣка. Смердь происходитъ

отъ скандинавскаго слова *Smerd*. Гриденъ происходитъ отъ слова *Hird*, съ членомъ *Hirdinn*, что означаетъ княжескаго тѣлохранителя. Тіунъ или тивунъ происходитъ отъ *Tion* — служитель, чиновникъ или судья. Вира — отъ *fiar* — деньги и пр. и пр. (Исторія русской словесности. С. Шевырева. Часть первая, стр. 88).

Итакъ, уже изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что на языкъ Славянъ было сильное вліяніе языка скандинавскаго. Въ видахъ цѣли нашей статьи упомянемъ еще о звуковомъ смягченіи *к* въ *т*. Подобное звуковое измѣненіе *к* въ *т* мы наблюдаемъ во всѣхъ арійскихъ языкахъ вообще и въ русскомъ въ частности. Примѣры смягченія *к* въ *т* въ арійскихъ языкахъ: санскр. панча (гдѣ *ч* есть ступень смягченія *к*), греч. *πευτε*, ц.-славянское *пѣтъ*, русское *пятъ*; литов. глаголь *lek-ti* соотвѣтствуетъ русскому *лет-ѣ-тъ*; наше слово *коло* (со всѣми производными отъ него, напр. *о-коло* и пр.) сближается съ финскимъ словомъ *tela* (что значитъ желѣзный катокъ) и съ полаб. *tgela* (колесница) (О вліяніи Христіян. на слав. языкъ, стр. 53); осмѣливаюсь греч. глаголь *τίωω* сблизить по корню съ рус. словомъ *цѣна* (гдѣ *ц*, вѣроятно, есть ступень смягченія *к*); укажемъ еще на примѣры смягченія звука *к* въ звукъ *т* въ русскомъ языкѣ: *коло* — *колымага* — *телега*, *квѣтъ* — *твѣтъ* (*цвѣтъ*), *паукъ* — *паутина*; въ *Задонщинѣ* встрѣчаемъ примѣръ смягченія *к* въ *т* въ слѣд. мѣстѣ: „И оттолѣ русская земля съѣдитъ не всела, а отъ *Калотьскія* рати до *Мамаева* побоища тоскою и печалію покрылася“... *Ө. И. Буслаевъ* въ подстрочномъ примѣчаніи (2) говоритъ: „...*Калька* — съ переходомъ *ъ* въ *о* и съ смягченіемъ *к* въ *т*: *калотьскій* (иначе *кальтьскій*). (Рус. Христ. *Ө. И. Буслаева* изд. 1870 г. стр. 188).

Изъ исторіи намъ извѣстно, что тѣ скандинавскіе герои, подъ предводительствомъ которыхъ Скандинавы совершали далекіе походы, грабя и опустошая берега различныхъ приморскихъ странъ, назывались *viking*'ами. Если мы

указали на такое множество заимствованныхъ скандинавскихъ словъ, упомянули о смягченіи звука к въ звукъ т, и кромѣ того сказали, что съ суффиксомъ язь (аз, аг) у насъ могутъ быть слова только или общеарійскаго происхожденія или же перешедшія къ намъ изъ германскаго языка, какъ шьлагъ изъ schilling, то послѣ всего этого мы приходимъ къ тому заключенію, что слово витель (витель) не что иное, какъ сканд. viking, перешедшее чрезъ слѣдующія ступени смягченія звуковъ: викинг—вигинг—вигинз(ь)—витель(ь)—витель (г смягчилось въ з передъ ь). Западными Славянами это слово могло быть заимствовано или непосредственно отъ самихъ скандинавовъ, или же черезъ посредство Славянъ восточныхъ. Въ смягченномъ же видѣ это слово было извѣстно и Адаму Бременскому. Итакъ, мы полагаемъ, что слово витель нисколько не стоитъ въ связи съ корнемъ вѣт, и никакъ нельзя считать его словомъ славянскимъ, но заимствованнымъ Славянами, какъ мы доказали, у Скандинавовъ.

М. Великановъ.

СРЕДНЕБОЛГАРСКІЙ СЛУЖЕБНИКЪ 1532 ГОДА.

Опытъ палеографико-глоттологическаго изслѣдованія.

Къ числу наиболѣ замѣчательныхъ памятниковъ, находящихся въ Соловецкой библіотекѣ, принадлежитъ Служебникъ (№ 1015), написанный въ 1532 году. Мѣстомъ происхожденія этой рукописи былъ „Изуграфскій“ (1) монастырь на Аеонской горѣ. Эти данныя относительно времени и мѣста написанія рукописи указаны въ особомъ замѣчаніи, находящемся въ самой рукописи на оборотѣ 107 листа. Замѣчаніе это читается такъ: „Повѣленіемъ и дааніемъ преосвященнаго митрополита Богомъ спасаемаго града сучавскаго и въсей молдовахін. Киръ Теофана. съписасе. сіа лтургіа. Влѣто. 7̄м. роукою многогрѣшнаго въ челоуѣцѣхъ и послѣднѣйшаго въ иноцѣхъ варлаама деместика. И съврѣшисе писаніемъ въ ізоуграфскимонастыри иже въ святѣй горѣ. Мѣсяца февраля 1̄д день. господствующоу петру воеводѣ“. (2). 7̄м г. (7040 г. отъ с. м.) соотвѣтствуетъ 1532 г., къ которому, слѣдовательно, и относится происхожденіе разсматриваемаго памятника.

Послѣ опредѣленія времени и мѣста происхожденія памятника является вопросъ о лицѣ, списавшемъ его. Однимъ-ли и тѣмъ же лицомъ списана вся рукопись? На первый взглядъ вопросъ этотъ можетъ показаться излишнимъ, но одно обстоятельство даетъ ему нѣкоторое значеніе. Именно, на оборотѣ 107 листа, какъ мы упоминали выше, находится особенное замѣчаніе писца. Въ этомъ замѣчаніи, между прочимъ, сказано, что „съписасе сіа лтургіа влѣто 7̄м.“ Эти слова помѣщены въ срединѣ рукописи, поэтому относятся только къ первой половинѣ ея. Они ясно показываютъ, что когда писецъ дѣлалъ это за-

мѣчаніе, онъ не предполагалъ, что въ рукописи, изготовленной имъ, будетъ прибавлена еще часть. Такимъ образомъ, между приготовленіемъ первой части рукописи до 108 листа и между приготовленіемъ второй отъ 108 листа до конца прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени. Впрочемъ, этотъ промежутокъ не долженъ быть очень большимъ, во-первыхъ, потому, что между языкомъ первой половины рукописи и языкомъ второй ея половины нельзя замѣтить никакой разницы и, во-вторыхъ, потому, что вторая часть непосредственно примыкаетъ къ первой, такъ что начало второй половины написано сразу послѣ упомянутого замѣчанія. Промежутокъ времени между изготовленіемъ первой половины и изготовленіемъ второй былъ такъ незначителенъ, что первую половину еще не успѣли переплести, и потому она съ прибавленіемъ послѣднихъ 50 листовъ составила одно цѣлое, переплетенное въ одну книгу съ общимъ заглавіемъ: Служебникъ. Если къ этому прибавить еще почти совершенную одинаковость почерка въ той и другой части рукописи, то можно будетъ съ вѣроятностію предположить, что вторая половина рукописи написана тѣмъ же писцомъ, который списалъ и первую ея половину.

Задачею настоящаго опыта будетъ разсмотрѣніе означеннаго памятника въ палеографическомъ и глотовологическомъ отношеніяхъ, т. е. 1) описаніе внѣшней стороны рукописи и 2) анализъ ея языка въ его главнѣйшихъ особенностяхъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію внѣшней палеографической стороны памятника, нужно вкратцѣ изложить его содержаніе.

Въ началѣ рукописи, на первыхъ двухъ листахъ ея, находится оглавленіе, или, какъ сказано въ самой рукописи, „главизны. иже въ книѣ сей.“ Затѣмъ съ 3 листа до 38 включительно помѣщенъ чинъ литургіи св. Іоанна Зла-

тоустаго. Съ 39 листа до лицевой стороны 50 листа включительно находится чинъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Наконецъ, съ 50 листа на оборотъ до конца рукописи помѣщены службы и молитвословія на разные случаи. Эти чинослѣдованія и молитвы расположены въ такомъ порядкѣ:

„Чинъ бываемый на поставленіе свѣщеносца и депотата“ (50—51). *)

„Чинъ бываемый на поставленіе чтыца и пѣвца“ (51—51).

„Чинъ бываемый на поставленіе иподіакона“ (52—53).

„Чинъ бываемый на поставленіе діакона“ (53—56).

„Чинъ бываемый на поставленіе священника“ (56—58).

„Чинъ бываемый на поставленіе епископа. и митрополита и патріарха“ (58—62).

„Молитва чьтома прѣдъ градомъ ѿ митрополита, входа прѣвѣ въ градъ“ (62—63). Молитва эта здѣсь помѣщена не вполнѣ—безъ конца. Послѣднія слова, помѣщенные на листѣ 63, суть слѣдующія: „и святыхъ славныхъ велико....“ Далѣе листъ 64 начинается словами: „ІМ (т. е. имя рекъ). егоже благоизволи вѣставити царѣ надъ людьми твоими“ и проч. Между этими словами и послѣдними словами листа 63 нѣтъ никакой связи. Отсюда ясно, что между 63 листомъ и 64 было нѣсколько листовъ, которые, вѣроятно, выпали еще до обозначенія листовъ рукописи цифрами, такъ какъ счетъ листовъ не прерывается. Притомъ же въ оглавленіи рукописи послѣ рубрики: „молитва чьтома прѣдъ градомъ ѿ митрополита“ и проч. слѣдуютъ рубрики: „на поставленіе ігоумена“, „на поставленіе царѣ“. Заглавіи, соответствующихъ этимъ рубрикамъ оглавленія, въ самомъ текстѣ рукописи нѣтъ; но изъ содержанія листовъ 64—65 видно, что на

*) Цифры какъ здѣсь такъ и далѣе вездѣ указываютъ листы памятника—лицевую ихъ сторону или оборотную.

нихъ и на предшествующемъ листѣ былъ помѣщенъ чинъ „поставленія царѣ“, согласно съ тѣмъ, что сказано въ оглавленіи. Дальнѣйшее содержаніе рукописи слѣдующее:

„Молитва на поставленіе кесара и деспо... (3) и властелина вѣсѣкого или велика или мала“ (65—66).

„Молитвы на литіи, на благословеніе хлѣбомъ, на коутіомъ святыхъ памяти“ (67—70).

„Молитва начати вино кисѣлѣ“ (70—70).

„Молитва втораа томужде“ (70—71).

„Молитва надъ приносимымъ плодомъ вѣсѣкого овошца“ (71).

„Молитва надъ грѣздіемъ“ (71).

„Молитва прощеннаа и прочаа молитвы, исповѣданію и прѣставльшомоуся и ины потребны молитвы“ (71—82).

Далѣе (по оглавленію) слѣдуетъ исчисленіе различныхъ случаевъ, молитвы на которые помѣщены въ рукописи.

„Христіанину прѣлѣстившоуся и пакы вѣзвращ'шоуся“ (82—83).

„Отрочагоу ѿтврѣгшоуся“ (83—85). (4)

„Чинъ помыти мѣщи святыхъ“ (86—88).

„Молитва святого Евѣмїа трънов'скаго. ч'тома в'врѣма смъртоносїа“ (88—93).

„Въ началѣ индиктоу другаа молитва“ (93—96).

„Другой чинъ на поставленіе епископа“ (96—114).

„Пооученіе митрополитово, и великаго събора“ (104—107).

„Чинъ на основаніе церкви“ (107—110).

„Послѣдованіе оронїазмо съврѣшенно“ (110—124)

„Осващеніе церкви и сжщїи въ ней трапезѣ“ (124—131).

„Чинъ надпоколѣбавшася сватѣа трапезѣ“ (131—134).

„Другой чинъ о томъжде“ (134—135).

„Чинъ въ навечерїе богоявленїа“ (135—144).

„На освашеніе водѣ“ (144—154).

Таково содержаніе разсматриваемаго памятника. Теперь перейдемъ къ описанію внѣшней стороны его.

Рукопись писана на пергаментѣ въ четвертую долю на 154 листахъ. До 100 листа приблизительно пергаментъ отличается большею толщиною и маслянистостью, а также болѣе желтымъ цвѣтомъ, чѣмъ остальные листы; послѣдніе, по своему сравнительно болѣе бѣлому цвѣту и меньшей толщинѣ, напоминаютъ тряпичную бумагу. Переплетомъ рукописи служатъ двѣ деревянныя доски, обтянутыя со всѣхъ сторонъ кожею. На лицевой сторонѣ верхней доски наклеенъ листокъ бумаги, на которомъ находится надпись, сдѣланная, очевидно, уже въ то время, когда рукопись находилась въ Соловецкой библіотекѣ. Надпись эта служитъ перифразомъ уже приведеннаго нами замѣчанія, находящагося въ самой рукописи на 101 листѣ. Мы не будемъ сообщать этой надписи, такъ какъ она ничего особеннаго не представляетъ. Впрочемъ, послѣднія четыре строки надписи не относятся къ перифразу указаннаго замѣчанія; онѣ имѣютъ слѣдующее содержаніе: „Въ семь служебникѣ переводъ сі...и (5) правильнѣе другихъ въ старину писанныхъ, и имя Спасителя вездѣ писано такъ: „^иѵ.“ На основаніи послѣднихъ словъ, а также почерка надписи, ее можно отнести къ XVIII вѣку или къ началу XIX. Послѣднія строки прибавлены, очевидно, съ полемическою цѣлью противъ раскольниковъ, которые, какъ извѣстно, вооружаются противъ принятаго въ исправленныхъ книгахъ написанія „Исусъ“, употребляя вмѣсто него „Исусъ“.

Чернила, которыми писана рукопись, сохранились очень хорошо; они имѣютъ большею частью чернѣйшій, по мѣстамъ рыжеватый цвѣтъ. Заглавія большихъ и малыхъ отдѣловъ памятника, равно какъ и начальныя буквы отдѣловъ (въ такъ называемой „красной строкѣ“) писаны то желтою

краскою, напоминающей цвѣтъ охры, то — и большею частью — красною, вѣроятно же всего — киноварью.

Что касается до другихъ украшеній, то ихъ очень не много въ разсматриваемомъ памятникѣ. На 3 листѣ находится заставка, нарисованная довольно искусно разными красками, но сохранившаяся очень дурно. Такими же красками написана и украшена и начальная буква *к*, которою начинается первый отдѣлъ рукописи. Находящаяся подъ упомянутою заставкою надпись: „Божественная литургія“ когда-то имѣла золотой цвѣтъ, но отъ времени краска сильно выцвѣла. На 39 листѣ находится другая заставка, представляющая болѣе простой рисунокъ, сдѣланный одною только желтою краскою, съ четырьмя красными кружками посрединѣ и съ краснымъ же крестомъ вверху. Этимъ и ограничивается орнаментика рукописи.

Почеркъ рукописи въ упомянутой надписи, находящейся на лицевой сторонѣ верхней доски переплета, названъ уставомъ (6); но въ немъ можно видѣть скорѣе стремленіе писать уставомъ, чѣмъ настоящій уставъ, какимъ написано, напр., Остромирово Евангеліе, какимъ писаны болѣе древнія рукописи Соловецкой библіотеки, напр. службникъ (№ 1016) XIV вѣка (7). Вообще почеркъ разсматриваемаго памятника представляетъ переходъ отъ устава въ собственномъ смыслѣ къ тому, что называютъ полууставомъ.

Листы пергамена, очевидно, были предварительно разлинованы, и списыватель писалъ между двумя линиями. Линіи обозначены не чернилами, а проведены какимъ-то остроугольнымъ предметомъ, такъ что на пергаменѣ замѣтны свѣтлыя полосы (см. особ. листы 12, 13, 17, 26, 42, 71, 106, 139).

Что касается до начертанія буквъ и цѣлыхъ словъ, то въ этомъ отношеніи разсматриваемый памятникъ представляетъ слѣдующія особенности:

1) Частое употребленіе *ѡ* вмѣсто *о*. Напримѣръ:

Бѣгатыж (3)

Кысо^хкы

Кѣиства (5)

множъствоу (6)

мѣлацимиса (4)

щѣдрѣты (4)

ѡца (4).

2) Звукъ *у* выражается начертаніями *ѳ* и *оу*. Напр.

въкъшащѳжа (81)

съкъкоуни (83).

3) Начертанія *и* и *ї* большею частію употребляются въ тѣхъ же случаяхъ, какъ теперь въ русскомъ правописаніи, т. е. *и* пишется предъ согласными, *ї*—предъ гласными. Напр.

принесше (111)

обновленіе (111).

Но иногда *ї* употребляется вмѣсто *и*. Напр.

истоуиѳка (152).

4) Два начертанія иногда соединяются въ одно. Такія сократительныя начертанія состоятъ большею частью изъ буквъ *т* и *ж*, соединенныхъ въ одно цѣлое вмѣстѣ съ какою—нибудь гласною или согласною буквою. Такъ, употребляется—*ѳ* вм. *ти*. Напр.

непосѳжима (4)

призываѳи (7)

слоужѳи (21).

то вм. *тѡ*. Напр.

мѣсто (7)

ѳ вм. *тѳ*. Напр.

сщеннодѳисѳо (21)

ѳого (4; 2)

ж̄ вм. же. Напр.
ничьсѡ̄ (81)
пачѣ̄. (90)

5.) Кромѣ этихъ сократительныхъ начертаній буквъ, въ разсматриваемой рукописи особенно употребительно сократительное написаніе словъ подъ титлами. Сокращенно написаны именно тѣ слова, которыя чаще другихъ встрѣчаются, въ родѣ слѣдующихъ:

Бѣ (3), т. е. Боже.

Бл̄дть (3)—Благодать.

Ги (3)—Господи.

Дх̄ъ (3)—Доухъ.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что большая часть такихъ, подъ титлами сокращенно написанныхъ, словъ принадлежитъ къ богословской терминологіи.

6) Той же цѣли, которой служили всѣ эти сокращенія, т. е. сбереженія мѣста, списыватель достигалъ и другимъ путемъ. Такъ, онъ во многихъ случаяхъ опускаетъ конечное ъ и ь. Напр.

изерлата (96).

нокает (4).

прикодаційх (90).

Иногда на мѣсто опущеннаго ъ или ь въ концѣ или срединѣ слова ставится (8) сверху (?). Напримѣръ:

бл̄авен' (86).

в'сѣ̄ (67)

в'са (81)

ин' (77)

прѣд'стати (7)

тани' (23).

Часто конечныя буквы словъ поставлены вверху предшествующихъ буквъ. Напр.

прѣ^а в'сѣ^м събѣро^м (112)

твой^х (91)

са^м (3)

Это постановленіе буквъ вверху нерѣдко бываетъ и въ срединѣ слова. Напримѣръ:

послѣ^ан^аго (49)

г^аноу (101), т. е. господиноу.

Въ отношеніи раздѣленія словъ, разсматриваемый памятникъ занимаетъ средину между древнимъ соединеніемъ словъ въ одно непрерывное цѣлое (series continua) и новымъ раздѣленіемъ ихъ. Именно, слова иногда отдѣлены одно отъ другаго нѣкоторыми промежутками, но часто они пишутся непосредственно одно за другимъ.

Интерпункція рукописи приближается къ современной. Употребляются слѣдующіе знаки препинанія: (.), (,), (:).

Чаще всего употребляется точка; этотъ знакъ часто замѣняетъ собою другіе знаки, т. е. ставится нерѣдко тамъ, гдѣ теперь ставятъ запятую или двоеточіе.

Вотъ примѣръ замѣны запятой точкою.

в'сѣхъ въ единомысліе съблѣ^а

въ блгоустьи. въ братолю

бїи. въ любви. въ в'сѣхъ

во^алѣхъ твоихъ ходити. (95).

При переносѣ словъ, не уписывающихся въ одной строкѣ, списыватель не особенно строго соблюдалъ правило о раздѣленіи слова на слоги. Онъ не рѣдко переноситъ или оставляетъ въ одной строкѣ начертаніе, которое не составляетъ собою слога, остальную же часть слова переноситъ въ другую строку. Вотъ примѣръ такого рода:

излъ
и оубо илнѣ твоего уѣкѡлюбїа
мѣрдїе

ѡими ѡнего къ

- съко прѣльщенїе и къспомн
илнїе вражїе.

Въ словѣ излъи начертаніе и не составляетъ собою слога, такъ какъ оно обозначаетъ согласный звукъ *j*. Равнымъ образомъ не составляютъ слога и два начертанія *къ* въ словѣ *късько*, такъ какъ изъ сравненія представленнаго написанія слова *късько* съ другими случаями написанія этого слова, встрѣчающимися въ рукописи, видно, что послѣ *к* предъ *с* въ этомъ словѣ списыватель не произносилъ никакого гласнаго.

Ср. късьуьскал (27), вська (4), късего (60),
в'съ^х (64), в'са (81), всь (19).

• Такова внѣшняя палеографическая сторона разсматриваемаго памятника.

Въ отношеніи глоттологическомъ мы разсмотримъ особенности памятника съ слѣдующихъ сторонъ: 1) фонетической, 2) морфологической, 3) синтаксической и 4) лексической. При этомъ мы будемъ ссылаться преимущественно на слѣдующіе листы рукописи: съ 3 по 36, 60—75, 81—100, 144—154 или до конца рукописи. Такой выборъ листовъ рукописи для особеннаго разсмотрѣнія вызванъ необходимостью—опредѣлить, однимъ или разными лицами былъ списанъ разбираемый памятникъ, и вообще однѣ-ли и тѣже особенности замѣчаются во всей рукописи. Для приведенія же примѣровъ изъ цѣлой рукописи потребовалось бы очень много времени.

Изъ области фонетики мы сначала разсмотримъ особенности вокализма разсматриваемаго памятника, т. е.

особенности, замѣчаемыя въ употребленіи гласныхъ знаковъ

1) и употребляется часто вмѣсто ы. Напримѣръ:

- възвиси (67)
- въсилѣ (5)
- криль (69)
- нинь (7)
- разлиуними (69).

2) Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей разсматриваемой рукописи—это употребленіе ѣ вм. и. Напр.

- въскл (4)
- въськь (83; 92)
- зиждитель (144)
- изъавитель (3)
- клянется (88)
- кртитель (150)
- огнь (92) вм. огні-л
- съхраиѣемь (85).

Эта же замѣна и начертаніемъ ѣ существуетъ и въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ, наприм. въ Супрасль-ской рукописи (9).

ѣ употреблено нерѣдко тамъ, гдѣ въ позднѣйшихъ памятникахъ русской редакціи это начертаніе замѣнено начертаніемъ и, въ силу сходства звуковъ е и и, позволяющаго имъ въ неударенныхъ слогахъ переходить другъ въ друга. Напр.

смьреніе (99)

Впрочемъ, эта замѣна ѣ чрезъ и можетъ быть указана уже въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ памятниковъ, напр. въ Glagolita Clozianus (10).

3.) Къ замѣчательнѣйшимъ особенностямъ принадле-

жить также смѣшеніе такъ называемыхъ юсовъ (л, ж). л часто ставится вмѣсто ж. Напримѣръ:

въ вонл (3)
 въунжа (5; 151)
 деснжа (97)
 имаце (152)
 любла (100 praes. indicat.)
 въкзшлжцжа (81)
 прилежижа (6)
 прѣстѣжцжа (151)
 твож бл гтына (5)
 трѣжа (6)

Примѣры употребленія ж вмѣсто л:

богатыж (4)
 даряж (5) partic.
 призираж (6) partic.
 приокцишж (147)
 съдѣж (96)
 слоужжцїй (5)
 свож (4) gen. femin. sing.
 твож (4)
 улацїжа (6).

Изъ разсмотрѣнія этихъ примѣровъ видно, что знаки носовыхъ гласныхъ смѣшиваются только въ окончаніяхъ, притомъ такъ, что послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ преимущественно ставится одинъ знакъ, послѣ другихъ — другой. Такъ, послѣ смягченныхъ плавныхъ (л', н', м') ставится л; послѣ ж, ш и ц — ж; послѣ же согласнаго j оба употребляются безразлично.

4) Такое же смѣшеніе замѣчается и въ употребленіи ъ и ѣ. ѣ употребляется вмѣсто ъ въ срединѣ словъ —

А) въ сочетаніяхъ лѣ и рѣ съ предшествующимъ согласнымъ:

а) въ сочетаніяхъ примитивныхъ. Напр.

безсрекръници	(152)		
мысльныи	(3)	мысльны ^x	(62)
		мысльнаго	(127)
оплвѣлется	(154)	зупльквнѣ	(154)
прѣскрѣно	(147 — 148).		

в) въ сочетаніяхъ съ перестановкою. Напр.

врѣхѡвнѡмоу	(81)		
дрѣжава	(4)	дрѣжавы	(92)
		врѣсдрѣжителю	(83)
дрѣзѡсти	(75)	дрѣзѡстѣж	(75)
жрѣтъвнѣ	(3)	жрѣтъвнѣкѣ	(3)
		жрѣтъкы	(7)
оуѣрѣжда	(81)		
прѣкомнѣка	(67)	прѣкомнѣкѣ	(69)
сѣмрѣтъ	(93)		
ѡврѣгѡлѡса	(88)	ѡврѣгшѣ	(83).

Здѣсь приведены примѣры замѣны ѣ чрезъ ѣ въ сочетаніяхъ съ перестановкою только при рѣ; относительно лѣ въ сочетаніяхъ такого рода мы не замѣтили этой замѣны.

Появленіе ѣ вм. ѣ замѣчается во всѣхъ вообще паннонскихъ памятникахъ, напр. въ Супрасельской рукописи (11) и въ Glagolita Clozianus (12).

В) въ сочетаніяхъ лѣ и рѣ безъ предшествующаго согласнаго (13). Напр.

лѣстѣж	(82)		
прѣлѣстѣж	(91)	прѣлѣщеніѣ	(82)
рѣцѣ ^m	(87)		

С) Появленіе ѣ вм. ѣ послѣ знаковъ другихъ согласныхъ, кромѣ л и р.

Напримѣръ:

вѣтъмѣ (61)

приуѣтоу (96) приуѣтеноу (97)

приуѣтъ (97)

ѣ появляется вм. ѣ иногда въ концѣ словъ (14).

Напр.

лминѣ (74)

здѣсъ (10)

Съ другой стороны, ѣ ставится часто вм. ѣ. Во-первыхъ, въ срединѣ словъ —

А) послѣ согласныхъ л и р въ сочетаніяхъ съ предшествующимъ согласнымъ:

а) въ сочетаніяхъ примитивныхъ —

α) послѣ л. Напр.

лпльти (147) лпльть (95)

лпльтьскими (21) беслпльтъный (150)

β) послѣ р. Напр.

кѣзкръквнмъ (21; 7)

кръви (90) кръве (61)

опокръвени (67—68)

ѡкръвєніє (23)

в) въ сочетаніяхъ съ перестановкою.

α) послѣ л. Напр.

ллькъ (85)

лльговъ (146) лльжень (148)

лльго (145) подльгоу (145)

лльгодѣньско (63)

лльготръпѣлике (39) лльготръпѣлике (154)

лльпльненіє (4)

лльпльннкъ (85)

исплъни^м (22) исплънѣнѣ^ѣ (151)
наплъни (90) наплънѣѣ^ѣ (134)

β) послѣ р. Напр.

скръби (22)
скръбаци (146)
тръжьствѣѣ^м (112)

В) ѣ, ѡ, ѣ послѣ другихъ согласныхъ. Напр.

дъждь (94)
неистырлемыа (38, 38)
тъжѣ^а (123)

Какъ ѣ иногда ставится на концѣ словъ вмѣсто ѡ, такъ и наоборотъ—ѡ весьма часто употребляется на концѣ словъ вмѣсто ѣ. Напр.

азь (100)
дарь (3)
зль (91)
милостивь (6)
нась (3)
положиль (7)
прѣдь (19)
силь (7)

Въ области консонантизма разбираемая рукопись представляетъ слѣдующія особенности.

1) Согласный j не обозначается въ срединѣ словъ предъ гласными, т. е. въ срединѣ словъ нѣтъ йотации. Напримѣръ:

каг̃ожанїа (3)
даати (4)
доанїоу (96)

оставленіюу (19)

покланіе (5)

содѡскаа (73)

цртвіюу (83)

снож (4)

твоа (4).

Впрочемъ, есть нѣсколько случаевъ, когда йотація обозначена въ срединѣ словъ. Но число такихъ случаевъ крайне ограничено. Напр.

второмль (73)

обьидеса (73)

разьмрїса (72)

Въ началѣ словъ йотація въ однихъ случаяхъ обозначается, въ другихъ нѣтъ. Напр.

яко (3), ж (86) вм. ѡ.

2) Начертаніе з употребляется часто вм. з. Напр.

бѣзхъ (39)

въ близки (81)

кназа (98)

кназе (97)

С употребляется также иногда вм. ц. Напр.

сретиси (123)

3) Послѣ задне-язычныхъ ставится нерѣдко ѡ, тогда какъ, напр. въ Остромировомъ Евангеліи такое сочетаніе невозможно. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія ѡ послѣ задне-язычныхъ (г, к, х).

бѡгъ (81) бѡгъ (74)

врагъ (92) врагъ (147)

грѣхъ (92)

истоуникъ (147)

ракъхъ (85)

Выводъ отсюда тотъ, что ъ и ь въ этомъ случаѣ = 0, т. е. не произносились. Съ другой стороны, послѣ тѣхъ же согласныхъ въ срединѣ и концѣ словъ ставятся, какъ и въ Остромир. Еванг., знаки не узкихъ (небныхъ) гласныхъ, а широкихъ (твердыхъ) напр.

кѣкы (3)

погыкѣли (92)

сѣродники и

дрогы (94)

хырсеию (89)

Прежде чѣмъ перейдемъ къ особенностямъ памятника въ области морфологій, коснемся его акцентуаціи. Относительно акцентуаціи разсматриваемаго памятника нужно замѣтить слѣдующее:

1) Въ большей части словъ знакъ ударенія отодвинутъ съ конца слова къ началу сравнительно съ русской акцентуаціей. Напр.

дароуакын (23)

зѣвѣта (23)

нѣпшекати (81)

приносимыи (22)

приносити (23)

прѣстоуль (21)

рака (22; 82; 85)

раздакѣмыи (22)

своего (85)

сѣго (82)

сѣтвореныхъ (81)

сѣдан (22)

сѣмена (81)

тѣе (22)

чюдеса (39)

обладлеш (21)

2) Иногда же знакъ ударенія наоборотъ поставленъ надъ слогомъ, слѣдующимъ за тѣмъ, который имѣеть удареніе въ русскомъ языкѣ. Напр.

изъкази` (92)

илстакви` (86)

пакы (86)

ради` (21; 89)

спози` (83).

Морфологическія особенности памятника касаются 1) флексій и 2) словообразованія.

Флексическія особенности, въ свою очередь, раздѣляются на особенности 1) въ склоненіи именъ и мѣстоименій и 2) въ спряженіи глаголовъ.

Что касается прежде всего склоненія именъ существительныхъ, то относительно его въ разбираемомъ памятникѣ замѣчаются многія уклоненія отъ склоненія существительныхъ именъ въ памятникахъ древнихъ.

Эти особенности мы рассмотримъ слѣдуя классификаціи существительныхъ по общему характеру свойственныхъ имъ склоненій. При этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ представить краткую схему этой классификаціи. Всѣ существительныя, въ отношеніи склоненія, дѣлятся на два большихъ отдѣла:

Г) Именит. пад. ед. ч. = тема + окончаніе.

А) Род. пад. ед. ч. не на Ѣ (и).

1) Темы на твердые согласные съ гласными окончаній а, о, ѣ и т. п.

а) мужескія темы,

б) среднія,

в) женскія.

2) Темы на мягкіе, небные согласные съ гласными окончаній **а, е, ь и т. п.**

а) мужескія,

б) среднія,

в) женскія,

В) Родит. пад. ед. ч. на **і (и)**

а) мужескія темы

б) женскія

II) Именит. пад. ед. ч. короче основы (15).

Располагая особенности въ склоненіи существительныхъ въ разсматриваемой рукописи по этой схемѣ, начнемъ съ перваго отдѣла перваго склоненія.

1) Имена существительныя I. А. 1. а) имѣютъ въ именит. пад. единств. числа на концѣ знакъ **ь** вмѣсто **ъ**. Напр.

дарь (3)

дѣлконь (20)

живѡть (97)

хлѣбь (3)

Однако не все существительныя имена этой категоріи въ именит. пад. единств. числа написаны со знакомъ **ь**; въкоторыя изъ нихъ имѣютъ на концѣ знакъ **ъ**. Напр.

храмь (4).

2) Тотъ же знакъ **ь** существительныя имѣютъ весьма часто въ родительномъ падежѣ множественн. числа. Напр.

оусть (6)

рлкъ (4)

серафимь (5)

силъ (7)

тлинъ (21).

Впрочемъ, встрѣчается, но значительно рѣже, и знакъ **ъ** въ означенномъ падежѣ.

лпль (69)

рпкъ (6; 20; ср. 4)

силъ (63)

3.) Существительныя I. А. 1. б) имѣютъ иногда въ мѣстномъ падежѣ множеств. числа ѡхъ вм. ѣхъ. Напр.

въ нѣдрѡхъ (95)

4.) Существительныя I. А. 2. б) оканчивающіяся въ именит. пад. единств. числа на ѣе, въ мѣстномъ падежѣ единственнаго и множественнаго чиселъ часто оканчиваются на и и ихъ вм. ни и нихъ. Напр.

въуистьсквѣдни (7)

въ слоужени (3)

о наши согръшени (7)

Съ тѣмъ вмѣстѣ встрѣчаются и формы съ полнымъ окончаніемъ. Напр.

о людскыхъ несквѣднихъ (7 и 7)

5.) Имена существительныя I. А. 2. в) въ родит. пад. единств. числа имѣютъ иногда и вм. л. Напр.

бѣи	}	(92)
кѣѹци		
гпжи		

Но иногда въ означенной формѣ окончаніе бываетъ правильное только съ смѣшеніемъ л и ж. Напр.

кѣѹѣжъ бѣжъ (63)

трѣжъ (149)

6.) Имена существительныя I. А. 2. а) въ винительномъ падежѣ единств. числа имѣютъ то ѣ, то л. Напр.

прѣстатела (65)
рѣшителя (65)
царѣ земнаго (65)
црѣ нашего (63).

7) Мужескія темы, слѣдующія склоненію женскихъ темъ I. А. 2. в) въ родительномъ падежѣ единств. числа имѣютъ иногда правильно—а, иногда же вмѣсто а—л. Напримѣръ

прѣтѣла (68) т. е. прѣдѣтѣла
прѣтѣла (67)

Послѣднее окончаніе употреблено, вѣроятно, по аналогіи со склоненіемъ мужескихъ темъ.

8.) Встрѣчаются существительныя мужескаго рода, слѣдующія склоненію женскихъ темъ I. В. б) съ древнимъ окончаніемъ въ именит. пад. единств. ч. и вмѣсто позднѣйшаго ѡ. Напр.

сждѣи (147)

9.) Въ дательномъ и творительномъ падежахъ единств. и множеств. чиселъ имѣется окончаніе мь. Напр.

повелѣиѣмь (62)
црѣквѣмь (37)

10.) Второе склоненіе въ разбираемой рукописи не выдерживается строго; формы этого склоненія смѣшиваются съ формами, произведенными отъ тѣхъ же самыхъ основъ, но по склоненію первому. Напр.

тѣлесемь (94) по второму склоненію, а
тѣлоу (37; 84) по первому.
овуатѣ (83) по второму склоненію,
овуа сѣще словесна (82)

тотъ же родит. падежъ по первому склоненію. Тоже самое нужно замѣтить и о формѣ

ѡ съме (148) вм. ѡ съмене.

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ (оуа съще и ѡ съме) видно кромѣ того, что позднѣйшее окончаніе родит. падежа а списыватель рукописи произносилъ неопредѣленно, такъ что выходилъ звукъ средней между а и е. Отсюда объясняется и возможность написанія е вм. а. Весьма вѣроятно также, что въ данныхъ примѣрахъ мы видимъ не болѣе, какъ случаи недописки, какихъ не мало въ рукописи. Наконецъ, изъ формы родительнаго падежа отъ позднѣйшей основы тѣл: тѣлоу видно, что въ то время и въ томъ нарѣчїи, которому принадлежитъ рассматриваемый памятникъ, употреблялась двойкая форма родит. пад. единств. числа отъ именъ существительныхъ І. А съ темами мужскаго и средняго рода, именно 1) на а (напр. крта 82) и 2) на оу (напр. тѣлоу (37).

Впрочемъ, можно предположить также, что форма дат. падежа (тѣлоу) употреблялась для выраженія того же отношенія, какое обыкновенно выражается формою родит. падежа.

11) Въ разбираемой рукописи употребляются особыя формы для обозначенія двойственнаго числа, но эти формы иногда уступаютъ свое мѣсто формамъ множеств. числа, употребленнымъ для обозначенія двойственности. Напр.

два ^ѣспка (96)

дѣло ^мржоу (60)

кольнѣ (85)

мнихомл (97)

попелцима (154)

нозъ (96).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются формы:

на рѣжкѣ^x (85)

на нѣгѣ^x (85)

вмѣсто

на рѣжкѣ

на нѣгоу (16).

Встрѣчается форма:

оуши (86),

но вмѣстѣ съ этимъ

оуеса (86) вм. оуи.

Формы двойственного числа встрѣчаются и въ прилагательномъ и мѣстоименномъ склоненіи, а также въ спряженіи глаголовъ. Напр.

сѣдшима (97)

ѣж (96)

изыдета (96)

Прилагательное склоненіе представляетъ въ анализируемомъ памятникѣ слѣдующія особенности.

1) Въ родительномъ падежѣ единств. числа мужеск. рода встрѣчается очень часто древнее полное (растяженное) окончаніе лаго, но иногда также — позднѣйшее стяженное окончаніе лго. Напр.

вторалаго (12) бл҃гаго (22)

грѣшилаго (22) погышаго (83)

славналаго (12)

2) Причастія, оканчивающіяся на ции и шии, въ дательномъ падежѣ единств. числа часто имѣютъ окончанія омоу, ои. Напр.

притѣшом³ (145) трѣкоуцѣи (67)

прослацѣомъ (5) скрѣцѣи (67)

хотацѣомоу (95).

3) Въ творительномъ падежѣ единств. числа мужскаго рода встрѣчается окончаніе **омь**. Напр. (17)

свѣтло гласо̑ (91)

Въ этомъ падежѣ встрѣчается также мѣстоименное окончаніе **ъмь**. Напр.

малъмь гласо̑ (60)

4) Въ именительномъ падежѣ единств. числа женскаго рода встрѣчается древнее окончаніе **ѣа**. Напр

рожьшѣа (145, 146)

5) Въ родительномъ падежѣ единств. числа женскаго рода имѣется то древнее окончаніе **а**, **ѣа**, то **ѣа**. Напр.

бжцѣа (91)

прутѣа бѣж (63, 67)

Въ обоихъ случаяхъ **а** и **ж** употреблены смѣшанно (бжцѣа вм. бжцѣаа; бѣж вм. бѣжа).

6) Во множественномъ числѣ въ родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ падежахъ имѣется большею частію древнее полное (нестяженное) окончаніе **ьныхъ**, **ьныхъ**, **ьнимъ**, **ьнимъ** и пр. Напр.

бесъмртныхъ (81) похыщшѣихъ (85)

благьними (89) припадащѣихъ (90)

страшныхъ (85) оуповащѣихъ (4)

Съ другой стороны встрѣчаются формы

бжтвнѣихъ (3)

смьренѣихъ (5) и пр.

7) Въ дательномъ падежѣ множеств. числа краткой

формы иногда удерживается древнее окончаніе **емь**, иногда употребляется позднѣйшее **имь**. Напр.

прѣмлацѣ (150)

Съ другой стороны —

прѣстожци (97).

Въ той же формѣ прилагательныя иногда имѣютъ окончаніе **омь**, въ согласіи съ такимъ же явленіемъ въ творительномъ падежѣ единств. числа (свѣтло гласо [91] ср. въ Glagolita Clozionus съ многомъ pag. 11). Напр.

на достоинно быти (7)

Относительно употребленія мѣстоименій разбираемая рукопись представляетъ слѣдующія особенности.

1) Мѣстоименіе **и** (онъ) въ винительномъ падежѣ множеств. числа имѣетъ позднѣйшую форму (род. пад.) **ихь** вм. древняго **я** (см. 94). Подобная замѣна древней формы позднѣйшею замѣчается и въ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Такъ въ Саввиной книгѣ встрѣчается форма *accusativi singul.* его вм. **и**. (19)

Въ разсматриваемой рукописи мѣстоименіе **твон** имѣетъ *accusativ. plural.* **твою** (91), а не **твонихь**, не смотря на то, что мѣстоименіе **и**, склоненію котораго оно слѣдуетъ, имѣетъ въ означенной формѣ, какъ мы видѣли, **ихь**, а не **я**.

2) Вообще нужно сказать, что мѣстоименія въ нашемъ памятникѣ слѣдуютъ болѣе древнему, чѣмъ позднѣйшему склоненію. Такъ напр. отъ мѣстоименія **кѣськѣ**, **ыи**, *genetiv. singul. fem.* встрѣчаются

кѣськож (5; 149), а не

кѣськыи.

3) Указательное мѣстоименіе, относимое къ предметамъ ближайшимъ (въ значеніи *hic, οὗτος, dieser*), употребляется иногда въ формѣ *си* (99) вм. древняго *съ*, иногда же въ формѣ *сін* (71) (20).

Указательное мѣстоименіе, относимое къ предметамъ отдаленнымъ (съ значеніемъ *is, jener*) встрѣчается въ древней формѣ *тъ* (147). Древнюю же форму оно имѣетъ и въ *nominat. plural.* т. е. *ти* (7; 82; 100) вм. позднѣйшей *тѣи*.

4) Возвратное мѣстоименіе *са* встрѣчается въ соединеніи съ глаголами въ формѣ *се*. Напр.

смиеси се (73)

свърши се (107)

списасе (107)

5) Къ наиболѣе замѣчательнымъ особенностямъ рукописи принадлежитъ употребленіе мѣстоименія указательнаго *съ* какъ члена, поставляемаго позади слова, къ которому онъ относится (*articulus postpositivus*). Въ этомъ отношеніи языкъ нашей рукописи представляетъ нѣкоторое сходство съ новоболгарскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ, какъ извѣстно, въ склоненіи существительныхъ именъ къ основамъ ихъ позади приставляется членъ (21). Въ разбираемомъ памятникѣ членъ имѣетъ особыя формы для единственнаго и множественнаго чиселъ, именно для единственнаго *съ*, для множественнаго — *си*. Напр.

вѣсъ' ко съписа

нѣ и кѣткынъ законъ и оуун

телство бѣодѣхновенное, цѣкъ

соуѣтенъ иглѣтъкъмодѣаніи

поусты ѿ на вѣтънишжса (88)

вѣе сѣси ма мѣтвамиси и

дарзи мисъ грѣшеніе оставленіе (145)

изъави ги градъ нашъ съ

и вѣськъ градъ и странж (92)
 ты нѣ вѣко прѣблгыи съмена сѣ^н
 разлунныа плоды вѣли (81)
 призри на ны и на стѣны хрѣ стѣ (4).

Перейдемъ теперь къ особенностямъ, какія разбираемый памятникъ представляетъ въ отношеніи спряженія глаголовъ.

1) Въ спряженіи глаголовъ прежде всего бросается въ глаза въ нашей рукописи то явленіе, что формы, которыя въ большей части древнихъ памятникоевъ церковно-славянскаго языка пишутся съ знакомъ ѣ на концѣ, здѣсь имѣють на концѣ знакъ ь. Такъ это замѣчается относительно *particip. praeter activi*. Напримѣръ.

жилъ сѣ (82)
 насыщ' (69)
 обѣщавъ (4)
 положилъ (7)
 пославъ (3)
 приведъ (5)
 призрѣвъ (8)
 прѣзрѣль (93) (22).

Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ той же формѣ, часто даже тѣже самыя слова встрѣчаются и съ знакомъ ѣ на концѣ. Напр.

блгоизволикъ (64)
 пославъ (83)

Таже замѣна знака ѣ чрезъ знакъ ь встрѣчается и въ *particip. praes. passivi nominativ. singul. mascul.* Напр.

вѣспѣваемъ (5) (23).

Въ *indicat. praes. activi* имѣется также знакъ ь на концѣ. (24) Напр.

даруѣтъ (60)
приносимъ (3) (25)

2) Формы повелительнаго наклоненія слѣдуютъ древнему спряженію. Напр.

придѣте (152) —

форма древняго спряженія (ср. въ Остр. Ев.—ѣка отъ мѣтѣса гл. гѣ: съберѣте). Съ другой стороны встрѣчаемъ форму

дажь (84) —

но это не болѣе какъ описка, потому что въ нашей рукописи вообще нѣтъ руссизмовъ. Что дѣйствительно въ данномъ случаѣ описка, это доказывается встрѣчающимся правильнымъ написаніемъ:

дажь (63)

3) Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что въ прилагательномъ склоненіи встрѣчаются въ разбираемомъ памятникѣ древнія нестяженныя окончанія, такія же окончанія нерѣдко встрѣчаются и въ спряженіи глаголовъ. Напр.

възмѣцѣлаше (148)

обхождаше (73)

4) Participium praeter. activi часто имѣетъ окончаніе ѣ съ смягченіемъ предшествующаго ему конечнаго согласнаго въ глагольномъ корнѣ. При этомъ изъ сочетанія м+л послѣдній согласный нерѣдко выпадаетъ. Напр.

емь (67) отъ глагола **ати**

обѣщѣ (151)

поуѣ (91) т. е. **пощиѣ**

пріемь (3)

преклонь (22)

сїсь (82)

спобьшлаго (7).

5) Particip. praeter. activi опредѣленной формы встрѣчаются съ окончаніемъ на си вм. ивыи. Напр.

изколи (71)

пръложи (61)

сътвори (61).

Ср. съ этимъ форму прилагательнаго велен еси (39) вм. велни.

Особенности въ словообразованіи касаются употребле-
нія приставокъ (префиксовъ) и образовательныхъ оконча-
ній (суффиксовъ).

Префиксы встрѣчаются въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ интегральною частью корня, что послѣдній согласный префикса и первый согласный корня нерѣдко сливаются въ одинъ согласный; при этомъ сначала происходитъ ассимиляція одного звука съ другимъ, затѣмъ одинъ изъ нихъ исчезаетъ. Впрочемъ, это не исключительная особенность нашей рукописи. Примѣры:

безлѣкіа (75), т. е. без-злѣкіа

безаконїа (72)

бесъмр'тныи (81)

раслабленномуу (72).

Нѣкоторые префиксы имѣютъ древнюю форму. Таковъ префиксъ сж (ср. съ греч. συ) въ словѣ, напр.

сжсждомь (92).

Часто предлогъ, управляющій словомъ, предъ кото-
рымъ онъ поставленъ, входитъ съ нимъ въ такую же тѣ-
сную ассоціацію, какъ и префиксы. При этомъ иногда пред-

логъ даже подвергается нѣкоторымъ фонетическимъ измѣненіямъ, обусловленнымъ его тѣсною связью съ управляемымъ словомъ. Безъ сомнѣнія, списыватель рукописи разсматривалъ предлогъ и управляемое имъ слово какъ одно нераздѣльное цѣлое. Вотъ примѣры тѣснаго соединенія предлоговъ съ управляемыми словами:

кезкѣсьскоа (70)

вѣкы вѣка (115)

изъюности (83).

Изъ послѣдняго примѣра особенно легко видѣть тѣсное соединеніе предлога съ управляемымъ словомъ въ одинъ комплексъ звуковъ. Предлогъ *изъ* въ словѣ *изъюности* вмѣсто звука *ъ*, съ которымъ онъ обыкновенно пишется, имѣетъ на концѣ знакъ *ь* вслѣдствіе вліянія отъ йотированнаго гласнаго, которымъ начинается управляемое слово.

Что касается до суффиксовъ, то между ними и корнемъ иногда бывають вставлены знаки *ъ*, *ь*, *о*, *е*. Напр.

агньуе (72)

къ блгѣустѣи (70)

дльгоднѣско (63)

земльаго (65)

множѣско (64)

невещѣствьны (63)

улуьскаго (60).

Иногда въ одномъ и томъ же словѣ между суффиксомъ и корнемъ вставляются разные знаки. Напр.

късъуьскымъ (69)

късъуьскаа (69)

Иногда начертаніе соединительнаго гласнаго замѣняется особымъ знакомъ, поставляемымъ вверху надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бы должно было стоять это начертаніе. Напр.

непрѣизн'нымъ (70)

Часто одинъ и тотъ же суффиксъ присоединяется къ одному и тому же корню то непосредственно, то послѣ знака краткаго гласнаго. Напр,

множество (90)

множьско (64)

Большою же частью суффиксы присоединены къ корню безъ посредства этихъ знаковъ. Напр.

аггласкый (63)

варварскыя (64)

жителства (65)

положшаго (61)

правды (63)

прѣклоншоу (65)

свѣтильника (61)

слоужбы (62)

Таковы главнѣйшія особенности разбираемаго памятника въ морфологическомъ отношеніи. Разсмотримъ теперь его синтаксическія особенности.

1.) Управленіе словъ въ нашей рукописи часто значительно отличается отъ синтаксическихъ правилъ (нормъ), которымъ обыкновенно слѣдуетъ словоуправленіе въ русскомъ языкѣ. Такъ —

а.) Опредѣлительныя или дополнительные слова часто ставятся въ дательномъ падежѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ русскомъ употребляется родительный. Напр.

нѣнѣ и прно и вѣкы вѣкомъ (66)

тогоже М, въ нуалъ индиктоу быващюу итѣгда смъртоносѣх (93)

Днѣ вѣка твари, и гѣ славъ на кртѣ
пригваждаетса (153)

оукрѣпнѣ мышцѣхъ смъ (64)

Ты вѣкѣ на сѣсеніе мироу послѣ
еси стѣго сислова (86)

Еще млиса о ѡставленіи грѣха.

рѣкоу вѣію оцѣу нашемъ (67).

Слѣва на ѡсѣненіе водѣ (144).

б) Глаголы съ дѣйствительнымъ значеніемъ нерѣдко принимаютъ послѣ себя дополненіе, которое имѣетъ форму родительнаго падежа, вм. винительнаго. Напр.

да сѣсещи мира (154)

написоужъ къждоу крѣта (97)

спестъ ѡкразѣ твоего (83).

с.) Иногда глаголы съ дѣйствительнымъ значеніемъ требуютъ послѣ себя дополненія въ дательномъ падежѣ вм. родительнаго. Напр.

емоуже сиби (84)

спобиль еси житію (82).

Впрочемъ, при глаголѣ сподобити въ дательномъ падежѣ ставится только дополненіе, обозначающее вещь, дополненіе же обозначающее лицо, ставится въ винительномъ падежѣ. Напр.

споби и (62).

д.) Нѣкоторыя прилагательныя требуютъ послѣ себя дополненія не въ томъ падежѣ, какого они обыкновенно требуютъ въ русскомъ языкѣ. Напр.

доинь еждетъ црѣтвію твоемоу (85)

е) Нѣкоторые предлоги управляютъ не тѣмъ падежомъ, какой они обыкновенно принимаютъ послѣ себя въ

русскомъ языкѣ. Такъ предлогъ **по** встрѣчается не съ дательнымъ падежомъ, а съ мѣстнымъ. Напр.

по беззаконіи^х наши^х (93)

по заповѣдѣ твои^х ходи^и (83)

2.) При возвратныхъ глаголахъ мѣстоименіе **са** ставится впереди глагола между нимъ и глагольнымъ дополненіемъ: Напр.

тебѣ са молимъ (83)

3.) Дательный падежъ мѣстоименія личнаго употребляется часто вмѣсто притяжательнаго мѣстоименія, произведеннаго отъ этого личнаго мѣстоименія. При этомъ дательный падежъ личнаго мѣстоименія ставится иногда впереди, иногда позади слова, къ которому оно относится, какъ опредѣленіе. Напр.

прѣстѣгодїа^х (85)

ракѣ^н ѿ (145).

4) Встрѣчается родительный раздѣлительный (*genitivus partitivus*), напр. послѣ опредѣлительныхъ мѣстоименій

къждо^на (97).

5.) Встрѣчаются сокращенныя придаточныя предложенія въ формѣ такъ называемаго дательнаго самостоятельнаго (*dativus absolutus*). Напр.

Млтва хероувкікоу поемъ (8)

М, хртїаниноу прѣльстикшѣ въ
азычьское прѣльщенїе (82).

6.) Встрѣчаются нѣкоторыя неправильности въ согласованіи и управленіи словъ; эти неправильности можно

объяснить во многихъ случаяхъ только небрежностію переписчика. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ неправильностей:

прѣложивыи водж въ кино, въ
кана галїлеискыа бракы (70).

Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ можно видѣть грецизмъ, происшедшій отъ буквального перевода съ греческаго, въ которомъ для обозначенія брака, какъ единичнаго факта, иногда употребляется форма мн. числа—γαμοι (ср. въ лат. nuptiae).

да мѣтвѣ бжде и вѣрєнь
прѣвосѣщенникъ нже къ бѣу (148).
ѡпашаже ѡ сїе млденство
или инымъ нѣкы прилүүуєнїе (83).

В. Плотниковъ.

(Окончаніе будетъ).

КОНСПЕКТЪ ПО ГРАММАТИКЪ РУССКАГО И СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

Предисловіе.

Не смотря на то, что у насъ очень много учебниковъ по русскому языку и что между ними есть, безъ сомнѣнія, довольно хорошіе, ни одинъ изъ нихъ, однако, не можетъ быть принятъ вездѣ, безъ всякихъ измѣненій въ руководство для учениковъ: почти каждый преподаватель находитъ нужнымъ дѣлать въ учебникѣ, по своему усмотрѣнію, тѣ или другія дополненія, сокращенія и поправки.

Подобное положеніе дѣла оказывается неизбѣжнымъ, особенно въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ учительскія семинаріи, для которыхъ у насъ по многимъ предметамъ не только не составлено удобопримѣнимыхъ и цѣлесообразныхъ руководствъ, но даже не выработано еще подробныхъ программъ. Желая дать своимъ ученикамъ „справочный указатель“, въ которомъ они могли бы найти необходимые грамматическіе вопросы и который вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы служить для нихъ во многихъ случаяхъ пособіемъ къ учебнику, я составилъ подробный конспектъ пройденнаго, быть можетъ, не безполезный при изученіи родного языка и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отвѣты и объясненія на разные вопросы приведены въ этомъ конспектѣ, во 1-хъ, въ томъ случаѣ, когда этихъ отвѣтовъ нѣтъ въ большинствѣ учебниковъ и, во 2-хъ, когда мнѣ казалось нужнымъ обратить особенное вниманіе учащихся на тѣ или другіе вопросы.

Въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ русской и старославянскій языки составляютъ отдѣльные учебные предметы. Но наиболѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ науки

II.

и педагогики я, вслѣдъ за другими, признаю совмѣстное, сравнительное изученіе грамматики этихъ языковъ. Такое изученіе, рассматривая два родственныхъ языка, во 1-хъ, обуславливаетъ возможность болѣе яснаго и основательнаго пониманія позднѣйшаго языка *in statu quo*, освѣщаетъ въ немъ многія формы, на первый взглядъ непонятныя; постоянно вращаясь въ сферѣ лексическаго матеріала языковъ древнѣйшаго и современнаго, оно даетъ средства для опредѣленія истиннаго смысла многихъ словъ; во 2-хъ, оно можетъ уяснять (до извѣстной степени) общія начала нынѣшняго правописанія, основывающагося преимущественно на этимологіи и морфологіи; наконецъ, въ 3-хъ, въ отношеніи педагогическомъ, сравнительное изученіе облегчаетъ усвоеніе формъ того и другого языка и, при постоянствѣ сравнительнаго приѣма, способствуетъ закрѣпленію ихъ въ памяти и скорому воспроизведенію (по законамъ ассоціаціи представленій).

Въ сравнительномъ изложеніи фонетики и этимологіи мною указываемы были сначала звуки и формы русскаго языка, затѣмъ позднѣйшаго славянскаго, на которомъ написаны нынѣшнія церковныя книги, и, наконецъ, древнѣйшаго (*Altbulgarische Sprache*), иногда же наоборотъ.

Особенное вниманіе при изученіи этимологіи было обращено на словообразованіе по его важности для пониманія строя языка, для сознательнаго отношенія къ послѣднему и для осмысленнаго имъ пользованія.

Избравъ синтетическій методъ преподаванія грамматики, я сообщалъ ученикамъ готовыя положенія науки, оставляя на долю ихъ самодѣтельности указаніе и повѣрку этихъ положеній въ разборѣ литературныхъ образцовъ. Синтетическій методъ, при особенной пригодности для преподаванія и изученія грамматики въ систематическомъ порядкѣ, кромѣ того, оказывается удобопримѣнимымъ для воспитанниковъ, знакомыхъ съ элементарнымъ курсомъ грамматики. Въ систематическомъ изложеніи ея—основныя

положенія, извѣстныя ученикамъ раньше, концентрируются въ гораздо большей окружности, въ сферѣ новыхъ деталей и получаютъ въ ихъ сознаниі значеніе законовъ, проникающихъ все явленія языка.

Печатаемая конспектъ, прошу преподавателей русскаго языка указать недостатки моего труда: всякое замѣчаніе, чего бы оно ни касалось, въ какой бы формѣ ни было высказано, будетъ принято мною къ свѣдѣнію. *) По моему мнѣнію, между преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній необходимъ частый обмѣнъ личныхъ взглядовъ по вопросамъ о методѣ, содержаніи и объемѣ учебныхъ предметовъ, и я буду доволенъ, если мой трудъ, отвѣчая указанной цѣли, послужитъ починомъ для другихъ, лучшихъ трудовъ въ этомъ родѣ.

Нахожу необходимымъ назвать пособія и учебники, которыми я пользовался при составленіи конспекта:

1) Историческая грамматика русскаго языка, составленная Ѳ. Бушлаевымъ. Изд. 4. Москва. 1875.

2) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Составилъ А. Потѣбня, 1 и 2 ч. Воронежъ, Харьковъ. 1874.

3) Старославянская грамматика, учебникъ для гимназій. Составилъ М. Колосовъ. Изд. 6. Варшава. 1878.

4) Handbuch der Altbulgarischen (Allkirschenslawischen) Sprache... Von A. Leskien. Weimar. 1871.

5) Разборъ этой книги И. А. Бодуэна-де-Куртэнэ въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1876, Ноябрь.

6) Подробная программа лекцій И. А. Бодуэна-де-Куртэнэ. Казань. 1878 г.

7) О значеніи формъ русскаго глагола. Сочиненіе Н. Некрасова. Спб. 1865.

8) Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ... на спряженія,

---

*) Страницы Ф. З. всегда открыты для помѣщенія разныхъ замѣтокъ, касающихся разъясненія разныхъ мнѣній по вопросамъ въ дѣлѣ преподаванія языка.

ст. Н. Некрасова въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1877, февраль.

9) Отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки. А. Анастасіева. Воронежъ 1880.

10) Учебникъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Л. Поливановъ. Изд. 5. Москва. 1877.

11) Этимологія древняго церковнославянскаго и русскаго языка. Е. Бѣлявскаго. Москва. 1875.

12) Славянская грамматика съ изборьникомъ П. Перевлѣскаго. Изд. 6. Спб. 1868.

13) Высшій курсъ русской грамматики, составленный Вл. Стоюнинымъ. Изд. 3. Спб. 1876.

14) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка... Курсъ I и II. Составилъ К. Говоровъ. 13 изд. Москва. 1878.

А. Анастасіевъ.

С. Порѣцкое.

1879—80 г.

ГЛАВА I.

В в е д е н і е.

Аріеввропейскіе языки. Славянскіе языки. Русскій языкъ, его нарѣчія и говоры.

Составъ рѣчи. Словесное выраженіе мысли, предложеніе. Чѣмъ отличается „сужденіе“ отъ „предложенія“? Главные и придаточные (второстепенные) члены предложенія (сказуемое, подлежащее, дополненіе, обстоятельство, опредѣленіе).

Наиболѣе существенный членъ предложенія—сказуемое; только оно одно можетъ обойтись безъ всѣхъ другихъ членовъ.

Дѣленіе предложеній: а) по значенію сказуемаго—на личныя и безличныя, б) по взаимному отношенію предложеній—на главныя и придаточныя, вводныя и вносныя и в) по внутреннему содержанію—на распространенныя и нераспространенныя, простыя и сложныя, слитныя и составныя.

Предложенія равносильныя грамматически, но не логически.

Придаточныя предложенія, ихъ виды.

Выводъ частей рѣчи и ихъ измѣненій изъ разбора предложеній.

Анализъ словъ: слоги и звуки.

ГЛАВА II.

Ф о н е т и к а (звукоученіе).

Понятіе о звукѣ. Шумы и тоны.

Звукъ языка есть слышимый результатъ дѣйствія органовъ рѣчи, находящихся въ одномъ извѣстномъ положеніи.

Членораздѣльность (артикуляція) звуковъ человѣческой рѣчи. Дѣленіе звуковъ на гласные и согласные. Различіе гласныхъ и согласныхъ элементовъ. Значеніе полости рта при произношеніи гласныхъ.

Полость рта служитъ аппаратомъ къ гортани, въ которой образуются гласные элементы (тоны), отражающіеся въ опредѣленную форму въ полости рта; безъ этого аппарата невозможны членораздѣльные звуки.

Для произношенія согласныхъ звуковъ, являющихся результатомъ взрыва воздуха, сгущеннаго въ полости рта тѣми или другими органами, необходимо главнымъ образомъ извѣстное уложеніе этихъ органовъ, извѣстный фокусъ, необходима локализация звука.

Основные гласные звуки: *а, и, у*, — ихъ видоизмѣненія: *е, (э), о, ѵ*. Гласные въ видѣ треугольника.

Различіе (физиологическое) звуковъ: *а, о, у, ѵ* зависитъ отъ различнаго уложенія губъ, различіе *а, е, и* — отъ различнаго положенія языка.

Гласные широкіе и узкіе, опредѣленные и неопредѣленные. Понятіе объ удареніи.

Согласные звуки; раздѣленіе согласныхъ по органу (губные и язычные) и по способу произношенія. Основанія такого дѣленія. Различіе согласныхъ звонкихъ и глухихъ, твердыхъ и мягкихъ. Согласный *ј*.

При произношеніи согласныхъ играютъ главную роль органы рта; между ними слѣдуетъ различать подвижные (активные) и неподвижные (пассивные). Къ первымъ принадлежатъ: мягкое небо или небный занавѣсъ, языкъ и губы; ко вторымъ — твердое небо, челюсти и зубы. Согласные раздѣляются и называются по органамъ активнымъ.

Губные, по участию органовъ въ ихъ произношеніи, раздѣляются а) на чисто-губные и б) зубно-губные.

Язычные раздѣляются на переднеязычные и заднеязычные, такъ какъ при произношеніи первыхъ дѣйствуетъ ко-

нецъ или передній край языка, а при произношеніи вторыхъ—его задняя поверхность; кромѣ того, язычные раздѣляются на линейные и двухлинейные—по количеству сближеній языка и неба въ видѣ физическихъ линій.

Почему звукъ р называется дрожащимъ, а л—боковымъ?

Звонкіе согласные отличаются отъ глухихъ тѣмъ, что при произношеніи первыхъ голосовыя связки бываютъ напряжены, а при произношеніи вторыхъ—вялы. Мягкіе согласные отличаются отъ твердыхъ тѣмъ, что для произношенія первыхъ, кромѣ извѣстнаго уложенія органовъ рта, требуется поверхностное сближеніе языка и неба.

Алфавитъ (азбука). Кириллица. Глаголица. Русская гражданская азбука. Кѣмъ, когда, гдѣ и какъ составлена Кириллица? (855 г. въ Царьградѣ). Древнее и теперешнее начертаніе Кириллицы.

Звуки, обозначаемые буквами церковнославянской азбуки—гласные и согласные. Раздѣленіе гласныхъ на чистые (а, е, и, о, оу), носовые (ѡ, ѡ), широкіе (а, о, оу, ѡ, ѡ, ѡ) и узкіе (и, ѣ, ѡ, е, ѡ), долгіе (а, ѡ, и, оу, ѡ, ѡ, ѡ) и краткіе (ѣ, ѡ, е, о).

Какія буквы называются „іотированными“ и почему? Произношеніе гласныхъ: ѣ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ. Доказательства гласности ѣ и ѡ. Доказательства носоваго произношенія ѡ и ѡ.

Раздѣленіе согласныхъ по органу и способу произношенія (какъ въ русскомъ языкѣ); дѣленіе согласныхъ на простые, слитные (мгновенно—продолжительные: с | = дз, ц | = тс, у | = тш,) и сложные (щ = шт, ѡ = кс, ѡ = пс).

Значеніе славянскихъ буквъ, какъ цифръ. Надстрочные знаки, ихъ употребленіе въ новомъ и древнемъ періодѣ славянскаго языка.

Происхожденіе русской (гражданской) азбуки (1708 г. при Петрѣ I—въ Амстердамѣ) и отношеніе ея къ Кириллицѣ по внѣшнему виду, составу и достоинству.

ГЛАВА III.

Измѣненіе звуковъ въ славянскомъ и русскомъ языкахъ.

Фонетическое усиленіе и ослабленіе гласныхъ звуковъ, не имѣющее вліянія на значеніе словъ (ъ-є, ѡ-о, ѣ-е, ѣ-о, н-ъ, а-ѣ, ы-ѣ, оу-к). Подъемъ гласныхъ.

Подъемъ всегда измѣняетъ значеніе слова.

Подъемы: е-о-а, а-ж, ѡ-н, ѣ-ы-оу, н-ъ, н-ој-ај, ѣ-ој, оу-ов-ак.

Обьясненіе развѣтвленій: н-ој-ај, ѣ-ој и оу-ок-ак.

Гласный долгій предъ согласнымъ въ одномъ словѣ равенъ краткому гласному съ однороднымъ согласнымъ въ другомъ словѣ: ни-ти—на-по-н-ти (=на-пој-н-ти)—на-пѣ-ти (=на-пѣј-а-ти).

Русскіе подъемы: а) окостенѣвшіе, рудиментарные: е-о, а-у (=а-ж), ы-у, ѣ-у и ѣ и др., б) живые, основанные главнымъ образомъ на различіи гласныхъ ударенныхъ и неударенныхъ: нуль звука—ы, и: лгать—подлыгивать, брать—бирать, ѣ-и: сидѣть—сизживать, о-а: двоить—удваивать, е-о: клевать—скльовывать.

Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ измѣненія гласныхъ: ж-г: жерло—горло, щ (=шч)—ск: щемить—оскомина, х-с: трухнуть—трусить.

Ассимиляція (уподобленіе) гласныхъ. Стяженіе. Русское полногласіе (ра=оро, ла=оло, рѣ=ере, лѣ=еле и оло).

Ассимиляція согласныхъ.

Звонкіе въ концѣ словъ, а также предъ глухими въ срединѣ слова переходятъ въ глухіе и наоборотъ (лодка=лотка, свадьба, носъ—ноз-д-ри, съде=здѣ-сь, лѣзу—лѣс-т-н-иц-а).

Диссимиляція (расподобленіе) согласныхъ (д, т+т=с+т; з+л=с+л; д, т+л, м=с+л, м).

Смягченіе согласныхъ (переходное и непереходное, подъ

вліянієм узкихъ гласныхъ и согласнаго j).

Смягченіе согласныхъ: л, р и н (только одно смягченіе, непереходное). Смягченіе переднеязычныхъ придувныхъ: с и з (с' = ш, з' = ж). Смягченіе переднеязычныхъ: т и д (т' = шт = щ, т' = ч | = тш, д' = жд, д' = ж). Смягченіе заднеязычныхъ: к, г, х.

Заднеязычные имѣють два смягченія: непереходное и переходное (к' = ч-ц, г' = ж-з, х' = ш-с); въ славянскомъ — только одно послѣднее.

Непереходное смягченіе заднеязычныхъ въ русскомъ языкѣ. Задатки новаго переходнаго смягченія заднеязычныхъ въ русскомъ языкѣ (к' = т', г' = д': паутина вм. ожидаемаго паучина, дря — гиря, андель — ангель). Смягченіе губныхъ: п, б, ф, в, м.

Губные имѣють два смягченія: а) непереходное, въ одинъ однородный звукъ и б) переходное, въ два звука.

Сочетанія: г, к + т = шт (щ) = ч; с + к, т = щ (= шч).

Исчезновеніе согласныхъ (губныхъ: б, п и в предъ т; -в предъ л; губныхъ и заднеязычныхъ предъ н; переднеязычныхъ д и т предъ л, м, н; д- предъ с; переднеязычнаго боковаго л въ окончаніи прошедшаго времени [герр. причастія] послѣ веѣхъ согласныхъ, кромѣ д и т, которые сами исчезаютъ: нзъгыблъ, ср. егибъ, несль, ср. несъ, па(д)ль, ср. палъ; исчезновеніе одного изъ одинаковыхъ звуковъ).

Появленіе между двумя согласными звуками вторичнаго согласнаго (жр = ждр, зр = здр, ср = стр, нр = ндр и др.). Перестановка согласныхъ (преимущественно при р и л).

Приставка согласнаго в въ началѣ словъ.

Законъ устраненія веѣхъ согласныхъ звуковъ съ конца слоговъ въ старославянскомъ языкѣ.

Звуковыя отличія русскаго языка отъ старославянскаго (1, различіе звуковыхъ смягченій, 2, замѣна юсовъ, 3, замѣна ie въ началѣ словъ чрезъ о, 4, русское полногласіе и др.).

ГЛАВА IV.

Этимологія.

Общія понятія о частяхъ рѣчи, ихъ образованіи и измѣненіи.

Предметъ этимологій. Основаніе дѣленія словъ по классамъ (частямъ). Различіе словъ по значенію, образованію и измѣненію. Число частей рѣчи; дѣленіе ихъ на знаменательныя и служебныя.

Дѣленіе словъ по слогамъ и образованію. Слова первообразныя, производныя и сложныя. Основная часть слова или корень; понятіе о суффиксѣ и префиксѣ.

Дѣленіе частей рѣчи на измѣняемыя и неизмѣняемыя. Понятіе о спряженіи и склоненіи. Понятіе о флексіи и основѣ (темѣ) измѣняемыхъ частей рѣчи.

ГЛАВА V.

Глаголь.

Понятіе о глаголѣ.

Глаголь выражаетъ признакъ во время его возникновенія отъ лица.

Какое различіе между „дѣйствіемъ“ и „состояніемъ“?

Дѣленіе глаголовъ по образованію (первообразныя, присоединяющіе суффиксъ неопредѣленнаго наклон. **ти** = **ть** прямо къ корню, и производныя, имѣющіе между корнемъ и признакомъ неопредѣл. накл. особые суффиксы, называемые примѣтами: **а** | **и** |, **и**, **ъ**, **иж**, **ов** | **ев** | — **а**, **ив** | — **а**, **ов** — **ив** — **а**).

Глагольные корни; ихъ значеніе въ образованіи частей рѣчи.

Глагольные корни всѣ односложныя; они состоятъ а) изъ одного звука: **н-ти**, **оу-ти**, б) изъ гласнаго съ согласнымъ: **уч-и-ть** (кор. **ук**: **на—ук—а**) в) изъ согласнаго съ гласнымъ: **пн-ти**, **лнть**, г) изъ двухъ согласныхъ съ

гласнымъ въ срединѣ: мок-ну-ть, д) изъ двухъ согласныхъ и одного гласнаго: плыть, е) изъ нѣсколькихъ согласныхъ съ гласнымъ: стѣрь-ти.

Что называется основою (темою) глагола? Основы неопредѣленнаго наклоненія: одночленная (въ глаголахъ первообразныхъ: и с с-ти, д л (д)-ти), двучленная (= кор. + примѣта: в и д-ѣ-ти), трехчленная (= кор. + ов | ев |, ы в | и в | + а: п и с-ы в-а-ть), четырехчленная (= кор. + ов + ы в + а: за-к о л д-о в-ы в-а-ть). Глаголы отыменные.

Принадлежности глагола: залого, виды, наклоненія, времена, числа и лица, — причастіе и дѣепричастіе.

Понятіе о залогахъ. Залого: дѣйствительный, средний, страдательный, возвратный и взаимный. Опредѣленіе залоговъ (преимущественно — по значенію).

Мѣстоименіе „ся“, сдѣлавшееся простымъ окончаніемъ. Когда это окончаніе служитъ признакомъ возвратнаго залога?

Виды глаголовъ: 1) несовершенный (а, длительный: ходить, б, неоднократный: хаживать) и 2) совершенный (а, выражающій совершеніе дѣйствія безъ отношенія къ его продолжительности: купить, б, однократный или моментальный: хлопнуть). Замѣчаніе объ употребленіи видовыхъ степеней въ народномъ языкѣ.

Образованіе видовъ глагола. Дѣленіе глаголовъ въ этомъ отношеніи на три класса: 1-й классъ — первообразные глаголы вида совершеннаго (дать, пасть, сѣсть, лечь, дѣть, л-ти). Образованіе отъ этихъ глаголовъ видовъ: несовершеннаго — длительного (вставкою примѣтъ: а и ѣ) и неоднократнаго (вставкою примѣты ы в — и в). 2-й классъ — первообразные глаголы вида несовершеннаго. Образованіе отъ этихъ глаголовъ видовъ: совершеннаго (присоединеніемъ приставки), неоднократнаго (примѣтою а: ѣд-а-ть) и однократнаго (примѣтою н у: ду-ну-ть). Вліаніе приставки къ формѣ вида неоднократнаго на значеніе вышеозначен-

ныхъ глаголовъ (напр. съ-ѣд-а-ть?). 3-й классъ— глаголы, имѣющіе одну производную форму вида несовершеннаго и совершеннаго (пис-а-ть, куп-и-ть). Образование отъ этихъ глаголовъ видовъ: совершеннаго (съ помощью приставки: на-писать, или примѣтою и: яв-ь-а-ть- яв-и-ть), неоднократнаго (примѣтою а съ предъидущ. в, ѡв, ѡв— съ удареніемъ на коренномъ гласномъ звукѣ глагола и по большей части съ усиленіемъ (подъемомъ) послѣдняго: кид-ѡв-а-ть, смѡтр-ив-а-ть, хѡж-ив-а-ть) и однократнаго (примѣтою ну, сохраняющагося въ причастіи несклоняемомъ: ки-ну-ть, ки-ну-л ѡ, кор. кид.).

Наклоненія.

Въ русскомъ глаголѣ только два наклоненія: изъявительное и повелительное.

Что такое „неопредѣленное наклоненіе“? Наклоненія: достигательное (*supinum*) и сослагательное въ старославянскомъ.

Времена: настоящее, прошедшее и будущее.

Славянскій глаголъ богаче русскаго формами временъ прошедшаго и будущаго (прошедшее протяженное, аористъ, прошедшее совершенное, давнопрошедшее, прошедшее условное, будущее простое, будущее сложное, будущее условное). Различныя отбѣйки этихъ формъ въ русскомъ выражаются видовыми степенями.

Отношеніе видовъ глагола къ временамъ.

Числа и лица въ глаголѣ.

Спряженіе глаголовъ.

Основы неопредѣленнаго наклоненія и настоящаго времени.

Дѣленіе глаголовъ на два спряженія (по основамъ настоящаго времени).

Къ *первому* спряженію принадлежатъ глаголы, которыхъ основы оканчиваются на согласныя и гласныя, за

исключеніемъ звука *и*; ко *второму* — относятся глаголы, которыхъ основы оканчиваются на *и*.

Древнѣйшія и позднѣйшія личныя окончанія настоящаго времени.

Будущее время простое (exactum).

Повелительное наклоненіе. Суффиксъ его — звукъ *и*, измѣняющійся въ старослав. въ *ѣ* послѣ согласныхъ въ двойственномъ и множ. числахъ глаголовъ перваго спряженія.

Аористъ и прошедшее протяженное. Признаки аориста (зв. *х* [= *с*], присоединяемый прямо къ основѣ неопредѣленнаго наклоненія, оканчивающейся на гласный звукъ, и посредствомъ звука *о* въ глаголахъ съ основой на согласный) и прошедшаго протяженнаго (*аа* | *ма* | и *ѣа* предъ конечнымъ *х*). Окончаніе всѣхъ лицъ въ этихъ прошедшихъ временахъ.

Отглагольныя формаци:

неопредѣленное и достигательное наклоненія, причастіе и дѣепричастіе. Суффиксы причастія настоящаго времени дѣйств. залога (*жци* = *ущ* и *лци* = *ящ*). Краткая и полная форма старослав. причастія настоящаго времени. Суффиксъ причастія прошедшаго времени (*ъш*). Краткая и полная форма прошедшаго причастія. Русскія причастіе и дѣепричастіе. Причастіе несклоняемое (суффиксъ — *а*), имѣющее въ русскомъ языкѣ значеніе прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія. Причастія страдательнаго залога а) настоящаго времени (суффиксъ *м*) и б) прошедшаго (суффиксы *н* и *т*, смѣшиваемые въ говорахъ). Краткая и полная форма этихъ причастій.

Описательныя формы спряженія:

прошедшее совершенное дѣйств. зал.: *нес-а-ѣ* *нес-мь*, давнопрошедшее: *нес-а-ѣ* *къ-х-ѣ*, будущее время (въ глаголахъ вида несовершеннаго — изъ неопред. накл. спрягае-

маго глагола и вспомогательныхъ: буду, *мѣуѣнѣж*, *хоѣж*, *нмѣмь*, стану), прошедшее условное (изъ несклоняем. причастія и аориста глагола вспомогат.: *бѣ х-ѣ*), будущее условное (изъ причаст. несклон. и будущ. времени вспомогат. глагола: *бѣдѣж*) и формы страдательнаго залога: настоящ., прошедш. и будущ. времени изъявит. наклоненія, прошедшаго и будущаго условныхъ, — повелительнаго и неопредѣленнаго наклоненій.

Глаголы разноспрягаемые (хотѣть, бѣжать, гудѣть, дышать, спать, гнать и др.).

Глаголы архаическіе: вспомогательный — *иес-мь*, дѣйств. *вѣ(д)-мь*, *дѣ(д) мь*, *ѣ(д)-мь*, *нм-л-л-мь*. Спряжение этихъ глаголовъ.

Сравненіе славянскаго спряженія съ русскимъ.

Синтаксическое значеніе глагола.

ГЛАВА VI.

Имя существительное.

Опредѣленіе имени существительнаго.

Существительное есть названіе признака даннаго въ предметъ, установившагося въ немъ.

Что называется „признакомъ“ и „предметомъ“?

Опредѣленіе представленія и понятія.

Представленіе есть воспроизведеніе въ сознаниі того, что прежде было наблюдаемо въ связи съ предметомъ и что предполагается присущимъ ему и теперь, хотя самый предметъ и не ощущается.

Понятіе есть объединеніе въ сознаниі существенныхъ признаковъ предмета.

Знаками представленій и понятій въ рѣчи служатъ слова.

Существенные и случайные признаки предмета. Содержаніе и объемъ понятія; ихъ отношеніе.

Чѣмъ больше объемъ, тѣмъ меньше содержаніе — и наоборотъ, чѣмъ больше содержаніе, тѣмъ меньше объемъ.

Понятія родовыя, видовыя и единичныя.

Дѣленіе именъ существительныхъ по объему выражаемаго ими понятія на собственные и нарицательныя. Дѣленіе существительныхъ на собирательныя, вещественныя, увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя и унижительно-унижительноныя. Дѣленіе существительныхъ по значенію (имена предметовъ одушевленныхъ, неодушевленныхъ и отвлеченныхъ).

Родъ именъ существительныхъ. Естественный и грамматическій родъ.

Происхожденіе грамматическаго рода заключается въ воззрѣніяхъ первобытнаго человѣка на природу.

Родовыя окончанія именъ существительныхъ. Опредѣленіе рода именъ существительныхъ, склоняющихся только во множественномъ числѣ.

Дѣленіе существительныхъ по образованію на первообразныя, производныя и сложныя.

Первообразныя присоединяютъ родовое окончаніе прямо къ корню, производныя образуются помощію суффиксовъ, сложныя — чрезъ сложеніе (какъ?).

Различіе суффиксовъ по происхожденію и значенію.

Мѣстоименные суффиксы именъ существительныхъ: к (к-ын, къ-то): рѣ-к-а, видоизмѣненія суффикса к:

ц и ч: сръд-ь-ц-е, тк-а-ч-ъ,

суфф. ин: крестьян-ин-ъ.

Глагольные суффиксы существительныхъ:

л: бы-л-ь, мы-л-о,

н: да-н-ь,

т: жи-т-о.

Суффиксы прилагательныхъ, получившихъ значеніе именъ существительныхъ:

н: об-ѣд-н-я,

ск: вой-ск-о, Славян-ск-ъ,

ов-ев: Льв-ов-ъ, Кі-ев-ъ.

Самостоятельные суффиксы, означающіе

1) дѣйствующее лицо:

ар: ? ,	тай: ? ,
ыр: ? ,	ак-як-ач: ? ,
ун-юн: ? ,	ок: ? ,
ух: ? ,	ец: ? ,
тр: ? ,	л: ? .
тел: ? .	

Соотвѣтствующіе суффиксы именъ женскаго рода (?).

2) Суффиксы, означающіе лицо по отчеству или происхожденію:

ич: ? ,
н: ? .

3) Суффиксы, означающіе дѣтей:

ат: ? ,
нц: ? .

4) Суффиксы, означающіе лицо по принадлежности къ извѣстному племени, общинѣ, роду, государству и т. п.:

ак: ? ,
ец: ? ,
ич: ? ,
ан-ян: ? .

5) Суффиксы собирательныхъ именъ:

м=ь: ? ,
ад-яд: ? ,
ак-як: ? ,
ик: ? .

6) Суффиксъ единичныхъ понятій—и: ?.

7) Суффиксы, означающіе мѣсто или пространство:

иц: ? ,
н: ? .

8) Суфф., означ. орудіе: л: ши-л-о, ры-л-о.

9) Суфф., означ. предметъ, подлежащій дѣйствию:

м.а=мен: ? .
----

10) Суффиксы именъ предметовъ отвлеченныхъ:

т': ? , от: ? ,

тв: ? , еж: ? ,

ст: ? , к: ? ,

ств: ? . н (съ предъид. з или с): ? .

11) Суффиксы именъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ:

ин: ? ,

ищ: ? ,

к смягч=ц: ? ,

к съ предъид: о, е, и: ? .

12) Суффиксы именъ ласкательныхъ и унизительныхъ:

уш (изъ ух): ? ,

ут: ? ,

уг: ? ,

ыг: ? ,

яг-яж: ? ,

он-ен: ? ,

уш-к: ? ,

ьк: ? и др.

Измѣненіе существительныхъ.

Понятіе о падежахъ, числахъ и склоненіи. Прямые и косвенные падежи. Значеніе падежей: именительнаго (обознач. предметъ безотносительно), родительнаго (означ. въ обширномъ смыслѣ исключеніе, отдѣленіе), дательнаго (—пользу или вредъ), винительнаго (—предметъ, на который направляется непосредственное дѣйствіе другого предмета), творительнаго (—орудіе, средство), мѣстнаго (—мѣсто или время) и звательнаго.

Числа: единственное, двойственное и множественное.

Основы склоненія существительныхъ.

Два главныхъ склоненія именъ существительныхъ.

Къ первому склоненію принадлежатъ имена существительныя, въ которыхъ именительный падежъ равенъ основѣ и окончанію. Сюда относятся 1) существительныя, въ ко-

торыхъ родительный падежъ оканчивается не на *и* (рѣк-ѣ, дѣл-о, рыб-а, кон'-ѣ, пол'-ѣ, кол'-а), 2) существительныя, въ которыхъ родительный падежъ оканчивается на *и* (пѣт'-ѣ, кост'-ѣ). Ко второму склоненію принадлежатъ существительныя, въ которыхъ именительный падежъ короче основы. Сюда относятся существительныя съ основами на *ѣв*, *ер*, *ен*, *ес* и *ат*.

Морфологическое и фонетическое сокращеніе основъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ. Распространеніе въ послѣднемъ 1-го склоненія насчетъ 2-го подъ вліяніемъ аналогіи.

Обозрѣніе надежныхъ окончаній въ старославянскомъ, новославянскомъ и русскомъ языкахъ.

Отличіе старославянскаго склоненія отъ русскаго. Слѣды двойственнаго числа въ русскомъ языкѣ. Древнія формы въ склоненіи русскихъ именъ существительныхъ

Синтаксическое значеніе имени существительнаго.

ГЛАВА VII.

Мѣстоименіе.

Понятіе о мѣстоименіи. Дѣленіе мѣстоименій по значенію (личныя, возвратное, притяжательныя, указательныя, вопросительныя, относительныя, опредѣлительныя [утвердительныя и отрицательныя] и неопредѣленныя).

Образованіе мѣстоименій.

Родовыя окончанія мѣстоименій.

Мѣстоименія первообразныя; ихъ корни.

Производныя мѣстоименія. Ихъ образованіе чрезъ присоединеніе къ первообразнымъ родоваго признака и помощью суффиксовъ (*и* и *ј*: *у-н-н*, *наш-ѣ* = *нас'-ј-ѣ*, *ак-як*, *олик*, *тор* или *тер*: *к-о-тор-ый*; ср. *в-тор-ой* вм. *дѣв-тор-ый*).

Сложныя мѣстоименія (*кѣ-то*, *нѣ-кѣ-то*, *нѣ-уѣ-то*, *нѣ-ко-тор-ый*, *нѣ-к-олик-ѣ*, *кѣ-ждо* = *каждый* = *к-ын-ждо*).

Склоненіе мѣстоименій въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ.

Синтаксическое значеніе мѣстоименія.

ГЛАВА VIII.

Имя прилагательное.

Понятіе объ имени прилагательномъ.

Прилагательное есть названіе признака, выраженного безотносительно.

(Сравнить значеніе признаковъ, заключающихся въ сказуемыхъ предложеній: врагъ — хитрецъ, врагъ хитеръ и врагъ хитрить).

Чѣмъ отличается имя прилагательное отъ существительнаго и глагола?

Дѣленіе прилагательныхъ по значенію (качественныя, относительныя и притяжательныя).

Прилагательныя краткія и полныя (съ мѣстоим. н, и, ю).

Прилагательныя притяжательныя имѣютъ одну краткую форму, въ славянскомъ — иногда двѣ, — относительныя въ славянскомъ — большею частью обѣ формы, въ русскомъ одну полную, — качественныя — ту и другую, кромѣ прилагательныхъ: голубой, карій, видный, общій, родной и нѣкот. др., имѣющихъ одну полную и кромѣ: радъ, гораздъ, имѣющихъ только краткую форму.

Дѣленіе прилагательныхъ по образованію.

Первообразныя присоединяютъ признакъ рода прямо къ корню (яр-ъ, яр-а, яр-о, син-ь, син-я, син-е), производныя образуются изъ первообразныхъ, или отъ корней другихъ частей рѣчи (ярк-ій, по-слуш-н-ый, крас-н-ый), или чрезъ присоединеніе своихъ суффиксовъ къ основамъ другихъ частей рѣчи (род-и-тель-ск-ій).

Суффиксы прилагательныхъ:

мѣстоименный: к: таж-ь-к-ъ;

суффиксы, образовавшіеся изъ окончанія дательн. пад. им. сущ.: ов—ев: кесар-е-в-ъ; причастные: ущ=жщ, юч=жщ, яч=щ, л, м, н и т.

Самостоятельные суффиксы прилагательныхъ:

1) качественныхъ: к съ ъ или ь впереди=ък, ьк, -р, л, ав, ив, ат, ит, аст, ист; суффиксы прилагат. уменьшительн: ен-ьк, он-ьк, ех-он-е-к;

2) относительныхъ: ск, переход. въ цк, когда присоедин. къ звукамъ: к и ч: тре-цк-ій вм. грек'-ск ій, н, ан-ян—и 3) притяжательныхъ: ов-ев, ин-ин, иј.

Происхождение сложнаго склоненія прилагательныхъ.

Сложное склоненіе прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ слилось съ мѣстоименнымъ склоненіемъ.

Склоненіе прилагательныхъ краткихъ и полныхъ. Особенности склоненія прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ.

Степени сравненія прилагательныхъ (положительная, сравнительная и превосходная).

Древнѣйшій и позднѣйшій суффиксъ сравнительной степени (1, ьш при именит. падежѣ муж. рода на ни, женск. ьш-и, средн. ю, присоедин. прямо къ корню прилагательнаго съ смягченіемъ послѣдняго согласнаго звука въ корнѣ, 2, ѣш или аш при имен. пад. муж. р. на ѣ-и или а-и, женск. ѣш-и или аш-и, средн. ѣю или аю, присоедин. къ суфф. прилагательнаго въ положит. степени).

Полная форма им. прилагат. въ сравнительной степени (=корень+суфф. сравн. степ.+мѣстоим. н, м, ю).

Склоненіе прилагательныхъ въ сравнительной степени.

Особенности образованія и склоненія степеней прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ.

Склоненіе причастій.

Синтаксическое значеніе имени прилагательнаго.

ГЛАВА IX.

Имя числительное.

Понятіе объ имени числительномъ.

Дѣленіе числительныхъ по значенію (количественныя и порядковыя, дробныя и собирательныя).

Числительныя первообразныя, производныя и сложныя. Образование числительныхъ сложныхъ количественныхъ. Синтаксическое отношеніе ихъ составныхъ частей, не соединенныхъ предлогомъ „ва“.

Числительныя: дѣв-а, тр-и-ю, устѣр-и-ю относятся къ слѣдующему числительн. какъ слова опредѣлительныя, — числительныя отъ „пяти“ до „девяти“ включительно — какъ опредѣляемыя.

Образованіе числительныхъ сложныхъ порядковыхъ.

Склоненіе числительныхъ: первообразныхъ, производныхъ и сложныхъ въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ.

Синтаксическое значеніе имени числительнаго.

ГЛАВА X.

Н а р ѣ ч і е.

Понятіе о нарѣчій. Значеніе самаго слова „нарѣчіе“. Дѣленіе нарѣчій по образованію (первообразныя: не, ни, вѣ, оу, лѣ, — производныя и сложныя).

Образованіе нарѣчій производныхъ.

По своему происхожденію нарѣчія являются или падежными формами именъ (существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій), или глагольными формами, или даже цѣльными выраженіями.

Самостоятельныя суффиксы производныхъ нарѣчій (де = дѣ, доу, да, лѣ, мо = мѣ, жды, в).

Нарѣчія, представляющія окостенѣвшія формы косвенныхъ падежей именъ существительныхъ (родит., дательн., винит., творит. и мѣстнаго). Нарѣчія, образовавшіяся отъ прилагательныхъ и представляющія формы падежей: винительнаго въ положительной степени (гор-ь-к-о, худо) и сравнительной (прѣжд-е отъ прѣдѣ, лишь = лиш-е отъ лиш-ъ плу-е отъ пак-ъ, хуже, лучше), творительнаго (весь-ми, грѣу ь-ск-ы, дружески) и мѣстнаго (зѣль, съкорнѣ, нынѣ).

Нарѣчія, образовавшіяся отъ числительныхъ (пятью пять, дважды и т. п.).

Нарѣчія, происшедшія отъ мѣстоименій (весь-ма, всячески).

Нарѣчія, представляющія глагольные формы (почти, чуть).

Нарѣчія, происшедшія отъ предлоговъ (под-лѣ, раз-вѣ).

Нарѣчія, представляющія цѣльные выраженія.

Нарѣчія сложные, образовавшіяся изъ соединенія предлоговъ съ именами существительными, прилагат., числительн. и мѣстоименіями и являющіяся, въ связи съ предлогами, формами косвенныхъ падежей: родительнаго (с-на-ча-л-а, из-рѣд-к-а, с-пер-в-а), дательнаго (к-стат-и, по-чему, по-ла-тын-и), винительнаго (во-общ-е, в-тун-е, пок-а, въс-кжж[вскую]), творительнаго (совѣмъ, за-чѣмъ) и мѣстнаго (в-н-ѣ, в-крат-ц-ѣ, в-низ-у, во-пер-в-ыхъ-ъ)

Нарѣчія, образовавшіяся чрезъ сложеніе двухъ предлоговъ съ именами (из под-тиш-к-а, с-на-руж-и, на-из-уст-ъ).

Нарѣчія сложные (означ. время), состоящія изъ именъ и мѣстоименій (днь-съ, те-перь, напередн | = ономъ дньн?).

Дѣленіе нарѣчій по значенію выражаемыхъ ими обстоятельствъ (нарѣчія мѣста, времени, причины, цѣли, количества и качества).

Степени сравненія нарѣчій.

Синтаксическое значеніе нарѣчій.

ГЛАВА XI.

Предлогъ.

Понятіе о предлогѣ. Дѣленіе предлоговъ по употребленію на отдѣльные и слитные; значеніе тѣхъ и другихъ. Предлоги первообразные, производные и сложные.

Предлоги развиваются преимущественно изъ нарѣчій. Собственное и переносное значеніе предлоговъ.

Предлоги первообразные (въ, на, за, до, по, у, при, про, безъ), производные а), происшедшіе отъ первообразныхъ: на-дѣ, по-дѣ, пре-дѣ, —б) образовавшіеся изъ нарѣчій и другихъ частей рѣчи: вы=нз, низ, роз=рлз, чрезъ=съ-кро-з-к=народн. скрозь, междѣ=винит. пад. отъ существ. межда, для=дѣлаи, рад-и, кром-ѣ=дат. пад. отъ существ. кром-а, близ-ѣ, в-дол-ѣ, в-мѣст-о, в-н-утр-и, в-н-утр-ѣ [кор. стслав. жтр], в-н-ѣ, воз-лѣ, во-прек-и [=вин. пад.], о-кол-о [=вин. пад.], о-крест-ѣ [=вин. пад.], мим-о, на-су-про-тив-ѣ, о-прич-ѣ, по-верх-ѣ, по-д-лѣ, по-зад-и [=дат. пад.], по-с-лѣ, по-сред-и, прежд-е, с-зад-и [=род. пад.], сред-и и друг.) и сложные (изъ — за, изъ — подъ).

Предлоги, употребляемые только отдѣльно (къ или ко и предложныя нарѣчія: кромѣ, ради, для и друг.) и — только слитно (воз, вз, взо [=къз-ѣ сочин. съ вин. пад.], вы, низ, на, пра. пре=прѣ, раз, роз, су=сж).

Предлоги, сочиняющіеся съ падежами: родительнымъ (изъ, изъ — за, изъ — подъ, отъ, до, у, безъ, съ и предл. нарѣчія: близъ, для, ради, кромѣ, стсл. разкк и др.), дательнымъ (къ, по), винительнымъ (въ, на, за, объ, подъ предъ, по, съ, сквозь, про, чрезъ, къзъ), творительнымъ (съ, за, надъ, подъ, предъ, между), мѣстнымъ (въ, на, объ, по, при).

Предлоги, сочиняющіеся только съ однимъ какимъ либо падежомъ.

Предлоги, сочиняющіеся съ разными падежами.

ГЛАВА XII.

С о ю з ъ.

Понятіе о союзѣ. Дѣленіе союзовъ по образованію (первообразные: а, и, же, ли, ко; производные, образовавшіеся изъ другихъ частей рѣчи: во 1-хъ, изъ мѣстоименій: то, ч-т-о, по [нио?] и др.; во 2-хъ, изъ нарѣчій, произшедшихъ въ свою очередь, отъ мѣстоименій и другихъ частей рѣчи: к-ак-ъ, т-ак-ъ, ку-да, ту-да, гдѣ [къде], ког-да=юг-да, тог-да, одн-ак-о и др. и въ 3-хъ, изъ глаголовъ: вѣдь=вѣждь, хотя, пусть, де, дескать, молъ; сложные, образовавшіеся во 1-хъ, чрезъ соединеніе первообразныхъ союзовъ: и-ли, ли-бо, да-же, и-бо,—во 2-хъ, чрезъ соединеніе разныхъ частей рѣчи: ни=не и, ни-же, ю-ли, ес-ли [=есть-ли], е-же-ли, по-и-ю-же, да-бы, что-бы, буд-то, так-же и друг.).

Дѣленіе союзовъ по значенію (соединительные, раздѣлительные, противительные, изъяснительные, послѣдовательные, сравнительные, уступительные, условные, причинные и заключительные).

Дѣленіе союзовъ по употребленію (одиночные, повторяемые и двойные).

ГЛАВА XIII.

Междометіе.

Понятіе о междометіи. Дѣленіе междометій по образованію (первообразныя, производныя и сложныя).

Междометіе, какъ служебная и какъ знаменательная часть рѣчи.

Виды междометій.

Междометія звукоподражательныя, являющіяся глагольными корнями.

Синтаксическое значеніе междометій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОБРАЗЕЦЪ МОРФОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

Дерев-е-н-ск-ій вечер-ъ.

(И. АКСАК-ОВ-А.)

Жар-ъ с-вал-и-л-ъ. По-вѣ-ј-а-л-а про-хлад-а.
Дл-ин-н-ый ден-ъ по-кон-ч-и-л-ъ ряд-ъ забот-ъ (?).
По двор-ам-ъ дав-н-о за-гн-а-л-и ст-ад-о,
И кос-ц-ы вер-ну-л-и-с-я съ раб-от-ъ.
По-тем-н-ѣ-ть зар-я у-же готов-а;
Тих-о вс-е. Час-ъ ноч-и не дал-е-к-ъ;
Подъ-им-а-л-с-я и у-лег-с-я с-нов-а
На за-кат-ѣ лег-к-ій вѣ-тер-о-к-ъ.
Говор-ъ с-мол-к-ъ, лиш-ъ из-рѣд-к-а собач-ій
Слы-ш-е-н-ъ лај-ъ; про-мол-в-ят-ъ голос-а...
Пыл-ъ с-лег-л-а-с-ь; о-сты-л-ъ пес-о-к-ъ гор-яч-ій,
Па(д)-л-а сил-ъ-н-о на земл-ю рос-а.
По крај-ам-ъ тем-н-ѣ-ю-щ-аго с-вод-а
Тѣн-и вс-ѣ шир-ок-ія с-ли-л-и-с-ь,
В-с-т-рѣт-и-ть ноч-ь готов-и-т-с-я при-род-а,
За-пах-и от-вс-ю-ду по-нес-л-и-с-ь.

— 12 —
НАХОДИТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ

КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

**„Синтаксисъ въ литературныхъ обра-
зцахъ и пословицахъ“** съ руководящими во-
просами для практическихъ занятій (по русскому языку).
Хрестоматія. Сост. **Ө. Г. Савенко**. 1879. Ц. 85 к.
за экз. съ перес.

Книга эта одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин.
Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособие при занятіяхъ
рус. грамматикой въ сред. учеб. заведеніяхъ.

Складъ этой книги находится въ Редакціи Филоло-
гическихъ Записокъ въ Воронежѣ, также въ Моск-
вѣ въ книжныхъ магазинахъ—**Мамонтова** и въ Цен-
тральномъ книж. магазинѣ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлыя курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположе- нія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.